Г. КОРОЛЬКОВ

ПРАСНЫШСКОЕ СРАЖЕНИЕ

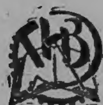
ИЮЛЬ 1915 ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 * 9 * 2 * 8

ПРАСНЫШСКОЕ СРАЖЕНИЕ

ИЮЛЬ 1915 ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР — ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Г. КОРОЛЬКОВ

ПРАСНЫШСКОЕ СРАЖЕНИЕ

ИЮЛЬ 1915 ГОДА

ТАКТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

РУКОПИСЬ ПОДГОТОВЛЕНА К ПЕЧАТИ НУО ШТАБА РККА.

★
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА
Пл. Урицкого, 10.
В.10. Гиз. № 24688.
Ленинградский
Областлит № 155.
Тир. 3.000-10 п. л.
Заказ № 228.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Чем больше времени проходит, тем меньше в рядах Красной армии остается непосредственных участников боевых столкновений мировой войны. Вступая в ряды армии молодежь чужда непосредственных боевых переживаний. Пополнить этот пробел молодого командного состава можно только изучением военной истории. Отдельные эпизоды ближайших к нам войн, мировой и гражданской, могут дать приблизительное представление о характере возможных будущих столкновений. Настоящая книга, излагающая Праснышское сражение, как пример пассивной обороны, может дать для нашего командного состава многое при внимательной его проработке.

Помимо того, участники войны найдут в этом примере для себя поучительные стороны, проследив как преломляется замысел в исполнении, как вредна для дела пассивность во многих событиях и явлениях войны. Современный решающий фактор боя—огонь артиллерии—выявляется в этом примере с большой рельефностью, благодаря большой разнице в числе и калибре орудий, имевшихся у сторон.

Все это делает настоящую книгу полезной как для военного читателя, так и для наших военно-учебных заведений.

ОТ АВТОРА.

Летом 1915 г. германцы решили вывести из строя воюющих русские армии. Выполнение этой идеи потерпело крушение по причинам, изложенным в выпуске 4 „Военно-Исторической Библиотеки“ (Несбывшиеся Канны). Служебные трения между Фалькенгайном и Гинденбургом привели к тому, что германцы одновременно вели против русских два главных удара. Один удар на Шавельском направлении против армии Плеве встретил активное сопротивление и сражение продолжалось 12 дней. Другой удар на Праснышском направлении встретил пассивное сопротивление, и сражение продолжалось 5 дней. В обоих случаях состояние и материальное снабжение русских войск было одинаково, но при активном сопротивлении русская армия боролась двенадцать дней и пострадала меньше, чем при пассивном сопротивлении, продолжавшемся 5 дней.

Автор поставил своей задачей—на примере Праснышского сражения показать весь вред пассивной обороны. К счастью для русских, германцы сделали несколько существенных ошибок и им не удалось добиться стратегического успеха. На примере этого сражения можно видеть, как возросла сила обороны с развитием техники огнестрельного оружия. Германцы при четверном превосходстве в отношении огня с трудом могли преодолевать огонь обороны. На примере этого сражения можно видеть значение моральных сил борцов, т.-е. тех сил, которым прежде приписывали три четверти успеха. С развитием техники моральный элемент не потерял своей ценности, так как человек остался главнейшим фактором боя. Для сохранения моральных сил снабжение техникой имеет весьма большое значение и ее недостаток может вести к упадку духа.

Если труд автора, выполненный в мере сил и возможности, принесет небольшую долю пользы командному составу Красной армии, он будет считать свою задачу выполненной.

Ссылки на дела даны по картотеке Военно-Исторического архива отдела Мировой войны; к сожалению, многих дел (журналы батальонов и рот) нельзя было найти.

ВВЕДЕНИЕ.

Окрестности небольшого уездного города Прасныша (быв. Плоцкой губ.) втечение первого года мировой войны не раз служили полем боя русских войск с германскими. Первое столкновение произошло после катастрофы армии Самсонова, когда ее остатки отходили к р. Нарев. Потом в период Лодзинской операции—здесь происходили бои I Туркестанского корпуса с германским корпусом Цастрова. В начале 1915 г. германцы овладели Праснышем, но в феврале того же года русские вновь заняли его весьма искусным маневром (Праснышская операция). Наконец, в июле 1915 г. здесь произошло весьма крупное сражение, являющееся предметом настоящего описания. Это Праснышское сражение, пятое за время войны, составляет начало наступления 12-й германской армии Гальвица для выполнения плана Фалькенгайна. Будучи начальником германского генерального штаба, Фалькенгайн хотел объединить усилия германских и австрийских армий и втечение лета 1915 г. принудить Россию к сепаратному миру. [1] По плану Фалькенгайна армия Гальвица должна была наступать с севера через р. Нарев и далее, в направлении на Седлец, навстречу армиям Макензена, которые должны были наступать на север между р.р. Висла и Зап. Буг. В своем конечном результате этот грандиозный маневр Фалькенгайна должен был повести к окружению нескольких русских армий. Германцы ожидали повторения Седана, [2] но в значительно большем размере.

Командующий восточным германским фронтом Гинденбург и его начальник штаба Людендорф стремились выполнить другой маневр, направив удар в обход с севера крепости Ковно и с выходом на Вильно и далее на Минск, т.-е. стремились глубоко обойти правый фланг русских и угрожать путям отхода армий от р. Вислы на восток. Однако, личное вмешательство Вильгельма II побудило Гинденбурга пойти на уступки и в результате германцы одновременно вели два главных удара—явление крайне редкое в их практике. Один

[1] План Фалькенгайна подробно изложен в „Военно-Исторической Библиотеке“, выпуск 4 (Несбывшиеся Канны).

[2] Meyer. Der Durchbruch am Narew. 1915 г. Стр. 19.

удар севернее Ковно, [1] а другой удар армией Гальвица, начало которого составляет Праснышское сражение.

Для выполнения этого удара пришлось ослабить на три дивизии 9-ю германскую армию, находившуюся на важном Варшавском направлении. Однако, собранных сил было мало, и Гальвица усилили тяжелой артиллерией, доведя число батарей до 60, или до 240 орудий. Кроме того, Гинденбург задержал отправку двух дивизий, назначенных для удара севернее Ковно.

В Праснышском сражении германцы решили добиться успеха превосходством над русскими в технике и особенно преимуществом в числе орудий и боевых припасов. В это время русские армии переживали кризис в снабжении материальной частью и особенно боевыми припасами. Русская—небольшая по числу орудий—артиллерия была крайне ограничена в расходовании снарядов и существовало распоряжение, разрешающее расходовать в день не более 5 выстрелов на орудие. [2] Эта мера несомненно связывала активность начальников и ложилась на войска тяжелым бременем, что отражалось на моральном состоянии частей. Тем не менее русский солдат и в этом тяжелом для него положении даже при плохом управлении проявил выдающееся упорство и самопожертвование.

---

[1] Это наступление изложено в „Военно-Историч. Библиотеке" выпуск 10 (Сражение под Шавли в июле 1915 г.).

[2] Дело № 44033, стр. 48.

I. ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН ПЕРЕД НАЧАЛОМ ГЕРМАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ.

(К 5 июля/22 июня).

Положение германцев. 12-я германская армия ген. фон-Гальвица (начальник штаба ген. Марквардт) занимала участок протяжением свыше 140 *км* от р. Розога в районе Мышинец до р. Висла в районе Плоцк (схема № 1). Левее находилась 8-я армия ген. Шольца, а правее—9-я армия принца Леопольда Баварского. Гальвиц, получив задачу, выработал план действий и в соответствии с ним развернул корпуса армии для наступления. К 5 июля (22 июня) корпуса занимали такое положение: [1]

а) I армейский корпус ген. Эбена (24 бтл., 6 эск., 160 ор.)—от д. Залесье (на р. Розога) до д. Дынак (на р. Оржиц), на участке свыше 30 *км.* В среднем, на 1 *км* приходилось около 1.000 штыков и 5 орудий.

б) XIII армейский корпус ген. фон-Ваттера (36 бтл., 9 эск., 296 ор.)—от д. Еднорожец (на р. Оржиц) до д. Мхово (на шоссе из Хоржеле в Прасныш), на участке около 15 *км.* В среднем, на 1 *км* приходилось 3.000 штыков и 20 орудий.

в) XVII армейский корпус ген. фон-Панневица (24 бтл., 6 эск., 240 ор.)—западнее д. Мхово на участке в 10 *км.* В среднем, на 1 *км* приходилось 3.000 штыков и 24 орудия.

г) XI армейский корпус ген. фон-Плюскова (24 бтл., 6 эск., 256 ор.) далее до д. Клюшево (на р. Лыдыня), на участке около 10 *км.* На 1 *км* приходилось 3.000 штыков и более 25 орудий.

д) XVII резервный корпус ген. Сурена—от д. Клюшево до м. Рационж (18 бтл., 4 эск., 124 ор.), на участке до 40 *км,* что дает на 1 *км* около 400 штыков и 3 орудия. [2]

е) Сводный корпус ген. фон-Дикгут-Гарраха (20 бтл., 4 эск., 108 ор.)—от м. Рационж до д. Слупно (у р. Висла), на участке до 40 *км,* или на 1 *км* до 500 штыков и 3 орудия.

---

[1] Meyer. Der Durchbruch am Narew. Стр. 20—22.

[2] В Die Geschichten und Gefechte показана еще 3 австрийская кав. дивизия, но о ее действиях в других источниках не говорится. Русская разведка два раза упоминает об австрийской спешенной коннице на Сарпецком направлении.

ж) Резерв армии—в районе д. Шумск, находились: 1) 36 пехотная дивизия (12 бтл., 3 эск., 72 ор.), 2) ландверная бригада ген. Пфейля (6 бтл.) и 3) гвардейская кавалерийская бригада (8 эск., 6 ор.), а всего 18 батальонов, 11 эскадронов, 80 орудий.

Всего армия Гальвица имела (см. приложение № 1) 164 батальона, 37 эскадронов и 1.256 орудий. Из них было между р.р. Оржиц и Лыдыня развернуто 84 батальона, 782 орудия (половина всей пехоты и две трети всех орудий), что указывало на характер плана Гальвица, и если бы русские могли точно знать расположение сил германцев, они могли бы предугадать план действий противника.

К началу наступления число бойцов в армии Гальвица достигало 177.000, но в продолжение сражения к ней были направлены подкрепления (две пехотные дивизии), что увеличило силы армии до 188 бтл., 41 эскадрона и 1.382 орудий.

Положение русских. Между р.р. Розога и Висла, т.-е. против участка 12-й германской армии находились: а) левый фланг 12-й русской армии Чурина—IV Сибирский корпус Сычевского и б) вся 1-я русская армия ген. от кавалерии Литвинова (начальник штаба ген. Одишелидзе и ген.-квартирмейстер ген. Рычков). IV Сибирский корпус занимал участок между р.р. Розога и Оржиц против I германского корпуса. Левее 1-й армии на левом берегу Вислы находилась 2-я армия и ее правый фланг — V Сибирский корпус, находился уступом назад по отношению 1-й армии, что заставило из гарнизона крепости Новогеоргиевск выдвинуть Вышегродский отряд для наблюдения за участком по Висле (схема № 1).

В ночь на 5 июля (22 июня) 1-я армия закончила перегруппировку (выделение II Сибирского корпуса для отправки его в 3-ю армию), и части заняли такое положение:[1]

а) I Сибирский корпус ген. Плешкова (начальник штаба ген. Зиборов) занимал 2-й Сибирской дивизией участок от д. Еднорожец до д. Мховко. Другая дивизия корпуса находилась в резерве армии, и корпус имел в своем составе 16 бтл., 6 сотен, 60 орудий. Занимая участок до 15 *км*, корпус мог противопоставить XIII германскому корпусу на каждый *км* около 800 штыков и 4 орудий.

б) I Туркестанский корпус ген. Шейдемана (начальник штаба ген. Цихович) занимал участок от д. Мховко до р. Лыдыня у фол. Помяны 11-й Сибирской дивизией, т.-е. против XVII и XI германских корпусов находилось 16 бтл., 40 орудий, или на 1 *км* около 700 штыков и 1—2 орудия. От р. Лыдыня до р. Вкра находились 1 и 2 Туркестанские стрелковые бригады на участке до 30 *км*, что дает на 1 *км* около

---

[1] Дело № 97030, стр. 119.

500 штыков и менее 2 орудий. Состав корпуса: 35 бтл., 22 сотни, 104 орудия. [1]

в) XXVII корпус ген. Баланина (30 бтл., 8 сот., 87 ор.) занимал участок от р. Вкра (у Кондраец-Шляхецкий) до р. Мотава (у д. Лонево) протяжением до 35 *км.* Это дает на 1 *км* около 800 шт. и менее 3 ор.

г) I кав. корпус ген. Орановского (2 бтл., 72 эск., 30 ор.)— на участке от д. Лонево до р. Вислы и наблюдение реки до д. Дрвала. Далее по реке Висле находился отряд из крепости.

д) Крепость Новогеоргиевск [2] (три ополченские бригады и 1.094 ор.).

е) Резерв армии—1 Сибирская дивизия (16 бтл., 36 ор.) в районе Луково.

Не считая гарнизона крепости, в составе 1-й армии (подробно состав в приложении № 2) находилось 99 бтл., 108 эск., 377 ор., что давало 106.960 бойцов.

Тыловой район армии ограничивался справа линией р. Оржиц — д.д. Красносельц — Хелхи — Малкин — участок жел. дор. Малкин—Щепетов и далее через Сураж (схема № 2). Разграничительную линию слева составляли: р. Висла до Яблонна, линия южнее д. Тлущ на д. Паплин и далее на д. Гайновку.

Армия обслуживалась железными дорогами Цеханов—Насельск—Варшава и далее на Белосток и Остроленка—Вышков—Тлущ. Для облегчения подвоза были построены полевые железные дороги с конной тягой по шоссе от Вышкова через Пултуск до Прасныша и от Насельска в Плонск. Провозоспособность этих дорог не превышала 18.000 пудов в день. Благодаря этим дорогам можно было приблизить к войскам корпусные расходные магазины.

Они были заложены: а) для I Сибирского корпуса— в д. Красне, б) для I Туркестанского корпуса — в Цеханове, в) для XXVII корпуса—в Плонске. [3] Такое расположение магазинов давало возможность обходиться одними полковыми обозами и дать дивизионным обозам отдых на поправку лошадей, повозок и сбруи. Иногда взвод дивизионного обоза назначался на роль полкового обоза и тогда последнему давалось время на поправку.

Для I кавалерийского корпуса расходный магазин был открыт на ст. Гонсотсин, откуда армейские транспорты подвозили к полкам. Для этой цели назначены 4 транспорта 7 обозного батальона с подъемной силой на 13.000 пуд. (плохое состояние путей заставило уменьшить норму груза) и все 5 транспортов 55 дополнительного обозного батальона (на 15.000 пуд.).

---

[1] Дело № 73818, стр. 93—96.
[2] Дело № 73818, стр. 103.
[3] Дело № 73811, стр. 9, 10.

Корпусные хлебопекарни были расположены: а) I Сибирского корпуса в Варшаве, откуда их не хотели перемещать, так как они были отлично расположены, б) I Туркестанского корпуса в Насельске и в) XXVII корпуса в Пржиборовице. Мука ими получалась из фронтового магазина в Варшаве, из армейского магазина в Насельске или доставлялась по полевой жел. дороге.

Кроме Насельска, армейские продовольственные магазины были устроены в Вышкове и Яблонна и запасной магазин на ст. Пяски. Магазины фронта находились в Варшаве, Малкине, Белостоке. В Малкине находились армейские хлебопекарни.

В снабжении продовольствием людей и лошадей все было благополучно и перебоев не наблюдалось. Совершенно в ином положении было снабжение боевыми припасами. Лето 1915 г. было наиболее острым периодом: чувствовался не только снарядный голод, но и винтовочных патронов было ограниченное число. Недостаток в боевых припасах не только сковывал активность начальников, но неблагоприятно отражался на моральных качествах войск.

Такое же неблагополучное состояние было в снабжении материальной частью. Не все батареи имели положенное число орудий, а в рядах некоторых полков были безоружные. В I Туркестанском корпусе недоставало 1.763 винтовки для наличного состава. Пулеметов во многих полках было значительно менее штатного числа, что заставляло войска скрывать захваченные у противника пулеметы и применять их в бою.

В санитарном отношении армия была снабжена хорошо. Дивизии имели полное число установленных лазаретов и госпиталей. В Цеханове, Яблонна, Вышкове и Малкине открыты армейские госпиталя и эвакуационные пункты. Во всех корпусах было по несколько передовых отрядов и лазаретов Красного креста. В случае массовых ранений было опасение за малое количество транспортных средств.

При армии находилась автомобильная рота, которая была расположена частью в Вышкове, частью в Яблонна. Это было сделано с целью облегчить работу войсковых парков, которым приходилось получать боевые запасы в местных парках в Вышкове и Новом Дворе. Пользуясь жел. дор., один парк был выдвинут в Цеханов.

Численность войск была ниже штатного состава на 8—15%, а находящиеся при армии три запасных батальона имели только по 300—400 чел. переменного состава [1] и, следовательно, не могли пополнить некомплекта, а тем более возместить потери в случае боя.

Сравнение положения сторон. Кроме 1-й армии, перед 12-й германской армией находился IV Сибирский корпус,

[1] Дело № 73818, стр. 107.

СХЕМА №2.
Тыловой район 1 армии
км.
Условные обозначения:
□.... продовольств. магазин,
●.... хлебопекарня,
х.... местный парк,
⊞.... госпиталь.
Сольдау
Нейденбург
Виленберг
Р. Шква
Млава
Хоржеле
Р. Оржиц
Р. Вкра
12-я АРМИЯ
1-я АРМИЯ
Прасныш
Красносельц
Остроленка
Ломжа
Р. Нарев
Цеханов
Красне
Хелхи
Манов
Рожан
Гонсотсин
Плонск
Пултуск
Пяски
Разгранич. т.
Остров
Белосток
Пржиборовице
Насельск
Щепетов
Сураж
Новогеоргиевск
Новый Двор
Вышков
Малкин
Линия м. 1 и 12 арм.
Яблонна
Лохов
(гурты скота)
Сохачев
Глущ
Лаппин
Разграничит. линия 1 и 2 армий
Гайновка
Ловичъ
Блоне
Варшава
2-я АРМИЯ
Р. Зап. Буг
Седлец
Р. Висла
Р. Пилица

имевший численность до 35.000 бойцов. Силы русских (IV Сибирский корпус и 1-я русская армия) составляли 82% сил германцев, т. е. германская армия была в общем сильнее на 18—20%. Такое превосходство далеко недостаточно для одержания тактического успеха, а тем более для развития его в успех стратегический. Этот недостаток сил компенсировался техникой. Против 377 русских орудий германцы имели 1.256, т.-е. превосходили почти вчетверо.

Гальвиц развернул свои войска так, что на участке между р.р. Оржиц и Лыдыня, на фронте в 35 *км*, сосредоточил явно превосходные силы по числу и технике, тогда как Литвинов всю армию равномерно растянул по всему фронту, который представлял тонкую легко прорываемую линию. Кажется несколько странным не использовать наличия крепости Новогеоргиевск, которая со своими 1.000 орудиями составляла значительную опору. Участок перед крепостью был занят так же, как и на остальном фронте, тогда как его можно было занять весьма слабо и оттянуть 1 или $1^1/_2$ дивизии в резерв. Так мог получиться достаточный кулак для противодействия удару противника посредством маневра. Как увидим далее, штаб русской армии оказался совершенно пассивным.

Такого активного резерва требует всякая оборонительная задача, особенно при пассивной обороне.

Значительный перевес в артиллерии у германцев давал им возможность создать сильный о г н е в о й м о л о т, который был бы способен устранить все препятствия на пути атакующей пехоты. В такой момент фланговый удар обороняющегося, произведенный достаточными силами, мог остановить успех германцев и во всяком случае значительно ослабить их удар. В сохранившихся делах архива не удалось найти даже намека на активный план штаба 1-й русской армии.

В отношении снабжения германцы находились в более выгодном отношении. Их выгрузочные станции (Виленберг, Нейденбург и Млава) были от войск в расстоянии 25—35 *км*. Узел путей, Серпец, использован для устройства складов, соединенных с Торном и войсками автомобильными транспортами. Р. Висла использована для подвоза в Плоцк. На более выгодном участке Гальвиц сосредоточил ударную группу и тем создал для себя благоприятную обстановку для выполнения удара.

В результате подготовки к сражению германцы имели: а) небольшой перевес в силах, но сосредоточили группу для сильного удара, б) тройное и более превосходство в технике, позволявшее оказать пехоте весьма существенную поддержку. Русские имели большой козырь в наличии крепости Новогеоргиевска, но не воспользовались ею с маневренной целью.

II. КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЛЯ СРАЖЕНИЯ.

Поле Праснышского сражения в общем представляет холмистую равнину, покатую с севера на юг к рекам Висле и Нареву.[1] Притоки этих рек прорезают равнину своими долинами, имеющими ширину 1—3 *км*. Дно долин представляет большею частью мокрый луг, но встречаются сильно заболоченные участки. В таких случаях реки представляли значительную тактическую преграду, требующую специальных работ для устройства переправы.

Из этих рек заслуживают внимания:

Р. Оржиц (Оржиш) берет начало из небольших болот восточнее Млавы и затем у д. Длугиконты уходит под землю и вновь появляется на дневную поверхность у д. Згржевск. Отсюда река течет в болотистой долине до 1 *км* шириною. От Хоржеле (схема № 1) река течет в такой же болотистой долине, расширяющейся до 5—6 *км*. Река дробится на рукава и на этом участке составляет серьезное препятствие. Дно реки покрыто слоем топкого ила и для переправы нужны гати и мосты. Такой характер река сохраняет до запруды у д. Дронджево. Ниже запруды, называемой Дронджевским озером, река течет по более узкой долине с сухим дном, покрытым мелкими кустами. Берега долины становятся выше и круче, а левый берег почти всюду сохраняет командование.

Ширина реки 10—12 *м* при глубине до 2 *м*. На реке много бродов и ниже Дронджевского озера река не представляет особого препятствия. Если к переправе или броду нет дороги, то надо отрыть спуски в береговых холмах.

Из притоков Оржиц следует упомянуть р. Венгерку, которая протекает через Прасныш. Левый приток Венгерки р. Муравка пересекает позиции сторон. Обе реки текут в долинах 1—2 *км* ширины, дно долин—мокрый луг, затрудняющий движение тяжелой артиллерии. Ниже Прасныша долины становятся суше и уже (см. схему № 3).

Р. Вкра (Дзялдувка, в Восточной Пруссии—Сольдау) прорезает фронт сторон у д. Кондраец-Шляхецкий. Ширина реки

---

[1] А. Золотарев. Записки военной статистики. Т. II, стр. 97—112.

15—25 *м* при глубине 2 *м*, но встречается много бродов. Долина реки шириною до 2 *км* с пологими берегами и луговым дном. Местами дно долины заболочено, но переправа возможна с настилом фашин или хвороста.

Левый приток Вкры р. Лыдыня отличается таким же характером, но ее долина местами шире, а дно—мокрый луг с близкой подпочвенной водой, что затрудняло сооружение не только убежищ, но даже окопов полной профили.

Другой приток Вкры р. Сона (Соня) течет в более сухой долине, которая достигает иногда до 5 *км* ширины.

Остальные реки носят такой же характер. Общее направление их течения с севера на юг, т.-е. почти параллельно путям наступления сторон. Все они затрудняют держание связи, иногда своими болотистыми долинами затрудняют поддержку одной колонны другою. Следует заметить, что лето 1915 г. было особенно жарким, вследствие чего все реки значительно обмелели, многие болота подсохли и стали проходимы, число бродов увеличилось, так как появились новые.

Холмы, покрывающие равнину, представляются беспорядочно разбросанными, но их можно сгруппировать в неправильные цепи. Такая цепь тянется от Остроленки по правому берегу Нарева и, постепенно повышаясь в западном направлении, в районе д. Кржишево достигает наибольшей высоты, образуя весьма пересеченную местность, затрудняющую движение войск и особенно их тяжестей крутыми спусками и подъемами на плохих проселочных дорогах. Этот район получил название Кржишевских гор. Эти горы упираются в р. Оржиц в районе Ленгмаков, образуя ее левый командующий берег. Западнее р. Оржиц холмы становятся ниже и далее разделяются на три ветви. Южная следует вдоль р. Нарев, образуя прихотливую сеть возвышенностей, прорезанных долинами мелких рек и ручьев, и служащих основой для укрепленных позиций у Рожан и Пултуска. Средняя ветвь тянется на запад и наибольшее развитие получает в районе д. Опиногура, отделяя от себя мощный отрог на север. Этот отрог сначала представляет довольно явственный гребень до района д. Пщулки, а далее образует пересеченную местность в верховьях р. Венгерка и севернее. Наконец, третья ветвь заполняет пространство между р.р. Оржиц и Венгерка, постепенно повышаясь к северу.

Все эти холмы не превышают 350 *м*, а над равниной поднимаются не выше 15—25 *м*. Их склоны большею частью пологи и по своей длине составляют некоторое препятствие для атакующего. Вершины холмов часто могут служить хорошими наблюдательными пунктами. По своей конфигурации холмы не дают хорошей позиции, но могут служить для создания опорного узла.

Леса встречаются небольшими группами и могут иметь малое тактическое значение.

Почва района преимущественно суглинок с примесью подзола. Такая почва во время дождя быстро распускается в большую грязь, которая липнет к ногам и колесам и чрезвычайно затрудняет движение.

Свойства поля сражения не давали обороняющемуся никаких преимуществ перед наступающим, вследствие чего успех обороны приходилось основывать на силе окопов и искусственных препятствий.

Район богат шоссейными путями, но все проселочные дороги находились в самом неприглядном состоянии. Они были узки, с плохими мостами, и в дождливое время превращались в густое месиво.

Население района, преимущественно поляки (до 75%), относилось сочувственно к русским войскам. Остальное население почти поровну распределяется между немцами-колонистами (10—12%) и евреями (12—13%). Эти народности относились к русским большею частью враждебно и вредили им при всякой возможности (вырезали участки проводов, портили мосты, устраивали пожары и пр.).

Занятие жителей, главным образом, земледелие, но больших местных средств не было. Край опустошен военными действиями, и довольствие войск приходилось основывать только на подвозе.

III. ПЛАНЫ СТОРОН.

План Гинденбурга. Относясь отрицательно к плану Фалькенгайна, Гинденбург целью наступления армии Гальвица ставит не стремление дойти до встречи с армиями Макензена, а лишь достижение района Вышков—Тлущ (схема № 1). Цель этого маневра—выход в тыловой район 2-й русской армии, дабы заставить ее очистить Варшаву и левый берег Вислы.[1] Для достижения этой цели надо сначала подойти к Нареву и потом форсировать реку. Этот подход к Нареву составляет Праснышское сражение, а форсирование реки получило название сражения на р. Нареве. Для облегчения задачи Гальвица 8-я армия Шольца должна наступать своим правым флангом, направляя главный удар в полосе левого берега р. Шква. Предоставляя командующим армиями составление и разработку планов выполнения, Гинденбург оставил за собою согласование действий этих армий, но далее мы увидим, что штаб восточного германского фронта вмешался в исполнение задачи. Учитывая возможность успеха на Нареве, Гинденбург для его развития решил еще усилить армию Гальвица, для чего распорядился перевозкой 50-й рез. дивизии из состава 10-й армии и дивизии Менгеса из 9-й армии.

План Гальвица. Для прорыва русского фронта Гальвиц наметил участок между р.р. Оржиц и Лыдыня и в соответствии с этим решением развернул части для наступления, принимая все меры для скрытности перемещений. С этого участка фронта идут ближайшие пути в район Вышков—Тлущ (схема № 1) через Пултуск. В то же время это направление достаточно удалено от Новогеоргиевска, и получалась некоторая безопасность от флангового удара со стороны этой крепости. Наконец, избранный участок для прорыва находился недалеко от выгрузочных станций, что облегчало подготовку к наступлению. Учитывая необходимость подготовки, Гальвиц считал необходимым дать свои указания заблаговременно и 5 июля (22 июня) разослал приказ. Сущность плана Гальвица по этому приказу сводится к следующему:[2]

---

[1] Schwarte. Der grosse Krieg. T. II, ч. 2, стр. 179—180.
[2] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 29—30.

а) XIII арм. корпус Ваттера (36 бтл. 296 ор.) должен наступать между р. Оржиц и линией Мхово—Щуки, имея своей дальнейшей целью атаку Рожан.

б) XVII и XI арм. корпуса (48 бтл. 496 ор.) должны наступать между линией Мхово—Щуки и линией р. Лыдыня—Опиногура, имея дальнейшую цель атаковать Пултуск XVII корпусом с севера, а XI корпусом с запада.

в) I арм. корпус должен прикрывать участок между р.р. Розога и Оржиц и своей 2-й пех. дивизией содействовать XIII корпусу.

г) XVII рез. корпус должен обеспечивать главный удар справа, а корпус Дикгута должен наблюдать за крепостью Новогеоргиевск.

д) Наступление должно начаться с утра 12 июля (29 июня), к какому времени следует закончить все подготовительные работы.

Таким образом, войскам давалась неделя для подготовки. В действительности за это время подготовку не удалось закончить, и наступление началось на день позже.

Намечаемый Гальвицем удар выполняется двумя группами. Западная группа состоит из двух корпусов, и за нею расположен резерв армии. Однако эта группа не объединена в одних руках, но сам Гальвиц взял на себя ближайшее руководство подготовительными работами, чем достигалось единство действий на главном направлении. Восточная группа Ваттера выполняет как бы побочный удар, но она достаточно сильна для самостоятельного выполнения прорыва. Обе группы направляются по сторонам Прасныша, и сам Прасныш не является объектом действий. Этот город, лежащий как бы в котловине, не имел никакого тактического значения, но находился в узле путей на Пултуск и Цеханов.

Обращаясь к группировке сил германцев, видно, что для выполнения удара Гальвиц сосредоточил на участке в 35 *км* вместе с резервом армии 102 бтл. и 860 ор., а на остальном фронте армии свыше 100 *км* оставлено 62 бтл. и 392 ор. Приняв меры скрытности и достигнув этим некоторой внезапности удара, Гальвиц ставит русских в невозможность оказать быстрое противодействие каким-либо контр-маневром, так как для этого надо время. Не давать русским времени на перегруппировку и безостановочно развивать наступление будет лучшим способом для действий. Далее мы увидим, что этого Гальвиц не выполнил.

План Алексеева. Когда Гальвиц отдавал распоряжения о подготовке удара, по настоянию главнокомандующего Северо-Западным русским фронтом ген. Алексеева происходило совещание при штабе этого фронта. На совещании были вся ставка и главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. Иванов. На этом совещании, 5 июля (22 июня), Алексеев

потребовал снятия с армий фронта задачи—удерживать Варшаву и прикрывать плацдарм на левом берегу Вислы, так как ставка имела в виду дождаться возможности перехода в наступление против Германии. Материальные рессурсы не позволяли надеяться на наступление в ближайшее время, а между тем армии Северо-Западного фронта приковывались к своим участкам и лишались свободы маневра. Более дальновидный Алексеев считал отход русских армий под давлением германцев неизбежным последствием материальной слабости и стремился получить полную свободу операций, дабы без предварительных соглашений со ставкой отводить армии назад в зависимости от обстановки. Алексеев изложил все свои соображения и поставил вопрос ребром—сохранить Варшаву или сохранить армии, нужные для продолжения борьбы. Совещание под председательством верховного главнокомандующего приняло компромиссное решение—отводить армии назад в зависимости от обстановки, но предварительно эвакуировать Варшаву. [1] Приблизительный расчет показал, что для эвакуации Варшавы надо около трех недель и стало быть, на все это время надо было задержать отход армий, а в случае наступления германцев потребовать от войск упорного боя и больших жертв. Вряд ли Варшава стоила этого.

В результате Алексеев не добился полной оперативной свободы и направил все свое внимание к облегчению армиям этой задачи. Сначала он хотел отвести армии на переход назад с целью сократить фронт и получить возможность снять часть сил в резерв. Оказалось, что 1-я армия не имела подготовленной тыловой позиции, для постройки которой надо 3—4 недели. Тогда Алексеев дал армиям такие указания: [2]

а) 2-я армия продолжает прикрывать Варшаву, и по окончании эвакуации города первая начинает отход (схема № 2);

б) 1-я армия обеспечивает положение 2-й армии, удерживая свое настоящее положение, и начинает отход одновременно со 2-й армией по соглашению с нею;

в) 12-я армия согласует свой отход с 1-й армией.

Этот план действий требовал от 1-й армии весьма упорной обороны, дабы удержаться на занимаемых позициях до конца эвакуации Варшавы. Ни занимаемый армией фронт, ни пассивность ее командования не отвечали поставленному требованию.

Варшава была не только политическим и административным центром, но также промышленным. Это последнее обстоятельство диктовало ее эвакуацию. А между тем рядом была крепость Новогеоргиевск с 1.000 орудий и большим

---

[1] Дело № 438, стр. 342, 343.
[2] Дело № 438, стр. 292, 395.

количеством боевых запасов. Принимая во внимание общий недостаток в том и другом и учитывая участь более сильных крепостей Антверпена и Намюра, казалось бы правильнее поставить вопрос об эвакуации крепости. Такой вопрос Алексеев ставил, но ставка рассчитала, что она не может дать нужных 1.000 поездов, и предпочла эвакуацию Варшавы.

Алексеев предвидел, что противник не ограничится наступлением между р.р. Висла и Зап. Буг на север, а начнет также наступление через р. Нарев с севера на юг. Этому удару могли подвергнуться 12-я и 1-я армии сразу, или одна из них. Для их поддержки надо было спешно сосредоточить достаточной силы резерв. Для достижения этой цели Алексеев приказал спешно пополнить 3-ю Туркестанскую стр. бригаду, расположенную в Белостоке (ее пополнили ополченцами), и приготовить к быстрой посадке на ст. Блоне IV арм. корпус, находившийся в резерве 2-й армии. Затем он обратился к ставке с просьбой немедленно перевести из резерва Юго-Западного фронта XXI арм. корпус, направив его в Малкин, т.-е. за стык 12-й и 1-й армий. По выполнении этого—в руках Алексеева мог быть резерв силою до $2^1/_2$ корпусов.

План Литвинова. Удержаться на занимаемом участке фронта до окончания эвакуации Варшавы—являлось весьма трудной задачей для 1-й армии, так как она имела менее одного батальона на километр фронта. Опасение слишком ослабить фронт при увеличении резервов заставляло ограничиваться в этом отношении минимальным, лишь бы иметь возможность снимать с позиций части для отдыха. Таким образом не оперативный, а хозяйственный расчет руководил выводом частей в резерв армии. Упорство обороны приходилось основывать на силе позиции. Поэтому все внимание отвлекалось развитием работ по усовершенствованию окопов, искусственных препятствий и ходов сообщения. К работам на тыловой позиции, намеченной по линии Красносельц—Подосье—Щуки — Цеханов — Плонск — Вышегрод, приступили только с утра 5 июля (22 июня), т.-е. одновременно с началом подготовки Гальвицем прорыва фронта 1-й армии. Гальвиц рассчитывал в неделю закончить подготовку, а для окончания постройки позиции требовалось не менее трех недель. Дабы корпуса знали свои участки на строящейся позиции и ознакомились с ними, Литвинов 8 июля (25 июня) отдал приказ, [1] которым указаны пути на случай отхода, и участки для занятия войсками.

В делах штаба 1-й армии за этот период времени не удалось обнаружить даже намека на существование какого-либо плана с активными задачами или с проектом контр-маневра в случае наступления германцев на каком-либо направлении. Если

---

[1] Дело № 97423, стр. 133.

такие вопросы обсуждались, то они не оставили никакого следа. Несомненно, что недостаток боевых припасов связывал активность, но столь трудная для армии задача не должна выполняться одним пассивным отсиживанием в окопах, причем для подпорок с тыла не было резервов. Отсутствие оперативных соображений о противодействии натиску противника соответствующим контр-маневром доказывает полную пассивность штаба армии. Литвинов мирился с этой пассивностью и не предъявлял штабу никаких оперативных требований. Заведенная работа шла, как часы, с притупляющим однообразием.

Изложенное позволяет заключить, что в штабе армии не было никакого плана для противодействия наступлению противника контр-маневром или перегруппировкой частей для выкраивания сильного резерва за угрожающим участком. Все сводилось к полной пассивности, как бы заранее подчиняясь воле противника.

Сравнение планов сторон. Фалькенгайн стремился наступлением армий Макензена с юга и армии Гальвица с севера отрезать несколько русских армий от путей отхода на восток и тем создать повторение Канн или Седана. Алексеев предвидел такой маневр противника, но связанный задачей эвакуировать Варшаву, старался подготовить на вероятных путях германского наступления сильные резервы с целью задерживать натиск противника для выигрыша времени, нужного для этой эвакуации. Гинденбург не считал план Фалькенгайна правильным и ограничивал наступление Гальвица ближайшей задачей.

Гальвиц правильно решил поставленную ему задачу, и для прорыва русского фронта сосредоточил превосходные силы с большим числом орудий. Литвинов ограничился пассивной обороной и полагал, что его противник также будет оставаться пассивным. Ни Литвинов, ни его штаб не учитывают присутствие крепости Новогеоргиевска и не пользуются ею для ослабления сил перед ее фронтом, дабы этим получить активный резерв и тем создать себе возможность организовать противодействие удару противника.

Таков был стратегический и оперативный фон, на котором разыгрывалось Праснышское сражение. Оно может служить примером чисто пассивной обороны. Автор попытается показать на этом примере все невыгоды пассивного способа действий. Вместе с тем в этом сражении с большой рельефностью выявляется действие артиллерии, как фактора, способствующего тактическому успеху.

IV. ПОДГОТОВКА К СРАЖЕНИЮ.

Подготовка германцев. Ко времени Праснышского сражения ни одна из воюющих армий еще не имела точных правил для выполнения прорыва укрепленной позиции. Произведенный в мае 1915 г. прорыв фронта 3-й русской армии, так называемый прорыв Макензена, был первым опытом. Некоторые практические из него выводы послужили находящемуся в рядах армии Гальвица полковнику Брухмюллеру (начальник артиллерии 86-й пехотной дивизии в XI корпусе) отправной точкой для новых опытов в применении артиллерии при прорыве. Праснышское сражение и потом подготовка штурма Пултуских укреплений дали ему полную возможность составить обоснованную теорию для прорывов укрепленных полос. [1]

Задача подготовки сводилась:

а) к выбору мест для расположения легких и тяжелых батарей при условии достигнуть наивыгоднейших результатов огня, к распределению по батареям целей, к снабжению батарей огнестрельными запасами для ведения непрерывного и самого интенсивного огня;

б) к постройке окопов в таком расстоянии от окопов русских, чтобы штурмующие могли в одну перебежку достигнуть до цели и тем предохранить себя от излишних потерь, уклонившись от заградительного огня батарей противника;

в) к соединению этих штурмовых окопов ходами сообщения с главной позицией;

г) к заготовке материалов, нужных для закрепления за собой захваченных окопов противника.

Все эти работы тщательно обсуждались и потом проводились в жизнь. Почти все работы в целях скрытности приходилось вести по ночам. По мере установки батарей начиналась их пристрелка. При обилии орудий и при узком фронте участков для прорыва пристрелка принимала вид бомбардировки, и Гальвиц опасался, что русские могут дога-

---

[1] Брухмюллер. Германская армия при прорывах, стр. 20.

даться о подготовке прорыва и принять меры противодействия.

На участке ударной группы, шириною до 35 *км*, нельзя было разрушить все препятствия, поэтому для прорыва намечены отдельные участки. На фронте XIII армейского корпуса было намечено два участка: в направлении на Еднорожец (схема № 1) и в направлении на Осовец Шляхецкий; [1] на фронте XVII армейского корпуса—также два участка: в направлении на Обромб и к верховью р. Венгерка; на фронте XI корпуса—восточнее и западнее Грудуск. Таким образом, каждая дивизия, стоящая в первой линии, имела свой участок для прорыва. Ширина такого участка намечалась около 1 *км*, что позволяло сосредоточить против них подавляющий огонь разнородных орудий от легких до 21 *см*.

Все перечисленные работы затянулись, и Гальвиц должен был отложить начало наступления на целые сутки. [2] Эти подготовительные работы были обнаружены русской разведкой, но скрытность передвижений войск все-таки подготовила внезапность удара и скрыла от русских превосходство сил.

Окончательные распоряжения Гальвица. Опасения Гальвица за проникновение русских в замысел германцев, а равно стремление не дать им времени для усиления войск в передовых окопах путем подтягивания резервов заставили сократить время артиллерийской подготовки до минимума. Основываясь на этом, были выработаны такие указания: [3]

а) артиллерийскую подготовку начать с рассветом 13 июля (30 июня) и вести ее самым интенсивным образом в продолжение трех часов (300—500 выстрелов на орудие);

б) после этого сделать перерыв в стрельбе на полчаса, втечение которого должна быть выполнена разведка для выяснения результатов стрельбы;

в) затем, после внесения поправок, продолжать вновь такой же интенсивный огонь (еще 300—500 снарядов на орудие) и начать стрельбу из минометов, доканчивая ими начатые разрушения убежищ;

г) момент начала штурма предоставлено определить командирам корпусов, но не позже 10 часов.

Эти указания окончательно определяли план действий каждой дивизии на ее участке, назначенном для прорыва. Предполагалось, что интенсивный огонь батарей (ураганный огонь) не только разрушит все препятствия и укрытия, но и настолько деморализует защитников окопов, что овладение ими будет в значительной степени облегчено. При таких условиях одновременность штурма на всем фронте ударной группы не имела значения.

---

[1] Восточнее шоссе из Прасныша в Хоржеле.
[2] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 30.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 32.

Подготовка русских. Разведка русских уже 6 июля (23 июня) из опроса пленных выяснила [1] усиление германцев на Хоржельском направлении. За шесть дней до начала прорыва можно было о нем догадываться, так как подозрительные признаки были налицо. Разведывательное отделение штаба армии тотчас распорядилось об усилении мер как войсковой, так и воздушной разведки.

Вскоре воздушная разведка обнаружила слабые признаки перемещения войск противника, а войсковые наблюдатели ночью замечали более значительное движение и слышали подозрительный грохот повозок. Эти наблюдения подтверждали показания пленных о сосредоточении сил на Хоржельском направлении и об ослаблении их на Серпецком направлении. В ночь на 11 июля (28 июня) было окончательно установлено, что германцы выдвигают вперед свои окопы под прикрытием охраняющих работы частей. В стычках русские разведчики почти каждую ночь захватывали пленных, по которым документально устанавливалась переброска из 9-й германской армии XVII арм. корпуса. В ночь на 12 июля (29 июня) было точно определено передвижение до 100 шестилошадных запряжек (подвоз снарядов к батареям) перед правым флангом I Туркестанского корпуса.

Из всех полученных за неделю сведений о германцах был сделан окончательный вывод, что на участке от р. Оржиц до Вислы, т. е. перед фронтом 1-й армии, находятся следующие силы: [2] а) XII сводный корпус (в действительности был XIII корпус из трех дивизий), б) три полка 36-й пех. дивизии из XVII корпуса (в действительности был весь XVII корпус и рядом с ним XI, не попавший в сводку), в) 1-я гвардейская резервная бригада из гвардейского резервного корпуса (в действительности была вся 1-я гвардейская резервная дивизия), г) ландверный корпус Сурена и д) сводный корпус Дикгута.

Из этого перечня видно, что принятые германцами меры скрытности были удачны, русские не смогли обнаружить действительных сил противника и считали его слабее, чем он был. Однако штаб армии полагал, что германцы „широко ведут подготовку к активным действиям“, так как замечены: постройка новых полевых железных дорог с конной тягой“, и „увеличение числа тяжелых и легких орудий на Хоржельском направлении, а также стягивание сюда частей, способных к наступлению“, что и было окончательным выводом из всех данных о противнике.

Такой вывод очень далек от проникновения в намерения противника, но он давал достаточное основание для принятия решения.

---

[1] Дело № 21961, стр. 54—74.
[2] Дело № 156082, стр. 61.

Распоряжения Литвинова. Выводы разведывательного отделения штаба армии приковывали все внимание к Хоржельскому направлению, и все ожидали наступления на участок I Сибирского корпуса. Литвинов ожидал атаки с утра 12 июля (29 июня) и поэтому втечение ночи передвинул свой резерв (1-ю Сибирскую дивизию) из д. Луково в район г. Маков [1], а резерв I Туркестанского корпуса приказал переместить к д. Голяны на случай поддержки 2-й Сибирской дивизии. Выполнение этого приказания встретило возражения со стороны Шейдемана, так как, по его мнению, перед фронтом 11-й Сибирской дивизии находятся превосходные силы германцев, и для удержания занимаемой позиции нужны немедленные подкрепления. Успокаивая Шейдемана, ген.-квартирм. Рычков сообщил ему, что, в случае наступления немцев, будет приведен в исполнение „определенный план".[2] В чем состоял этот план Шейдеман не знал, а все поиски в делах штаба армии не дали ни одной строчки, могущей бросить свет на этот загадочный намек.

12 июля (29 июня) германские батареи заканчивали пристрелку. При большом числе батарей их огонь принял вид бомбардировки, и некоторые наивные составители полковых журналов военных действий отмечают этот день, как день боя. Наблюдатели 2-й Сибирской и 11-й Сибирской дивизии выяснили появление новых батарей и новых пулеметных гнезд,[3] что ясно указывало на подготовку к прорыву. Казалось, наступал момент для приведения в исполнение того „определенного плана", о котором Рычков говорил Шейдеману. Действительно в 21 час 50 мин. было сделано распоряжение:[4] а) одну бригаду 1-й Сибирской дивизии возвратить в распоряжение командира I Сибирского корпуса и б) I Туркестанскому корпусу приказано расположить свой резерв в двух группах (по 2 бтл.) за центром 11-й Сибирской дивизии. Такой резерв (4 бтл.) признан для корпуса недостаточным, и штаб армии решил его увеличить. Для этого было решено на крайнем левом фланге этого корпуса снять два стрелковых полка (всего 4 бтл.), сменив их частями XXVII арм. корпуса и передав этот участок позиции в ведение последнего. XXVII корпусу приказано закончить смену втечение ночи на 13 июля (30 июня), дабы сменяемые полки могли к утру 14 (1) июля прибыть к д. Голяны в резерв корпуса.

Все эти меры нельзя назвать иными, как пассивными, ибо воле противника не создается встречное противодействие, а лишь подтягиваются с опозданием во времени слабые подпорки с тыла. Однако Литвинов продолжал считать свое по-

---

[1] Дело № 147, стр. 28.
[2] Дело № 43034, стр. 1—2.
[3] Дело № 97030, стр. 157.
[4] Дело № 43034, стр. 2.

ложение прочным, так как силы германцев определялись менее действительно сосредоточенных Гальвицем, и донес Алексееву, что ожидается атака германцев и для ее отражения приняты все нужные меры. Таким образом Литвинов собирался остановить натиск германцев, имея на участке между р.р. Оржиц и Лыдыня 48 бтл. и 148 оруд. Он не знал, что на этом участке Гальвиц сосредоточил 102 бтл. и 872 оруд., т.-е. имел в два с половиной раза больше пехоты и почти в шесть раз больше орудий. Если считать по маневренным единицам (дивизиям), то германцы превосходили в четыре раза.

Сравнение окончательных планов сторон. В окончательном виде план Гальвица сводился к прорыву русского фронта в четырех пунктах на участке между р.р. Оржиц и Лыдыня (схема № 1). Гальвиц принял все меры для достижения тактического успеха при наименьших потерях, но считал, что имеющихся сил недостаточно для нанесения сразу решающего удара. Вследствие этого своей ближайшей целью он ставит прорыв русских позиций в четырех пунктах и затем захват всей 1-й линии укреплений. На участке 2-й Сибирской дивизии должны атаковать 4-я гвард. и 3-я пех. дивизии, имея 26-ю дивизию в резерве, а на участке 11-й Сибирской дивизии должны атаковать 35-я пех., 1-й гвард. резервн. и 86-й и 38-й пех. дивизии с ближайшей поддержкой 36-й пех. дивизии и ландв. бригады Пфейля, которые втечение ночи подтянуты ближе к фронту. Группировка сил показывает, что главный удар Гальвиц направил на 11-ю Сибирскую дивизию. Для достижения успеха сделано: а) сосредоточены превосходные силы пехоты и мощная артиллерия, б) тщательно все рассчитано и в) применена скрытность в пределах возможного.

Однако Гальвиц очень осторожно ставит цели и задается весьма ограниченной задачей—овладеть 1-й русской укрепленной линией. Он даже не думает немедленно развивать достигнутый успех, а скорее опасается неудачи, так как слишком близко подтягивает свой резерв.

Литвинов ожидал удара германцев на Хоржельском направлении, т.-е. против 2-й Сибирской дивизии. По этой причине армейский резерв—1-я Сибирская дивизия перемещена за фронт, угрожаемый германской атакой. Считая силы противника менее действительных, он рассчитывал удержать занятую дивизией позицию. Только в последнюю перед сражением ночь начинает выясняться возможность атаки также и на 11-ю Сибирскую дивизию. Однако все резервы армии получили предназначение, и штабу армии пришлось обратиться к перегруппировке на стыке I Туркестанского и XXVII корпусов.

В общем $8^1/_2$ германских дивизий с многочисленной артиллерией готовятся методически атаковать две русских дивизии

с небольшой артиллерией. Гальвиц опасается неудачи и принимает все меры избежать этого, а Литвинов уверен в успехе отражения атаки только потому, что силы противника считаются значительно меньше, чем было в действительности. Для 1-й армии атаки германцев не новость и лишь в начале июня была отбита сильная атака на Хоржельском направлении. Однако эта атака была демонстративной с целью помешать снятию с фронта армии II Сибирского корпуса. Теперь этого корпуса уже нет, сил в армии меньше и казалось бы следовало подумать не о пассивном отбитии атаки германцев, а о более решительном сопротивлении путем контр-маневра. В случае неудачи позади 2-й Сибирской и 11-й Сибирской дивизий имелась слабая 2-я линия обороны, тыловая позиция не готова, и германцам открывается путь к Наревским предмостным позициям.

V. УКРЕПЛЕННАЯ ПОЗИЦИЯ РУССКИХ.

Позиция 2-й Сибирской дивизии. Протяжение позиции, занятой 2-й Сибирской дивизией, немного более 10 *км* (схема № 3). Примыкая правым флангом к болотистой долине р. Оржиц, позиция пересекает небольшое плато с высотой 66,1 и потом пересекает лощину у д. Шля, далее следует по скатам небольших холмов, пересекает долину р. Муравка и заканчивается на ее правом берегу. Позади плато правого участка позиции находился Дронджевский лес, отделенный лощиной от Оборкского леса. Тыл левого участка был открыт, а район д. Осовец-Шляхецкий занимал небольшую террасу с высотами 59,3 и 58,6. Эта терраса лежала на скате холма, вершина которого (высота 79,8) находилась в руках германцев. Крайний левый фланг позиции находился на подобной террасе холма (высота 62,2), также находящегося в руках противника. Такое расположение холмов крайне затрудняло оборону левого участка, вследствие чего здесь были созданы дополнительные окопы: два редута у д. Кот и небольшая позиция у д. Осовец-Кмецый.

2-я линия была закончена не везде и тянулась от д. Дронджево через Дронджевский лес к д. Дембина, далее пересекала лощину у Свенте-Мейсце, огибала высоту 58,7 у д. Бартники и продолжалась на правом берегу р. Муравка почти параллельно дороги из Бартники в Прасныш.

Для обороны позиция делилась на два бригадных участка. Правый участок оборонял полковник Муханов (командир 6-го Сибирского полка). 6-й Сибирский полк всеми батальонами оборонял от д. Еднорожец [1] до Оборкского леса. Лесной участок до лощины у д. Шля занимал батальон 8 го Сибирского полка. Резерв бригадного участка составляли 2 бтл. 8-го Сибирского полка — один на опушке Дронджевского леса, а другой в д. Липа. Легкая артиллерия участка расположена: две батареи в лощине близ Дронджевского леса и одна батарея за высотой 67,4. Всего участок обороняли 7 бтл., 15 ор.

Левый участок оборонял полковник Еленев (командир 5-го Сибирского полка). 5-й Сибирский полк оборонял тер-

---

[1] Дело № 156081, стр. 10.

расу от лощины у д. Шля до долины р. Муравка. Крайний левый фланг оборонял батальон 7-го Сибирского полка и 1 бтл. этого полка составлял участковый резерв, располагаясь в д. Бартники. Артиллерия участка расположена: у д. Бартники за высотой 58,7. Кроме того, при батальоне участкового резерва находилось одно 37-*мм* орудие. Всего участок оборонялся 6 бтл., 19 ор.

Штаб дивизии находился в г. дв. у д. Карвач. Резерв дивизии — один батальон 8-го Сибирского полка находился в д. Бобины-Гржибки. Здесь же располагались перевязочный пункт дивизии и головной парк. Лазарет № 1 расположился в д. Рогово, а лазарет № 2 был в д. Щуки, на пути в Маков (схема № 1).

Корпусная артиллерия находилась: две тяжелые батареи на северной опушке Дронджевского леса, одна тяжелая батарея у д. Бартники и мортирный дивизион за высотой 67,4 (схема № 3).

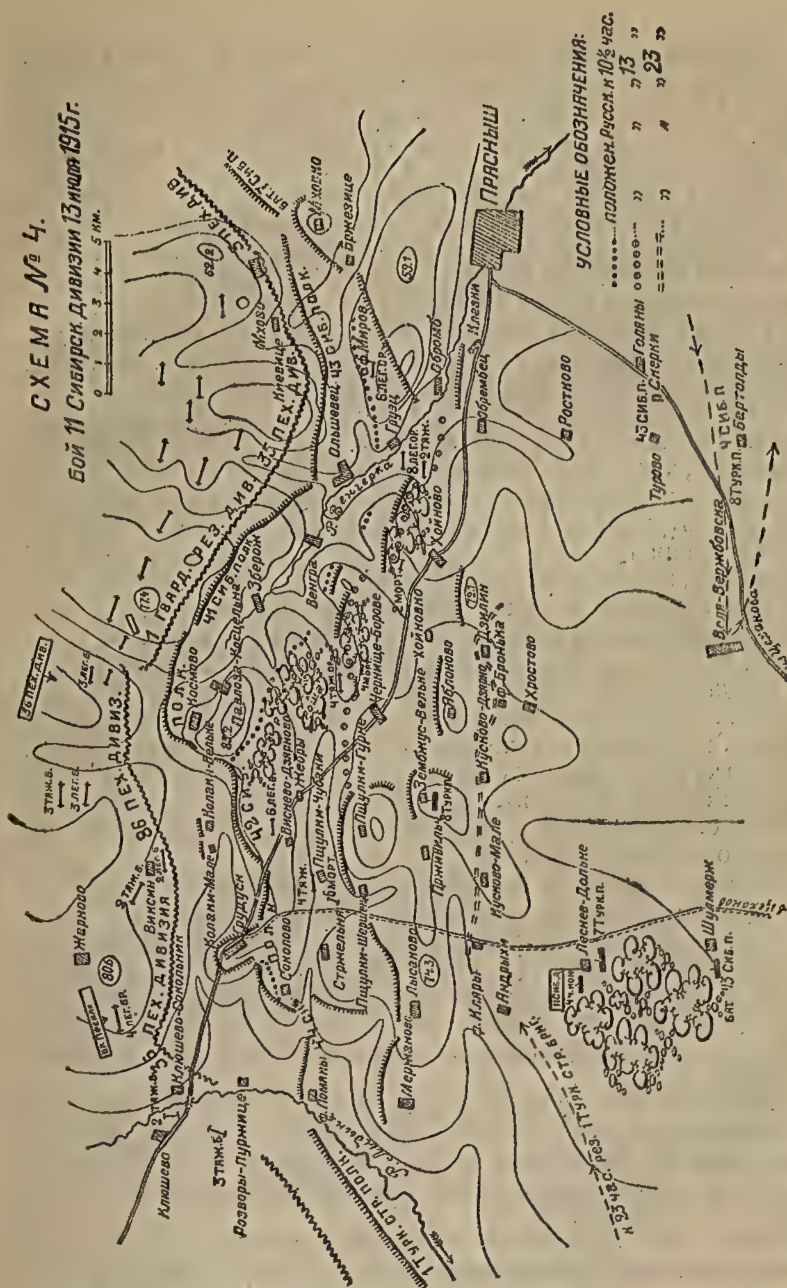
Корпусной резерв—два батальона 7-го Сибирского полка у д. Карвач.

Штаб корпуса и корпусная конница (7-й Сибирский каз. полк) в д. Красне (схема № 1).

Правее 2-й Сибирской дивизии находилась 10-я Сибирская дивизия (IV Сибирского корпуса), левофланговый полк которой (37-й Сибирский полк) занимал укрепленную позицию в районе д. Буды-Пржисеки Казенные. Левее находилась 11-я Сибирская дивизия, правый фланг ее (43-й Сибирский полк) продолжал линию фронта 2-й Сибирской дивизии от дороги из Прасныша в Хоржеле.

Перед фронтом дивизии развернуты для атаки части XIII германского корпуса, имея в боевой части 24 бтл., 296 ор. (из них 80 тяжелых) и 12 бтл. в резерве. Таким образом, германцы при первом ударе оказываются вдвое сильнее в отношении пехоты и в пять раз сильнее по числу орудий.

Позиция 11-й Сибирской дивизии. Позиция 11-й Сибирской дивизии была продолжением позиции 2-й Сибирской дивизии (схема № 4). Позиция начиналась на террасе холма с высотой 62,2. Далее пересекала небольшую лощину и подымалась на скаты холма между д. Киевице и д. Ольшевец, далее пересекала лощину и шла по скатам холма, вершина которого (высота 77,4) находилась в руках германцев. Между д. Космово и д. Грудуск позиция шла по скатам высоты 83,2 и составляла поданный назад участок, для лучшего обеспечения которого были выдвинуты вперед через лощину окопы для застав у д. Колаки. В районе Грудуска позиция представляла как бы мыс, далеко выдающийся вперед. Далее позиция шла к д. Соколово, постепенно спускаясь в лощину. Крайний левый фланг составляли окопы у фол. Поманы на дне долины р. Лыдыня.

СХЕМА № 4.
Бой 11 Сибирск. дивизии 13 июля 1915 г.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
положен. Русск. к 10½ час.
13
23
ПРАСНЫШ

2-я линия окопов начиналась у д. Мховко, затем пересекала лощину и шла по небольшому холму до долины р. Венгерка. На правом берегу этой реки начали строить участок от д. Клевки до д. Обрембец. Незаконченный участок был в районе Хойновского леса, а южнее шоссе из Прасныша в Грудуск позиция шла по скату высоты 72,1 и севернее д. Яблоново и д. Зембжус-Вельке. Далее позиция окружала высоту у д. Пщулки-Гурне и Пщулки-Шершене, потом пересекала лощину и переходила на скаты высоты 74,3. Далее по отрогу—участок позиции был в ведении 1-го Туркестанского полка.

Правая половина позиции находилась на скатах, подымающихся к противнику и имела в тылу долину р. Венгерка. Левая половина позиции представляла род куртины, прикрытой исходящими углами у Космово и Грудуск, а крайний фланг спускался в долину Лыдыни. Тыл позиции перерезан лощинами, которые с березовой рощей южнее высоты 83,2 давали укрытие от взоров противника, но не облегчали обороны, так как затрудняли подход подкреплений крутизной скатов.

2-я линия позиции была крайне изломана и далеко незакончена, многие участки не имели проволочных заграждений.

Для обороны позиция делилась на три участка. Правый участок генерала Гребнера (7 бтл., 16 легк. и 2 тяж. ор.) был занят:[1] а) тремя бтл. 43 Сибирского полка от Мховко до д. Ольшевец (оба пункта включительно); б) тремя батальонами 41 Сибирского полка от Ольшевец до Павлово-Косцельна (включ.); в) батареи находились: одна легкая—у фол. Миров, две легких—к западу от д. Груец и западнее леса у д. Чернище-Борове; два тяж. орудия находились близ средней легкой батареи, а мортирная батарея была распределена повзводно в разных пунктах.

Средний участок, от Павлово-Косцельне до шоссе из Грудуска в Прасныш, занимал 42 Сибирский полк (4 бтл.), а левый участок от названного шоссе до фол. Помяны занимал 44 Сибирский полк (3 бтл.). Артиллерия этих участков была расположена в районе д.д. Жебры, Виснево-Дзярново и Пщулки-Чубаки. Кроме того, в районе Грудуска находилась одна горная батарея, которая назначена как противоштурмовая.

Штаб дивизии находился в д. Леснево-Дольне. Здесь же находились учебные команды всех полков, а резерв дивизии (батальон 43 Сибирского полка) находился в д. Шулмерж. С целью дать войскам отдых батальоны поочередно отводились в Шулмерж на 4—5 дней.

Корпусная артиллерия была распределена по участкам ввиду большого протяжения фронта дивизии (почти 16 *км*), а корпусный резерв находился в двух группах: 8 Турке-

[1] Дело № 97428, стр. 162, 288.

станский полк (3 бтл.)—в д. Зембжус-Вельке и 7 Туркестанский полк (3 бтл.)—в д. Леснево-Дольне.[1] Штаб корпуса находился в Цеханове. Здесь же находились оба лазарета 11-й Сибирской дивизии и лазарет 1-й Туркестанской бригады, а равно учреждения Красного креста и санитарные транспорты.

Перед фронтом 11-й Сибирской дивизии находились XVII и XI германские корпуса (48 бтл., 360 лег. и 136 тяж. ор.), имея за собою армейский резерв (18 бтл., 80 ор.). Этой массе 11-я Сибирская дивизия могла противопоставить, считая и корпусный резерв, 20 бтл. и 44 ор.

В итоге положение 11-й Сибирской дивизии было труднее, чем 2-й Сибирской дивизии. Ее фронт шире, что при почти равных силах делало службу тяжелее (на отдых выводился один батальон, а во 2-й Сибирской дивизии—5 батальонов), а для поддержки пехоты было меньше артиллерии.

Характер укреплений. Для большей ясности описания боя следует сказать несколько слов об окопах 1-й линии обороны. Укрепленная позиция строилась с учетом опыта войны, т.-е. окопы не представляли сплошной линии, а имели прерывчатое расположение, как это видно на схеме (схема № 5). Здесь изображен участок, построенный II Сибирским корпусом и переданный в I Туркестанский корпус всего лишь за три недели до сражения. Комиссия, принимавшая окопы, указала на такие недостатки:[2] а) проволочные заграждения не имеют флангового обстрела, если линия окопов не делает случайного изгиба; б) промежутки между окопами не получают перекрестной обороны ружейным или пулеметным огнем; в) на подступах имеются мертвые пространства, ни откуда „не получающие огня“, что позволяет противнику накапливаться в таких местах; г) стойки козырьков из слабого и иногда гнилого леса; д) очень мало траверсов, а тыльных нет вовсе; е) слишком мало окопов для резервов.

Все эти недостатки ко времени начала сражения не были исправлены, так как все внимание было обращено на постройку убежищ от тяжелых снарядов.[3] Эти работы отнимали много времени и требовали наряда подвод для подвоза строительных материалов.

Таким образом укрепленная позиция даже в 1-й линии обороны была далека от совершенства, а 2-я линия обороны была закончена лишь на отдельных участках, а на три четверти своего протяжения была в относительной готовности—имела колья, но проволока не подвезена, имела вместо убежищ одни котлованы, обстрел не расчищен и даже рожь не была скошена.

---

[1] Официально полки считались двухбатальонными, так как третьи батальоны находились в периоде формирования.

[2] Дело № 44578, стр. 20.

[3] Дело № 44760, стр. 5.

VI. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СРАЖЕНИЯ.

Первый день сражения 13 июля (30 июня).

а) Артиллерийская подготовка.

С полночи на 13 июля (30 июня) появился сильный туман, и германцы стали беспокоиться за возможность начать подготовку с рассветом,[1] так как наблюдения могут быть затруднены. Однако, перед рассветом туман начал рассеиваться, и в 4 часа 45 мин. раздался первый германский выстрел. К 5 час. огонь велся на всем фронте от р. Оржиц до р. Лыдыня. Более 800 орудий, ведя интенсивный огонь, громили русские окопы 2-й и 11-й Сибирских дивизий. Отдельных выстрелов не было слышно, стоял сплошной гул, а клубы пыли и дыма скрыли от взоров всю первую линию обороны.[2] Германцы еще ни разу не собирали на русском фронте такого количества орудий на столь узком фронте. Тяжелые снаряды разрушали убежища и укрывшиеся в них погребались заживо. Откапывать приходилось под сплошным шрапнельным дождем. Бруствера сметались разрывами чемоданов и на их месте получались глубокие и широкие воронки. Защитники окопов испытывали чрезвычайные физические и моральные потрясения.

С таким огнем русские батареи бороться не могли и часто принуждались к молчанию. Все их надежды задержать немцев возлагались на заградительный огонь, но германцы своими выдвинутыми окопами для атаки сводили продолжительность заградительного огня русских батарей до минимального промежутка времени.

В 6 час. 30 мин. неожиданно наступила полнейшая тишина, и германские разведчики начали быстро приближаться к русским окопам. Завязалась сначала редкая, но потом учащенная ружейная перестрелка. Ровно в 7 час. канонада возобновилась и, казалось, с еще большей силой, ибо присоединились минометы, которые доканчивали начатые снарядами разрушения. Временами германская пехота, занявшая вынесенные

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 32.
[2] Дело № 43018, стр. 1.

вперед окопы, кричала „ура“, стремясь вызвать русских из еще сохранившихся убежищ. Этим приемом рассчитывали подвести защитников под шрапнельный огонь и причинить им еще большие потери. За время артиллерийской подготовки русские части понесли весьма большие потери. Судя по немногим отрывочным сведениям, эти потери достигли до 30% состава рот, расположенных в первой линии.

В 9 час. XI корпус начал атаку,[1] XIII корпус выждал до 9 час. 45 мин., а XVII корпус начал последним в 10 час. С началом атаки огонь не прекращался, а переносился вперед.

б) Распоряжения Литвинова и Алексеева.

Из полученных донесений о начале артиллерийской подготовки ясно определилась цель германского наступления. Литвинов считал принятые им меры вполне достаточными для отражения атаки и лишь опасался одного, чтобы командир I Сибирского корпуса Плешков не израсходовал преждевременно всей 1-й Сибирской дивизии, вследствие чего послал ему напоминание, что одна бригада должна обязательно считаться в резерве армии.[2] В этом распоряжении можно видеть зарождающееся опасение в возможности главного удара против 11-й Сибирской дивизии. Только к полудню штаб армии убедился в этом окончательно и решил для поддержки I Туркестанского корпуса притянуть 14-ю кавалерийскую дивизию с левого фланга армии (переход до 60 *км*).

Алексеев сразу увидел, что сбываются все его худшие опасения. Для него становилось несомненным стремление германцев форсировать Нарев. Он немедленно отдает распоряжение о спешной перевозке 3-й Туркестанской стрелковой бригады из Белостока к ст. Пасеки и приказывает 2-й армии приступить к спешной погрузке и перевозке в Цеханов IV армейского корпуса. Затем принимает меры ускорить перевозку находящегося в пути XXI армейского корпуса с выгрузкой его на ст. Остров, т.-е. за стыком 12-й и 1-й армий. Об этих мерах сообщено Литвинову, и последний сообщил в штабы корпусов,[3] рассчитывая этим вызвать моральный подъем.

Из сказанного видно, что германцы начали наступление раньше, чем русские успели сосредоточить резервы к угрожаемому направлению. Это вполне естественно. Начало подготовки к наступлению армии Гальвица совпало с днем совещания в Седлеце, когда Алексееву не удалось получить полной оперативной свободы, так как Ставка связала его за-

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 33.
[2] Дело № 43034, стр. 5, 6.
[3] Дело № 43034, стр. 10.

дачей эвакуировать Варшаву. В результате Алексеев не мог начать отхода, а принужден принять сражение при невыгодных условиях.

в) Бой 2-й Сибирской дивизии.

Период артиллерийской подготовки. На фронте 2-й Сибирской дивизии огонь германских батарей достиг силы урагана к 5 час. 15 мин. Наибольшей силы огонь сосредоточивался по районам д. Еднорожец (схема № 3), по опушке Оборкского леса, по району д.д. Шля и Осовец-Шляхецкий. Штаб I Сибирского корпуса видел неизбежность атаки германцев и стремился подтягивать резервы. Из корпусного резерва два батальона 7 Сибирского полка были переданы в распоряжение штаба дивизии, а 1-я Сибирская дивизия направлена к северу: 1 Сибирский полк—в д. Лешно (схема № 1), 2 Сибирский полк—в д. Карвач, следом за 1 Сибирским полком должен был двигаться 4 Сибирский полк, а 3 Сибирский полк с артиллерийским дивизионом пока оставался севернее Макова.[1]

Суммируя впечатления артиллерийской подготовки, штаб корпуса считал, что надо ожидать не демонстративной, а весьма серьезной атаки и поэтому просил штаб армии о поддержке живой силой.[2]

Результат обстрела окопов был весьма значительный. Люди были выведены в ходы сообщения, но и здесь терпели значительные потери. Много окопов снесено совершенно, много ходов сообщения засыпано, часть заграждений разрушена.[3] Стрелки приготовились к жестокому бою и упадка духа не наблюдалось.

Бой за первую линию обороны. Германцы начали атаку в 9 час. 45 мин. Левофланговый полк 4-й гвардейской пехотной дивизии атаковал с большой энергией и очень быстро сбил несколько рот 6 Сибирского полка у Еднорожца[4] (схема № 3), но в 10 час. должен был остановиться, так как подошедшие резервы прочно задержались на позиции на линии высота 66,1.[5] Несколько неудачных атак заставили германцев (5 гвардейский Гренадерский полк) отойти в только что взяные русские окопы. Атака германцев заставила очистить окоп на высоте Червонна-Гура, что дало возможность частям 2-й германской пехотной дивизии (из I корпуса) начать исправление гати и моста через Оржиц.

---

[1] Дело № 107170, стр. 232.
[2] Дело № 107170, стр. 253.
[3] Дело № 97030, стр. 160.
[4] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 38.
[5] Дело № 97030, стр. 166.

Атака германцев (части 3-й пехотной дивизии) против опушки Оборкского леса и района высот 59,3 и 58,6 была отбита, так как здесь ближайшие резервы успели во-время поддержать боевую часть. Немецкий историк с большим удивлением говорит об удивительной стойкости русских, [1] которые вместо разрушенных окопов занимали воронки от снарядов.

Вскоре началась атака на соседний слева 43 Сибирский полк, и артиллерия у д. Бартники оказывала свое содействие соседу, но части 43 Сибирского полка принуждены к отходу, и левый фланг батальона 7 Сибирского полка оказался открытым. Этим германцы не замедлили воспользоваться, и этот батальон начал отходить к линии редут № 13—д. Мховко. В это время штаб армии приказал Плешкову направить для поддержки 43 Сибирского полка 1 Сибирский полк, который еще был на марше в Лешно.

Между тем 4-я гвардейская германская дивизия успела сосредоточить незаметно батальон, который, искусно пользуясь кустами в лощине, идущей около д. Шля, неожиданно атаковал 13 роту 5 Сибирского полка [2] и потеснил ее. Начальник участка Еленев направил сюда часть резерва, а штаб дивизии выдвинул к д. Бартники прибывший батальон 2 Сибирского полка. Однако, германцы успели воспользоваться этим частичным успехом. Они обошли фланг батальона 8 Сибирского полка и ворвались в Оборкский лес, быстро в нем распространяясь. Получилась угроза тылу правого боевого участка 2-й Сибирской дивизии.

Сложившаяся так обстановка признана штабом корпуса весьма неблагоприятной, и Плешков не рассчитывал удержаться на первой линии обороны. Он приказал начальнику дивизии Поспелову организовать контр-атаку для восстановления положения и разрешил в крайности отойти на линию: северная опушка Дронджевского леса, высота 67,4 и далее в направлении на высоту 59,3. [3]

Эта контр-атака не состоялась, ибо пришлось снимать батареи, расположенные у Дронджевского леса и у высоты 67,4. Вследствие этого 6 Сибирский полк временно лишился поддержки своей артиллерии и под возобновившимся натиском германцев ему пришлось отойти на северную опушку Дронджевского леса. Далее новый фронт тянулся на высоту 67,4 и пересекал Оборкский лес. Все участковые резервы были влиты в бой, даже бтл. 8 Сибирского полка, бывший в резерве дивизии. Указанная линия была занята к 13 час.

В это время, с отходом бтл. 7 Сибирского полка к редуту № 13, постепенно ухудшающееся положение стало угро-

[1] Meyer. Der Durchbruch am Narew, стр. 39.
[2] Дело № 107170, стр. 236.
[3] Дело № 107170, стр. 238.

жающим. Части 3-й пехотной германской дивизии, скопившись у д. Огленда-Шляхецкая, усилили свой натиск по долине р. Муравка, угрожая обходом позиции в районе высоты 58,6. Фронтальные атаки германцев на позицию у Осовец-Шляхецкий отбивались 5 Сибирским полком при содействии бтл. 7 Сибирского полка. Под прикрытием этих атак 4-я гвардейская германская дивизия постепенно вводила в Оборкский лес батальон за батальоном и начала теснить части 8 Сибирского полка, доводя бой до штыковых схваток. Участь этого лесного боя решила численность штыков, и русские постепенно отходили к восточной и южной опушке. В то же время, пользуясь развалинами д. Шля, части 3-й пехотной германской дивизии обходили справа район д. Осовец-Шляхецкий. Опасаясь быть отрезанными, сильно поредевшие ряды 5 Сибирского полка из района высот 59,3 и 58,6 стали отходить к дополнительной позиции на линии д.д. Осовец-Кмецый—Кот.[1]

К 14 час. фронт 2-й Сибирской дивизии тянулся по северной опушке Дронджевского леса, высоте 67,4 и далее по восточной опушке Оборкского леса, по северной окраине д. Оборки к южной окраине д. Шля и по дополнительной позиции до района высоты 59,4. Поспелов опасался нового прорыва в районе Шля и приказал батальону 2 Сибирского полка занять на этот случай позицию на линии д. Кусково.

Таким образом, первая линия обороны была вся очищена, и штаб корпуса, опасаясь за левый фланг дивизии ввиду обнаруженной неустойчивости 43 Сибирского полка, приказал идущему через Прасныш 1-му Сибирскому полку, не сменяя 43 Сибирского полка, занять позицию севернее Прасныша по линии д.д. Бартники—Обромб.

Бой на промежуточной позиции. Литвинов остался недоволен отходом дивизии с первой линии обороны и приказал на промежуточной позиции держаться до последней крайности. В соответствии с этим требованием штаб корпуса предполагал держаться до наступления темноты, а потом отойти на вторую линию обороны. Ваттер, с своей стороны, решил развивать достигнутый успех, для чего воспользоваться Оборкским лесом, где, собрав достаточно сил для удара в направлении д. Дембина, еще раз прорвать центр 2-й Сибирской дивизии. Этому удару должна содействовать 3-я пехотная дивизия, развивая наступление по долине р. Муравка.[2]

Выполняя этот план, 4-я гвардейская германская дивизия прежде всего решила обеспечить удар слева, для чего следовало занять восточную опушку Дронджевского леса и прочно утвердиться на высотах 67,4 и 65,1. С занятием этих высот германские батареи приобретали хорошие наблюдательные пункты.

---

[1] Дело № 107170, стр. 239, 240.
[2] Meyer. Der Durchbruch am Narew, стр. 39.

Эту задачу удалось выполнить к 15 час., а к 16 час. удалось вытеснить части 7 Сибирского полка из района д. Оборки. Атака германцев была так стремительна, что им удалось окружить две русских роты, но они нашли в себе силы пробиться. [1]

Почти одновременно с этим части 3-й пехотной германской дивизии из д. Шля стали обходить район д. Осовец-Кмецый и, пользуясь отходом 43 Сибирского полка, обходили район высоты 59,4. Роты 7 Сибирского полка очистили редут № 13 и отошли к д. Патоленка-Выгоды, а роты 5 Сибирского полка, занимавшие редут № 14, были окружены и им пришлось пробиваться. [2] К 17 час. Осовец-Кмецый и высота 59,4 были в руках германцев, и русские отходили на д. Бартники, [3] при чем из 5 Сибирского полка собралось только 150 штыков. Отход совершался под сильным артиллерийским огнем. К 18 ч. фронт 2 Сибирской дивизии проходил по северной опушке Дронджевского леса, далее параллельно д. Липа к окопам второй линии, через южную окраину Липа на лес у д. Пржейма и далее в направлении на высоту 58,7. Отсюда по окопам второй линии вокруг д. Бартники и далее к д. Обромб. Смешавшиеся части 5 и 7 Сибирских полков прочно держались у фол. Липа и в лесу у Пржейма, а у Бартники собралось так мало защитников, что пришлось направить сюда последние два батальона 2 Сибирского полка.

Около этого времени произошел разговор по аппарату начальника штаба корпуса с оперативным отделением штаба армии. Из обмена мнениями видно, [4] что 2-я Сибирская дивизия потеряла до 50% своего состава, занятая позиция представлялась растянутой и требовались свежие подкрепления, без которых дивизия не удержит занятого положения.

Левый фланг XIII германского корпуса оставался перед Дронджевским лесом, и Ваттер решил усилить здесь натиск для выпрямления фронта. В Дронджевском лесу русские могли сосредоточить свои поддержки и фланговым ударом через д.д. Липа и Оборки поставить части 3 пех. дивизии в тяжелое положение. Атака на Дронджевский лес намечена с трех сторон. Переправившиеся с левого берега Оржиц части 2-й пехотной дивизии атакуют по долине реки, 5 гвардейский Гренадерский полк—против северной опушки и части 4 гвардейской дивизии со стороны высоты 67,4 и д. Липа.

Дронджевский лес оборонялся 6 Сибирским полком, понесшим значительные потери втечение дня. Подкрепить его было нечем. Штаб корпуса, учитывая, что 2-я Сибирская дивизия атакована не менее чем семью германскими полками

[1] Дело № 156185, стр. 9, 10.
[2] Дело № 97030, стр. 166, 167.
[3] Дело № 107170, стр. 245.
[4] Дело № 107170, стр. 255.

(в действительности 10 полков)—не рассчитывал удержаться даже на второй линии обороны и разослал указания, согласно которых, при невозможности держаться, следует отходить на тыловую позицию, намеченную на линии Красносельц (схема № 1) — Подосье — Щуки.[1] Причина такого указания заключается в том, что Поспелов признал положение дивизии критическим: резервов нет, парки пусты, так как из Вышкова еще не подвезли, а на руках мало патронов. О таком положении штаб корпуса донес штабу армии, умолчав о своих указаниях для отхода в крайности на тыловую позицию. Штаб армии распорядился выслать в Красне 18 патронных двуколок из Пултуска из находившегося там тылового парка 11-й Сибирской дивизии.[2]

Около 20 час. началась атака германцев на Дронджевский лес. Наибольший успех достигнут атакующими со стороны д. Липа. Здесь германцам удалось прорваться в лес и выйти к д. Каролинова,[3] угрожая отходу 6 Сибирского полка из Дронджевского леса. Атакованный с трех сторон, этот полк пришел в расстройство. Не рассчитывая на поддержку, Муханов решил отходить на Красносельц. В делах архива не удалось найти следов—донес ли он о своем решении и какое решение было принято в штабах дивизии и корпуса. Этот отход сильно беспокоил соседа справа, так как с оставлением Дронджевского леса левый фланг 10 Сибирской дивизии оказывался уступом вперед с открытым флангом. Первые сведения об этом отходе были получены в штабе 1-й армии от штаба 12-й армии.

Отход 6 Сибирского полка начался около 22 час. и распространился только на части 8 Сибирского полка, тогда как остальной фронт оставался на своем месте. Бой затихал, и германцы становились на ночлег на линии д.д. Куявы—Оборки, Осовец-Кмецый—Мховко. К этому времени Ваттер имел свежую 26-ю пехотную дивизию, которая своим натиском могла докончить разгром 2-й Сибирской дивизии, но Ваттер решил выполнить полученные указания Гальвица и остановил бой.

За время боя 2-я Сибирская дивизия потеряла убитыми и ранеными 37 офиц. и 5.553 солдат. Все они прошли через регистрацию перевязочных отрядов.[4] Кроме того, много осталось в Дронджевском лесу при ночном отходе, что заставило из трех батальонов 6 Сибирского полка сделать один сводный.

Заключение. В результате боя 2-я Сибирская дивизия, поддержанная 2 Сибирским полком, под натиском десяти германских полков (два 2-й пех. дивизии и по четыре 4-й гвар. и 3-й пех. дивизий), поддержанных мощной артиллерией, при-

---

[1] Дело № 156185, стр. 10.
[2] Дело № 43034, стр. 13.
[3] Дело № 107170, стр. 247, 248.
[4] Дело № 62922, стр. 315

нуждена уступить часть пространства. Германцы продвинулись вдоль Оржиц на 10 *км*, в районе д. Шля — на 6 *км* и в районе д. Мховко—на 3 *км*. Около трех часов понадобилось германцам для овладения первой линией обороны, хотя ими было израсходовано свыше 2 миллионов снарядов и они имели более чем двойное превосходство в пехоте. Этот факт ясно говорит о тех преимуществах, какие получила оборона с развитием техники. При равной технике обеих сторон германцам было бы мало двойного превосходства в отношении пехоты, но в этом бою техника русских была слаба. Однако и при столь тяжелых условиях обороны сибирские стрелки показали свои отличные боевые качества.

Этот вывод подтверждается ходом дальнейшей обороны. Левый участок 2-й Сибирской дивизии удалось поддержать 2 Сибирским полком, и этот прилив свежих сил дал возможность до конца боя удерживать свое положение. Правый участок дивизии не удалось поддержать свежими силами, и здесь после тяжелого лесного боя германцам удалось овладеть участком второй линии обороны. Следующая укрепленная позиция находилась у д. Красносельц. Этот факт показывает, как важно для местного успеха своевременно вливать хотя небольшие поддержки.

Командир 6 Сибирского полка, не подозревая всех последствий, принял решение отходить на тыловую позицию, считая, что обстановка сложилась крайне невыгодно, а указания штаба корпуса разрешали в таком случае отход на Красносельц. Несомненно, что силы 6 и 8 Сибирских полков позволяли остановиться южнее д.д. Дронджево—Каролиново.

Это решение командира полка, несогласованное с решением нач. дивизии, повело, как увидим далее, к отходу не только всей дивизии, но всей 1-й армии.

г) Бой 11-й Сибирской дивизии.

Период подготовки атаки. Наибольшей силы огонь германских батарей достиг на участках у д.д. Ольшевец, Венгра, Павлово-Косцельне, Космово и Грудуск (схема № 4, стр. 33). Наблюдатель 43 Сибирского полка дает цифру 16 разрывов тяжелых снарядов втечение одной минуты. [1] Наблюдатель 44 Сибирского полка давал более точные сведения. Он устанавливает до 35 разрывов втечение одной секунды и считает, что за время подготовки в районе Грудуска брошено германцами 500.000 снарядов разного калибра, [2] что очень близко к действительности. Другой наблюдатель говорит, что за грохотом разрывов нельзя было слышать выстрелов

---

[1] Дело № 46231, стр. 24.

[2] Дело № 44052, стр. 1 и № 45751, стр. 110.

своей артиллерии. С таким огнем германских батарей не могла соперничать малочисленная русская артиллерия.

С началом германцами подготовки Шейдеман приказал 5 Туркестанскому стрелковому полку, смененному накануне ночью с позиции на левом фланге корпуса, немедленно выступить в Цеханов (переход 27 *км*). Полк в 6 час. утра выступил форсированным маршем (без малых привалов).[1]

Атака XI германского корпуса. Командир корпуса Плюсков первым начал атаку. Он рассчитывал овладеть одним ударом районом Грудуска. Выдвинутые в окопы у Колаки-Вельке и Колаки-Мале русские заставы могли фланговым огнем задержать атаку на Грудуск со стороны высоты 80,6. В 8 час. части 38-й германской дивизии начали наступление на эти заставы, выдвинутые 42 Сибирским полком, но они не приняли боя и от одного артиллерийского огня отошли к главной позиции.[2]

В 9 час. Плюсков отдал приказание начать атаку, считая подготовку законченной. В районе Павлово-Косцельне и Космово все окопы были разрушены. В Грудуске, обстреливаемом с трех сторон, положение было еще хуже. Здесь каждый снаряд со стороны д.д. Виксин, Клюшево-Сокольник и Разворы-Пуржице, если не попадал в цель, то его перелет направлялся в тыл другого окопа, находящегося от него в расстоянии 80—100 *м*.

Атака 86-й пехотной германской дивизии на Павлово-Косцельне и Космово и атака 38-й пехотной германской дивизии на Грудуск были отбиты 42 и 44 Сибирскими полками. Эта неудача, как следствие недостаточной артиллерийской подготовки, заставила Гальвица начать расходовать свой армейский резерв. Ландверная бригада Пфейля получила приказание немедленно атаковать в обход Грудуска по долине р. Лыдыня, а один полк 36-й пехотной дивизии направлен на Павлово-Косцельне.[3]

Таким образом, перед фронтом 7 русских батальонов с 22 орудиями оказалось 33 германских батальона с 256 орудиями. Однако, несмотря на столь большое превосходство германских сил и на те потрясения, какие были испытаны от ураганного огня невиданной мощи, 42 и 44 Сибирские полки проявили поразительное упорство, обороняясь один против пяти.

Около 9 час. 40 мин. германцы повторили атаку. У Космово им удалось ворваться в окопы и потеснить IV батальон 42 Сибирского полка. Этот натиск германцев был так силен, что не удалось задержаться на открытых скатах вы-

---

[1] Дело № 45733, стр. 39.
[2] Дело № 45733, стр. 38.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 34.

соты 83,2 и пришлось отойти к опушке Березовой рощи. Прорвав фронт, германцы стали распространяться по окопам в обе стороны. Роты II батальона 42 Сибирского полка долго держались в Павлово-Косцельне, особенно за каменной оградой кладбища на южной окраине селения (схема № 5), но принуждены отойти к Березовой роще.[1] III батальон полка не был атакован и своим огнем содействовал 44 Сибирскому полку, обстреливая части германцев, атакующих на Грудуск со стороны высоты 80,6.

Атака германцев на Грудуск вновь была отбита, благодаря содействию 42 Сибирского полка и особенно работе горных орудий, примененных, как противоштурмовая артиллерия. Атака ландверной бригады Пфейля была удачнее и ей удалось прорвать окопы севернее д. Соколово.[2] Для поддержки 44 Сибирского полка Шейдеман[3] направил из д. Лесневo-Дольне батальон 7 Туркестанского полка.

Атака XVII германского корпуса. Панневиц не торопился с началом атаки и только в 10 час. отдал соответствующие распоряжения. Лишний час огня увеличивал разрушения и моральное потрясение русских. За время подготовки некоторые роты I батальона 43 Сибирского полка потеряли до 60% своего состава,[4] чем атака германцев значительно облегчалась.

35 пехотная германская дивизия атаковала район д. Ольшевец, направив главный удар вниз по скату высоты. Вспомогательный удар направлен по лощине, ведущей прямо на Ольшевец. Главный удар был весьма стремителен, и ослабленный потерями I батальон 43 Сибирского полка был сбит, очистил развалины окопов и начал отход на д. Груец. В 10 час. 20 мин. германцы овладели д. Ольшевец. III батальон 43 Сибирского полка, занимавший окопы левее—в районе лощины, принужден отходить за р. Венгерка на отроги севернее Хойновского леса. IV батальон полка, занимавший правый участок, частью продолжал держаться, частью отходил к фол. Миров. II батальон полка, бывший в резерве дивизии, к этому времени подходил из д. Шулмерж к д. Обромб.

1-я гвардейск. резервная германская дивизия, при содействии справа полка 36 пехотной дивизии, успевшего занять Павлово Косцельне, атаковала 41 Сибирский полк. Атака была стремительна, полк долго оборонялся на развалинах окопов, но принужден уступить силе. Эта упорная оборона окопов дала германцам возможность обойти и отрезать две роты, находившиеся в кольцевом окопе на небольшой высоте севернее д. Венгра, а весь I батальон был окружен в районе д. Збе-

---

[1] Дело № 45733, стр. 40.
[2] Дело № 44052, стр. 1.
[3] Дело № 43018, стр. 2.
[4] Дело № 46321, стр. 26.

рож,[1] так как германцы довольно быстро распространялись от Павлово-Косцельне долиной р. Венгерки. Расстроенные роты полка отходили на отроги севернее Чернищенского леса и Березовой рощи.

Отход с 1-й линии обороны. В результате атаки XVII и XI германских корпусов на участок 11 Сибирской дивизии к 10 час. 30 мин. на ее фронте получился прорыв участка Ольшевец—Венгра—Зберож—Космово шириною до 7—8 *км*. Кроме того, прорыв севернее Соколово составлял угрозу отрезать путь отхода гарнизону Грудуска. О положении в Грудуске, вследствие перерыва связи с этим районом, штаб I Туркестанского корпуса не имел никаких сведений и считал, что Грудуск пал, а его защитники погибли.[2] При такой обстановке вернуть утраченное положение представлялось невозможным, и Шейдеман все свои усилия направил к ликвидации прорыва. Для достижения этой цели он направил весь свой резерв—батальон 7 Туркестанского полка, из д. Лесново-Дольне и весь 8 Туркестанский полк из д. Зембжус-Вельке. Дивизионный резерв был уже израсходован полностью.

Учитывая потери частей 11 Сибирской дивизии, Шейдеман решил занять промежуточную позицию[3] на линии д.д. Мховко Обромб, опушку Хойновского и Чернищенского лесов и далее по окопам 2-й линии обороны на участке д.д. Пщулки-Гурне—Лысаково. Определяя силы германцев в 10—11 пехотных полков, что было близко к действительности, Шейдеман стремился образовать новый корпусный резерв. Он приказал с участка 1 Туркестанской стрелковой бригады (схема № 1) резервы[4] правофланговых 1 и 2 Туркестанских полков направить к д. Андрыхи (схема № 4). 5 Туркестанский полк был еще на марше, и Шейдеман обратился к Литвинову с просьбой о присылке одного из полков 1 Сибирской дивизии.[5] Литвинов распорядился направить в д. Воля-Вержбовска 4 Сибирский полк.

Распоряжения об отходе на промежуточную позицию могли дойти только до штабов полков. Дальнейшая передача затруднялась полной потерей технической связи. Рвущиеся снаряды разрывали провода в мелкие клочки и все усилия восстановить их не удавались при продолжающемся огне германской артиллерии.

Командир 43 Сибирского полка Жданов[6] лично отправился распорядиться отходом и устройством рот на новой позиции.

---

[1] Дело № 43018, стр. 2, 3.
[2] Дело № 97428, стр. 350.
[3] Дело № 43018, стр. 3.
[4] Дело № 43021, стр. 15.
[5] Дело № 43036, стр. 1.
[6] Служил потом в Красной армии, был военрук Московского округа, командарм 11 отдельной и затем захвачен и расстрелян белыми.

Подошедший II батальон был направлен к д. Груец для занятия временной позиции, чтобы прикрыть отход остальных батальонов полка. IV батальон должен был занять участок д. Мховко—д. Бржезице и поддерживать связь с соседними частями 2 Сибирской дивизии. Остатки I батальона отходили на участок д.д. Бржезице—Обромб и сюда же должен был отойти II батальон, [1] III батальон должен был оборонять Хойновский лес. Начальник правого участка дивизии Гребнер направил к полку три роты 8 Туркестанского полка, которые у д. Обрембец образовали резерв 43 Сибирского полка.

41 Сибирский полк испытал более сильный удар. От I батальона, окруженного у д. Зберож, пробилось только 35 человек, но они были так утомлены и нервны, что их пришлось отправить в обоз 1 разряда для отдыха. [2] Остальные части полка с одним батальоном 8 Туркестанского полка и с одним батальоном 7 Туркестанского полка устраивались для обороны Чернищенского леса. [3]

42 Сибирский полк задержал отход III батальона на высоте 83,2, дабы прикрыть отход назад батарей и дать возможность остальным батальонам выйти из Березовой рощи. Начав отход последним, III батальон отходил с боем до шоссе из Грудуска в Прасныш. [4] Здесь германцы прекратили преследование, и батальон, оставив роту у д. Жебры, отошел к главной позиции на линии д. Чернище - Борове — район д. Пщулки-Гурне.

Гарнизон Грудуска, 7 рот 44 Сибирского полка, не получил распоряжения об отходе, так как германцы отрезали путь отхода, развивая прорыв севернее д. Соколово. Остальные 5 рот полка отходили на д. Лысаково, [5] а прибывший батальон 7 Туркестанского полка занял участок от большой дороги из Грудуска в Цеханов. Между 42 и 44 Сибирскими полками получился разрыв фронта и для его прикрытия направлены разведчики обоих полков, занявшие район д. Пщулки-Шершене.

К 13 час. позиция, указанная Шейдеманом, была занята. Оставалось приступить к организации выручки гарнизона Грудуска. Командир 44 Сибирского полка и штаб 11 Сибирской дивизии, повидимому, стремились к этому, но у них не было никаких резервов, и стремление выручить товарищей осталось невыполненным. Гарнизон Грудуска, видимо, рассчитывал на выручку. Окруженные роты держались с удивительной стойкостью против противника, превосходящего их силами в 8—10 раз. Стрельбу русских пулеметов в последний раз

---

[1] Дело № 46231, стр. 27.
[2] Дело № 44001, стр. 2.
[3] Дело № 43018, стр. 3.
[4] Дело № 45733, стр. 40.
[5] Дело № 44002, стр. 1.

слышали в направлении Грудуска в 15 час. 25 мин., после чего там наступило полное затишье.[1] Судьба этих рот 44 Сибирского полка не выяснена, но можно предполагать, что большинство стрелков погибло в неравной борьбе и лишь немногие попали в плен.

При этом отходе на промежуточную позицию германцы держали русские части под артиллерийским огнем, раненых нельзя было убирать, часть стрелков отставала и попадала в руки противника. Очень много отставших дал 41 Сибирский полк, в котором была более значительная убыль офицеров.

Штаб I Туркестанского корпуса учитывал превосходство сил германцев и их подавляющий артиллерийский огонь. Израсходовав все резервы, штаб корпуса стал нервничать, опасаясь нового натиска германцев. Прибывший к полудню в Цеханов 5 Туркестанский полк за шесть часов времени, идя без привалов, сделал свыше 27 *км* и был переутомлен.[2] Прежде чем использовать его как резерв, ему надо было дать продолжительный отдых. Эта невозможность дать отпор противнику заставила Шейдемана и его начальника штаба Циховича, при некоторой нервности, почти непрерывно вызывать к аппарату начальника штаба армии, генерал-квартирмейстера или одного из сотрудников оперативного отделения.[3] В своих докладах они обрисовывали сложившуюся обстановку самыми мрачными красками и проводили идею немедленного отхода на тыловую позицию. Они доказывали, что 14 кавалерийская дивизия, переданная в распоряжение I Туркестанского корпуса, придет только ночью и, сделав до 60 *км*, не будет годна к действию. О перевозке частей 30 пехотной дивизии, головной из перевозимого из 2-й армии IV армейского корпуса, ничего не известно и даже после высадки в Цеханове ей надо сделать около полуперехода. Во всяком случае, им казалось, что гораздо выгоднее отходить на подходящие подкрепления, чем ожидать их при самых тяжелых условиях. Полки 11 Сибирской дивизии потеряли свыше 50% своего состава и, что главнее всего, стали терять свои моральные качества под влиянием ураганного огня германских батарей, с которыми не могла состязаться русская артиллерия как по своей малочисленности, так и по недостатку боевых припасов. Шейдеман высказал опасение, что при новом натиске германцев может последовать массовый отход, который гибельно отразится на всем фронте армии. Все эти доводы не могли поколебать пассивной настойчивости Литвинова—держаться на занимаемой линии до последней крайности.

---

[1] Дело № 43018, стр. 3.
[2] Дело № 43036, стр. 3.
[3] Дело № 43036, стр. 1—10.

Теперь, когда можно из данных обеих сторон видеть ту действительную обстановку, при которой происходило сражение, приходится признать понимание обстановки Шейдеманом более правильным и его стремление к скорейшему отходу на тыловую позицию вполне целесообразным, но он судил только с точки зрения командира корпуса. Можно думать, что если бы 1-я армия имела план активного противодействия наступлению германцев и начала отход в ночь на 13 июля (30 июня) с целью уклониться от неравного боя, при этом выполняя перегруппировку войск и тем подготовляя контрманевр, то она могла бы сопротивляться дольше. Пассивное упорство, на котором настаивал Литвинов, как мы видим, не давало успеха, а лишь требовало напрасных потерь, что вело к полному расстройству частей, подрывая их моральные силы и веру в старшее командование.

2-я *атака германцев.* Для развития успеха Панневиц и Плюсков решили продолжать наступление.[1] Отход русских отчасти вывел их пехоту из зоны лучшей стрельбы батарей, а для перемещения их времени не было. Вследствие этого нового плана атаки не составлялось. Решено было продолжать наступление по направлениям, намеченным для первой атаки; тяжелые батареи, как более дальнобойные, оставить на месте, а переместить вперед одни легкие батареи, как более подвижные. На это перемещение потребовалось от 3 до 5 часов времени. Новое распределение целей было закончено около 15 час. и с этого момента началась систематическая подготовка новой атаки. В 16—19 час. к огню тяжелой артиллерии постепенно присоединилась легкая артиллерия германцев, после перемены своих позиций.

На промежуточной позиции огонь германских батарей, из которых многие стреляли на предельной дистанции, стал менее действительным, и это обстоятельство тотчас отразилось на состоянии стрелков. Их подавленность от утреннего ураганного огня стала проходить, а прибытие подкреплений в лице туркестанцев влило в них новую бодрость и решимость.

43 Сибирский полк занимал участок шириною до 8 *км*, и позиция для него была растянутой. Штаб армии приказал Плешкову направить, для его смены на участке д.д. Мховко—Обромб, 1 Сибирский полк, что сокращало линию обороны в два раза. Шейдеман, учитывая трудность прокладки связи, просил Литвинова участок 1 Сибирского полка передать[2] в подчинение I Сибирского корпуса. Как мы видели, Плешков решил не производить смены, а развернуть этот полк на линии высота 59,1—д. Обромб. Вследствие этого 1 Сибирский полк оказался в тылу IV и II бтл. 43 Сибирского полка. Коман-

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 35—37.
[2] Дело № 43034, стр. 14.

дир полка решил выждать развертывание 1 Сибирского полка и потом отвести роты IV и II бтл. через Обромб на правый берег Венгерки и сосредоточить их на шоссе у д. Клевки.[1] С отходом этих рот три роты 8 Туркестанского полка направлены на усиление III бтл. в Хойновский лес.

35 пехотная германская дивизия должна была атаковать в направлении фол. Миров. Отход частей 43 Сибирского полка лишал ее ближайшего объекта действий, а так как этот отход выполнен довольно скрытно, то германцам пришлось потерять много времени с разведкой позиции 1 Сибирского полка и организацией подготовки атаки. В результате эта атака не состоялась.

III бтл. 43 Сибирского полка нашел в Хойновском лесу подготовленные окопы, но большинство из них было отодвинуто в глубь леса, а для получения обстрела деревья не были вырублены. Вследствие этого стрелкам приходилось выходить к опушке леса и стрелять стоя, укрываясь за стволами деревьев.[2] Окопы, бывшие на опушке леса, не имели козырьков, и стрелки были открыты для шрапнельного огня. На этот лес вела атаку 1-я гвардейская резервная германская дивизия. Частичная атака началась с 17 час. и в 18 час. германцы ворвались в лес. К этому моменту подошли три роты 8 Туркестанского полка. При их содействии начался упорный лесной бой, но перевес постепенно переходил к германцам, получавшим непрерывно подкрепления. Наконец, русские принуждены очистить Хойновский лес и задержались у д. Хойново. Около 20 час. германцы повели общую атаку и овладели деревней, а русские отошли в окопы второй линии обороны у высоты 72,1 (схема № 4—стр. 33).

Во время этого отхода командир полка Жданов был ранен и тотчас эвакуирован. Его заместитель находился с частями у д. Клевки и уже начал отводить роты к д. Ростково. Пока он добрался до высоты 72,1, роты, оставшиеся на марше к Ростково, продолжали движение все дальше и дальше, пока были остановлены в районе д.д. Скерки—Турово.[3] Между тем германцы продолжали атаку и, пользуясь свободным промежутком между р. Венгерка и д. Хойново, начали обходить высоту 72,1. Этот обход вызвал неудержимый отход рот III бтл., что увлекло роты 8 Туркестанского полка.

41 Сибирский полк с батальонами 7 и 8 Туркестанских полков с 14 час. был атакован частями 86 пехотной германской дивизии со стороны восточной части Березовой рощи.[4] Оправившись от потрясений, сибирские стрелки проявили большое упорство, и германцам удалось только к 19 час.

---

[1] Дело № 46231, стр. 27.
[2] Дело № 46231, стр. 28, 29.
[3] Дело № 44032, стр. 1.
[4] Дело № 45733, стр. 41.

вытеснить их из Чернищенского леса, но затем у д. Чернище-Борове они вновь встретили сильный отпор. В этих боях полк продолжал таять и, когда осталось около 500 штыков, командир полка передал остатки в подчинение командира батальона 7 Туркестанского полка, а сам уехал [1] в обоз 1-го разряда; это объясняется сильным нервным расстройством. Через день он вновь был с остатками полка.

Так получился сборный отряд из остатков 41 Сибирского полка, батальона 7 Туркестанского и батальона 8 Туркестанского полков. Этот отряд на короткое время остановился в полуготовых окопах у д. Яблоново, но германцы заняли д. Хойново и угрожали обходом. Весь отряд продолжал отход без руководства, и отход постепенно превратился в ряд самостоятельно отходящих групп. [2]

На участке 42 Сибирского полка систематический обстрел германцами начат около 15 час. 15 мин. Почти в то же время арьергардная рота, оставленная у д. Жебры, заметила наступление цепей противника со стороны Березовой рощи и высоты 83,2. Рота стала с боем медленно отходить к позиции полка на линии д. Чернище-Борове—окопы в районе д. Пщулки-Гурне. К 17 час. 35 мин. ясно обозначились наступающие германские цепи в несколько линий одна за другою. Почти в это же время германские легкие батареи начали шрапнельный огонь. Перед фронтом полка были части 86 и 36 пехотных германских дивизий. 42 Сибирский полк держался на своей позиции, пока германцам не удалось овладеть д. Чернище-Борове, что произошло около 20 час. Отсюда германцы начали довольно быстро обходить правый фланг полка, и крайние 10 рот начали отход на д. Зембжус-Вельке. В то же время части 38 пехотной германской дивизии овладели д. Пщулки-Шершене и стали быстро распространяться в тылу II бтл., занимавшего район Пщулки-Гурне. Этот батальон был отрезан и, вероятно, попал в плен. Из его состава только одному взводу удалось пробиться, и он к 22 час. вышел к д. Прживильч. [3]

10 рот 42 Сибирского полка, отошедшие на Зембжус-Вельке, удержались в устроенных там окопах в числе 30 офиц. и 1.153 штыков. (Утром полк имел 49 офиц. и 3.788 штык.— таким образом, потери достигли почти 70%). Германцы продолжали преследовать и вскоре в полку начался беспорядочный отход под влиянием огня со стороны д. Яблоново.

44 Сибирский полк с II бтл. Туркестанского полка был атакован ландверной бригадой Пфейля. По району д. Лысаково систематический артиллерийской огонь германцы начали

---

[1] Дело № 44003, стр. 4.
[2] Дело № 43018, стр. 5.
[3] Дело № 45733, стр. 42, 43.

с 16 час. и около 18 час. повели атаку. Находившийся левее (у д. Мержаново) батальон 1 Туркестанского полка содействовал своим огнем обороне остатков 44 Сибирского полка. Они продержались почти до 22 час. и, с отходом 42 Сибирского полка от Зембжус-Вельке, начали отход на фол. Кляры.[1]

Из сказанного видно, что около 22 час. на фронте 11 Сибирской дивизии все части находились в отступлении, при чем многие полки отходили в беспорядке. Шейдеман полагал, что самые худшие его опасения начинают сбываться. Все офицеры штаба корпуса и штаба 11 Сибирской дивизии были высланы вперед[2] с приказанием задерживать отходящих, приводить их в порядок и тотчас занимать первую сносную позицию и продолжать оборону. С большими усилиями, при содействии всех оставшихся в строю офицеров, удалось задержать отходящие группы и образовать небольшие отдельные отряды для занятия ближайших позиций. В то же время германцы прекратили свое наступление, и бой начал затихать, что способствовало успокоению панически настроенных групп.

Благодаря этой счастливой случайности (остановка германцев), удалось задержаться на линии д. Дзилин (бтл. 7 и 8 Туркестанских полков с немногими солдатами 41 Сибирского полка), фол. Бронька до д. Кусково-Дзярно (остатки 42 Сибирского полка), д. Кусково-Мале до фол. Кляры (остатки 44 Сибирского полка, батальон 7 Туркестанского и рота 42 Сибирского полка). На этой линии предполагалось держаться, если не последует распоряжения об отходе.

За время боя 13 июля (30 июня) от 11 Сибирской дивизии, имевшей утром свыше 14.500 штыков, осталось не более 5.000. При этом 43 Сибирский полк собирался в районе д.д. Скерки—Турово, а 8 Туркестанский полк у д. Бартольды.[2] 11 Сибирская дивизия выдержала бой против двух германских корпусов и была приведена почти в полное расстройство 4—5-часовой артиллерийской подготовкой такой силы, какая впервые наблюдалась на русском фронте, и потом втечение почти 14 часов вела неравный бой.

Заключение; 11 Сибирская дивизия, имея столько же сил, как 2 Сибирская дивизия, занимала более широкий фронт и была атакована сначала 48 германскими батальонами, а потом 57 бтл. Таким образом, ее положение было значительно тяжелее. В период подготовки атаки германской артиллерией в 4—5 часов времени в ее окопы было брошено свыше 3.000.000 снарядов разных калибров. Этой массе огня батареи 11 Сибирской дивизии могли противоставить максимум 60.000 выстрелов из своих 40 орудий. Из этого видно, что огонь германских батарей был не менее, как в 50 раз сильнее

[1] Дело № 43018 стр. 5.
[2] Дело № 43018 стр. 5, 6.

огня русских батарей. Получалось впечатление, что русские батареи позволяют противнику совершенно безнаказанно обстреливать окопы и войска, в них находящиеся. Такое сознание должно было удручающе действовать на моральное состояние стрелков, что отмечается в некоторых журналах военных действий.

Однако моральные силы стрелков не были подавлены массой огня в период подготовки, и атака частей XI германского корпуса была отбита, что заставило Гальвица бросить в бой половину пехоты своего армейского резерва. Бой за первую линию обороны продолжался свыше двух часов; германцам не дешево достался их успех, но и русские стрелки потеряли свыше 50% своего состава. Такой процент потерь весьма часто имеет своим последствием потерю боеспособности и лишь особенно доблестные части могут без утраты боеспособности выдерживать потери до 75%. Только прилив свежих сил способен поддержать угасающий дух борцов.

Это хорошо сознавал Шейдеман и поэтому бросил для поддержки весь корпусный резерв (7 и 8 Туркестанские полки — шесть слабых батальонов), а сам стал настойчиво просить подкреплений, так как 11 Сибирская дивизия находилась на грани потери своей боеспособности, когда сразу начинается полный упадок сил физических и моральных. Такая перспектива грозила крахом не только дивизии, но и всему фронту армии. Этим объясняется та настойчивость, какая проявлена им и его штабом во время переговоров со штабом армии.

Прибытие свежих сил в лице туркестанских стрелков дало возможность частям 11 Сибирской дивизии продолжить борьбу и еще раз оказать германцам сильное сопротивление. В этот день борьба продолжалась свыше 18 час. времени, и 11 Сибирская дивизия потеряла свыше 70%, т.-е. подошла к пределу выносливости, достигла той опасной точки, где легко начинается паника и массовый отход в полном беспорядке. Для исследователя психики боя этот пример поведения 11 Сибирской дивизии заслуживает большого внимания, но и для всех он ясно показывает влияние своевременно вливаемых в ряды сражающихся подкреплений.

Второй натиск германцев был подготовлен слабее и 11 Сибирская дивизия втечение трех часов могла выдержать новую схватку. Здесь нужны были новые поддержки, но их не было, и полки этой дивизии стали терять устойчивость, лишенные руководства офицеров и унтер-офицеров, которые почти все выбыли из строя. Отсутствие поддержки свежими частями повело к упадку духа, и только героическая мера (посылка всех штабных офицеров) дала возможность задержать начинающуюся панику и задержаться. Правда, этому много помогли сами германцы, так как они остановились и прекратили бой

как раз в тот момент, когда могли начать развивать достигнутый тактический успех.

Действительно, между 2 Сибирской и 11 Сибирской дивизиями получился разрыв около 6 *км* от д. Обромб до д. Дзилин. Ни командир XVII германского корпуса, ни командиры 35 пехотного и 1-й гвардейской резервной дивизии не проявили инициативы в этот важный момент и тем потеряли чрезвычайно выгодный для них случай разгромить две дивизии русских. Такие выгодные случаи весьма редки.

В результате этого дня 11 Сибирская дивизия отошла на 7—8 *км*, и только этим оценивается весь успех германцев. Этот успех незначителен при столь больших силах и при огромной затрате снарядов. Шейдеман сумел удержаться и сохранить еще боеспособность дивизии, но не мог рассчитывать выдержать новый натиск и настоятельно просил об отходе.

д) Планы сторон на 14 (1) июля.

План Гальвица. На 13 июля (30 июня) Гальвиц поставил ближайшей целью овладение первой линией обороны русских. Для скорейшего достижения этой цели он с утра начал расходовать армейский резерв и ввел в бой ландверную бригаду и полк 36 пех. дивизии. К полудню вся первая линия была в руках германцев, и, казалось, следовало дать корпусам ударной группы новые цели для действий. Гальвиц этого не сделал, и корпуса продолжали наступление по прежним направлениям. Они сами задались целью овладеть второй линией обороны. Гальвиц полагал, что втечение дня удастся отбросить русских с их промежуточной позиции на вторую линию и овладение ею переносил на следующий день 14 (1) июля. Он считал необходимым вторую оборонительную линию русских подвергнуть такой же сильной артиллерийской подготовке, какая была проведена на первой линии обороны, и для этого втечение ночи на 14 (1) июля переместить все тяжелые батареи. Штурм первой линии показал Гальвицу стойкость русских, и он ожидал такого же отпора на второй линии с подходом к русским подкреплений. Для выполнения штурма нужны свежие силы, и он рассчитывал втечение ночи дать войскам необходимый отдых.

Вот те соображения, которые вызвали остановку боя [1] и дали русским возможность привести части в некоторый порядок. Не ожидая результатов начатых атак, Гальвиц разослал свои указания на 14 (1) июля. [2] Задача для XIII и XVII арм. корпусов—овладеть районом Прасныша, а XI арм. кор-

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 36.
[2] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 41.

пусу продолжать наступать на д. Опиногура (схема № 1). Об этом решении Гальвиц поставил в известность как штаб фронта, так и главную квартиру Вильгельма II. Он указал на взятие первой линии обороны с захватом до 5.000 пленных, нескольких орудий и пулеметов.

Решение Гальвица—отложить до утра решительный удар—надо признать ошибочным. Ударная группа еще сохранила резерв (в XIII корпусе 12 бтл. и у Гальвица 9 бтл.), 2 Сибирская и особенно 11 Сибирская дивизии были расстроены, правый фланг 2 Сибирской дивизии отходил, а 11 Сибирская дивизия от первого сильного толчка могла рассыпаться окончательно. При такой обстановке нельзя было задаваться возможностями дать отдых и переместить батареи, а надо было продолжать натиск немедленно, пустив в дело свой резерв. 5.000 пленных могли свидетельствовать о начинающейся дезорганизации противника, и надо было пользоваться моментом продолжать разгром и не давать русским времени притти в себя и получить подкрепления. Излишняя осторожность и чрезмерная заботливость о соблюдении всех правил тактики привели Гальвица к его неправильному решению.

Ваттер и Панневиц тотчас приняли к исполнению новые указания Гальвица. Плюсков тотчас остановил наступление, но вскоре увидел необходимость докончить поражение русских и взял на себя ответственность—продолжать наступление ночью, сбить русских и преследовать их. Это решение Плюскова, принятое в порядке частной инициативы, было совершенно правильным, так как вполне отвечало сложившейся обстановке. Остальные командиры корпусов выполнили указания Гальвица, и корпус Плюскова оказался изолированным в выполнении своей задачи.

Решение Литвинова. По мере вынужденного отхода на разных участках на фронте 11 Сибирской дивизии, штаб I Туркестанского корпуса усилил свои вызовы к аппарату представителей штаба армии.[1] Нервности Шейдемана способствовало распоряжение Литвинова вернуть 4 Сибирский полк в I Сибирский корпус.[2] Этот полк около 16 час. подошел к д. Воля-Вержбовска, и Шейдеман уже рассчитывал использовать его для поддержки правого участка 11 Сибирской дивизии. Взамен этого полка Литвинов передал в подчинение Шейдемана 14-ю кав. дивизию и бригаду 30-й пех. дивизии, но, этих частей не было под руками. Они были в пути.

В 20 час. 20 мин. Литвинов разослал директиву,[3] в которой категорически требовал держаться на занятых линиях до последней крайности. Такое именно положение было на фронте

[1] Дело № 44036, стр. 6—11.
[2] Дело № 43034, стр. 18, 19.
[3] Дело № 107170, стр. 241.

11 Сибирской дивизии, по мнению Шейдемана, и он вновь докладывал, что положение „крайне серьезно, чтобы не сказать, критическое" и что через час может быть поздно, так как „можно ожидать нежелательных сюрпризов". Эти „сюрпризы" начались около 22 час., когда донесения с фронта указывали на начавшийся беспорядочный отход. Шейдеман вновь сообщал, что части отходят „неудержимо" и что надежда на прибытие 30-й пех. дивизии не оправдывается, даже если она будет высажена в Цеханове, она не успеет оказать помощь. В 22 часа 30 мин. Шейдеман запросил—будет ли решен отход и притом немедленно.

Этот последний вопрос Шейдемана по времени совпал с запросом [1] штаба 12-й армии—правда ли и почему правый фланг I Сибирского корпуса отходит на Красносельц. Проверка этого факта показала правильность сообщения 12-й армии, и Литвинов в 23 часа 20 мин. разослал [2] директиву об отходе всей армии на тыловую позицию во всем согласно предположений, объявленных 8 июля (25 июня) в приказе армии, хотя эти предположения в ночь на 14 (1) июля не отвечали составу корпусов. Вследствие этого Шейдеман возбудил вопрос о сокращении участка I Туркестанского корпуса ввиду больших потерь в 11 Сибирской дивизии. В 2 часа ночи Литвинов разослал дополнительные указания к директиве, [3] согласно которым участок от фол. Августов до д. Грабово-Генсе (схема № 6) отрезывался от I Туркестанского корпуса и должен быть занят 14 кав. дивизией, а до ее прибытия частями I Сибирского и I Туркестанского корпусов. Таким образом в результате скороспелого решения об отходе, на более важном направлении—Прасныш—Пултуск—участок фронта дается коннице, роду оружия, не приспособленному для упорной обороны в окопах.

Решение об отходе всей армии было принято Литвиновым под влиянием двух фактов: а) отход правого фланга I Сибирского корпуса и б) постоянного давления со стороны штаба I Туркестанского корпуса. Повидимому, не было сделано предварительного анализа обстановки, и решение явилось вынужденным. Пассивное упрямство штаба армии завершилось таким же пассивным принятием весьма важного решения. Быстрота, с какою решение принято и разослано в штабы корпусов, не позволила обсудить этого решения и испросить предварительного согласия штаба фронта. Получая весь день успокаивающие донесения, Алексеев был удивлен решением об отходе, и пожелал лично проверить его правильность, решив съездить в Яблонну в штаб 1-й армии.

---

[1] Дело № 73805, стр. 44.
[2] Дело № 43034, стр. 20.
[3] Дело № 43034, стр. 22.

Мы видели, что бой 13 июля (30 июня) закончился отходом и расстройством двух пех. дивизий (2 и 11 Сибирской), а так как армия имела всего лишь пять дивизий, то это составляло показательный симптом. Поэтому механическое применение к этому отходу соображений, положенных в основу приказа от 8 июля (25 июня), нельзя назвать правильным. За неделю и особенно в последний день (день боя) обстановка значительно изменилась. Ясно выявилось стремление противника прорвать фронт и затем форсировать Нарев. В то же время к армии подвозятся подкрепления (всего ожидалось $4^1/_2$ пех. дивизии), которые почти удваивали силы армии. При таких условиях простой отход на тыловую позицию без замысла контр-маневра является ошибкой. Обстановка требовала отхода с перегруппировкой частей и с учетом подвозимых подкреплений для создания обстановки, позволяющей выполнить контр-маневр, и тем остановить противника. Пассивность Литвинова и его штаба были основной причиной такого неправильного решения. Последствия этого решения будут видны из дальнейшего изложения хода описываемого сражения.

Сравнение планов сторон. Гальвиц под влиянием излишней осторожности принимает решение—продолжать атаку на следующий день. Другими словами, он отказывается от немедленного использования достигнутого ударной группой успеха. Этим решением войска приковываются к месту, и русские получают возможность отойти без всякой помехи на тыловую позицию, оторваться от противника, выполнить перегруппировку и подтянуть подвозимые подкрепления. Если русские выполнят эти возможности, то Гальвиц может встретить более сильное сопротивление и тем затянуть выполнение своей главной задачи—форсировать р. Нарев.

Литвинов, совершенно не желая отходить, принужден принять решение об отходе на тыловую позицию. Этим он отрывается от противника, но не использует отхода, чтобы связать его с перегруппировкой и планом контр-маневра, в соответствии с чем направить подвозимые подкрепления.

Таким образом, обе стороны мало учитывали новую обстановку, и их планы действий представляются нецелесообразными. Обе стороны не хотят использовать тех возможностей, какие давала в их руки обстановка к ночи на 14 (1) июля. Отход русских не предусматривается Гальвицем, и его расчет начать атаку с утра оказывается невыполнимым. Литвинов вполне правильно видел необходимость отхода, но этот отход выполняет чисто механически, без учета возможного контр-маневра. В результате планы сторон ведут к затягиванию борьбы, что для германцев крайне невыгодно, а русские ничего не предпринимают для еще большего затягивания сражения.

е) Отход русской армии в ночь на 14 (1) июля.

Отход I Сибирского корпуса. Штаб I Сибирского корпуса вскоре после полуночи на 14 (1) июля закончил рассылку распоряжений об отходе. Так как на фронте корпуса боя не было и германцы остановились на ночлег, то оставалось скрытно выполнить отход, чтобы оторваться от противника и спокойно занять назначенный корпусу участок тыловой позиции от Красносельц через Подосье и Щуки до фол. Августов (схема № 6). В корпусный резерв должен отойти 1 Сибирский полк.[1] Этот полк из района Прасныша должен отходить в полосе шоссе на Маков, т.-е. должен прикрывать более важную дорогу и дать возможность спокойно занять более опасный участок корпусной позиции, примыкающий к фронту 1 Туркестанского корпуса.

Мы видели, что правый фланг 2 Сибирской дивизии еще до получения распоряжения об отходе на тыловую позицию, начал этот отход, руководствуясь указаниями штаба корпуса. Поэтому 6 и 8 Сибирские полки продолжали ночной марш и уже к 4 час. (к рассвету) перешли мост у Красносельц. Выполняя приказ нач. дивизии, III бтл. 6 Сиб. полка и II бтл. 8 Сибирского полка заняли предмостное укрепление на правом берегу р. Оржиц.[2] Остальные батальоны 6 Сибирского полка ввиду больших потерь были сведены в один сводный батальон и заняли участок позиции от фол. Багенцы до м. Красносельц. Легкий артдивизион (15 ор.) занял позиции с расчетом обстреливать подступы к предмостному укреплению.

Остальные батальоны 8 Сибирского полка заняли позицию на левом берегу Оржица от м. Красносельц до д. Сулиха,[3] выдвинув одну роту в небольшое предмостное укрепление против д. Сулиха, обеспечивающее переправу через легкий пешеходный мост. Приданная полку одна легкая батарея (6 ор.) заняла позицию с возможностью обстреливать подступы к д. Сулиха.

Наиболее пострадавший 5 Сибирский полк отходил к переправе у д. Подосье и к 6 час. утра достиг д. Завады, где расположился на отдых,[4] имея в виду днем перейти к д. Воля Пеницка, где полку, оттягиваемому в резерв дивизии, назначено пребывание в случае боя.

7 Сибирский полк прикрывал отход 5 Сибирского полка. Арьергардный батальон до 2 час. ночи оставался у д. Дембина и затем отошел с большою скрытностью. К 8 час. полк занял позицию на левом берегу Оржица от д. Сулиха до мо-

[1] Дело № 82091, стр. 1.
[2] Дело № 82522, стр. 1.
[3] Дело № 97471, стр. 1.
[4] Дело № 97465, стр. 1.

ста у д. Подосье, а арьергардный батальон занял предмостное укрепление.[1] Две легких батареи (12 ор.) заняли позиции на левом берегу Оржица.

При отходе полки оставили пеших и конных разведчиков на линии д.д. Дронджево—Гронды—Кухны. Разведывательные партии были в соприкосновении с передовыми частями германцев. Отход выполнен спокойно.

Штаб дивизии перешел в д. Гонсево, обозы 2 разряда сосредоточились у д. Тсесёрки, а дивизионный обоз остался в Пултуске.[2] Головной парк перешел в д. Жехово-Вельке, выделив патронные двуколки в д. Пенице-Вельке, а остальные парки расположились у д. Попелярка. Перевязочный отряд дивизии развернулся в д. Завады, один лазарет в д. Уляска, а другой направлен в м. Шельков (схема № 6).

Занятая 2 Сибирской дивизией позиция была наполовину подготовлена, и полкам оставалось несколько улучшить окопы.

1 Сибирская дивизия должна была занять участок от д. Подосье до фол. Августов. За выделением 1 Сибирского полка в корпусный резерв, в дивизии остается 12 батальонов, что мало для занятия участка свыше 12 *км.* Начальник дивизии Третьяков от каждого из полков решил оттянуть по одному батальону в резерв дивизии, и для занятия позиции остается только 9 батальонов, вследствие чего позиция оказывается растянутой. Кроме того, позиция оказалась плохо подготовленной. На участке Подосье—Плонявы были построены окопы на один батальон и перед ними набиты колья для проволочного заграждения, но проволока не была подвезена.[3] На остальном участке была сделана только трасировка, отрыты котлованы для убежищ и подвезен лесной материал. Вследствие этого устройство окопов ложилось на войска.

2 Сибирский полк начал отход около 2 час. ночи, оставив по одной роте у часовни Свенто-Мейсце и у д. Бартники. Эти роты, образуя арьергард, начали отход через полчаса после отхода полка. К 4 час. полк прибыл к д. Плонявы и приступил к занятию позиции. Участок полка был более 3 *км;* I, II и IV батальоны составили боевую часть,[4] а III батальон направлен в д. Венгржиново в резерв дивизии. I батальон почти соприкасался с предмостным укреплением у Подосье, занятым частями 7 Сибирского полка. Левее IV батальона образовался никем незанятый участок до 1.000 шагов.

3 Сибирский полк, расположенный в двух группах—три бтл. у д. Венгржиново и IV батальон у д. Карвач (на слу-

---

[1] Дело № 97454, стр. 1.
[2] Дело № 82091, стр. 1.
[3] Дело № 82063, стр. 5.
[4] Дело № 97444, стр. 1.

чай поддержки 2 Сибирского полка), без особого усилия занял III, II и I батальонами участок от д. Плонявы до д. Велиодрож,[1] IV батальон оттянул в д. Венгржиново в резерв дивизии.[2]

4 Сибирский полк весь день 13 июля (30 июня) гулял по полю сражения. Сначала из Макова в д. Лешно, оттуда в I Туркестанский корпус в д. Воля-Вержбовска и, наконец, назад в д. Щуки, куда прибыл около полуночи, сделав втечение дня свыше 35 *км.* Не успев отдохнуть, полку пришлось с 2 час. ночи занимать участок позиции от д. Велиодрож до фол. Августов.[3] IV, II и III батальоны приступили к работе по укреплению позиции, а I батальон направлен в д. Венгржиново в резерв дивизии.

1 Сибирский полк оставил впереди Прасныша 1 батальон, а остальные скрытно сосредоточил к д. Добржанково. В 2 часа ночи полк начал отход и к 4 час. подошел к м. Красне. Здесь полк получил новую задачу[4]—один батальон передать в 4 Сибирский полк для удлинения позиции до д. Збики-Вельке, один батальон с легкой батареей расположить у д. Венжево для обеспечения левого фланга корпуса, а остальными продолжать движение в д. Млодзяново, составляя резерв корпуса.

Это распоряжение было следствием дополнительных указаний штаба армии. Участок от фол. Августов до д. Грабово-Генсе (протяжением до 7 *км*) признавался штабом корпуса весьма важным, как лежащий на стыке с I Туркестанским корпусом. Выяснив переговорами с последним, что 11 Сибирская дивизия не может ничего уделить для занятия этого участка, штаб корпуса решил занять его своими силами,[5] а именно батальоном от 1 Сибирского полка и корпусной конницей (7 Сибирский казачий полк). Учитывая, что половина конницы находится в нарядах (разведка, летучая почта), пришлось у д. Венжево расположить батальон 1 Сибирского полка с легкой батареей на случай поддержки корпусной конницы.

Штаб 1 Сибирской дивизии расположился в д. Млодзяново, а все тыловые учреждения эшелонированы на Пултуск, т.-е. в полосе правого берега р. Оржиц. Позиция дивизии разделена р. Венгерка, но на ней были мосты, и сама река проходилась по многочисленным бродам.

Части 1 Сибирской дивизии оставили команды пеших и конных разведчиков на линии д.д. Кухны—Добржанково—Гостково, которые своими отдельными партиями имели на-

---

[1] Дело № 97446, стр. 1.
[2] Дело № 142886, стр. 55.
[3] Дело № 97447, стр. 1.
[4] Дело № 97441, стр. 1.
[5] Дело № 107170, стр. 252.

блюдение за передовыми частями германцев, не заметивших отхода русских.

К 8 час. утра 14 (1) июля все части I Сибирского корпуса закончили занятие позиции и оторвались от главных сил германцев на 7—12 *км* и таким образом выиграли около 4 час. времени для приведения занятых позиций в лучший вид.

Отход I Туркестанского корпуса. Получив согласие штаба армии на отход, Шейдеман не ожидал получения директивы, а немедленно приступил к организации отхода частей, что представляло много затруднений, так как технической связи со штабом 11 Сибирской дивизии не было. Равным образом не было такой связи со штабами полков. Распоряжения приходилось посылать с небольшими разъездами или с конными ординарцами, которым не всегда удавалось доставить распоряжение своевременно. Вместе с тем существовало опасение, что фронт 11 Сибирской дивизии легко может сдать, и тогда положение Цеханова станет критическим, так как в нем сосредоточилось свыше 2.500 раненых, которых надо эвакуировать.

Шейдеман решил прикрыть Цеханов отдохнувшим 5 Туркестанским полком, придав ему одну горную и одну тяжелую батарею. Полк должен был занять позицию на линии д.д. Пронжево—Каргошин [1] (схема № 7) [2] и держаться на ней до подхода частей I Туркестанской стрелковой бригады, после чего отойти в д. Врублево и составить корпусный резерв. Распоряжение об отходе, назначенным с 3 час. ночи, [3] разослано с офицерскими разъездами, которым поручено сообщать распоряжение всем штабным офицерам, посланным для остановки частей и их устройства.

С своей стороны Плюсков, в порядке частной инициативы, принял решение—продолжать атаку и заставить русских продолжать отход под ударами преследующих частей. [4] Это решение совершенно не отвечало указаниям Гальвица, но вполне отвечало сложившейся обстановке. По мнению Плюскова, русские были деморализованы и не могли оказать сильного сопротивления новому натиску. В штабе XI германского корпуса считали, что русские остановились на линии д.д. Хростово — Кусково — Мале - Коски, что мало отвечало действительности, ибо ночная разведка не могла дать точных данных. Германцы вообще не любили ночных действий и избегали их, тем не менее Плюсков решается на ночную атаку. Полевые батареи должны были после полночи начать подготовку, хотя наблюдение было неудовлетворительно как по случаю темноты, так и по недостатку выдвинутых вперед

[1] Дело № 47707, стр. 1, 2.
[2] См стр. 63.
[3] Дело № 43018, стр. 4, 5.
[4] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 42.

наблюдательных пунктов. Такая стрельба равносильна напрасной трате снарядов. Атака назначена в 3 часа ночи, т.-е. за час до рассвета.

По указанию Шейдемана 11 Сибирская дивизия с 7 и 8 Туркестанскими полками должна была занять участок от д. Грабово-Генсе до д. Конты (схема № 7), 1 Туркестанская стрелковая бригада участок вокруг Цеханова до д. Ойжень и 2 Туркестанская стрелковая бригада остальной участок до д. Гутаржево (схема № 1) на р. Вкра. [1]

Около 3 час. ночи германцы начали атаку. Ближайшие части 1 гвардейской резервной дивизии, по частной инициативе, поддержали наступление 86 и 38 пехотной дивизий (схема № 7). Части 1 гвардейской резервной дивизии атаковали на д. Дзилин, где находились батальон 8 Туркестанского полка, три роты 41 Сибирского полка и батальон 7 Туркестанского полка. Эти части уже начали отход, когда германцы начали атаку. Русские отходили с боем и всячески замедляли движение германцев. Задержавшись короткое время на опушке леса у д. Старавесь, этот Сборный отряд распался. Роты 8 Туркестанского полка отходили на д. Лагуны, куда выдвинулись от д. Бартольды, бывшие там части этого полка. Роты 41 Сибирского полка отходили прямо к обозу 1 разряда к д. Палуки. [2] Здесь собралось всего 10 офицеров и 682 штыка. Это все, что осталось от полка, имевшего в начале боя утром 13 июля (30 июня) 53 офицеров и 4.190 штык. [3] Потеря полка определяется в 84%. Остатки полка едва годны, как кадр, для развертывания с прибытием пополнений.

43 Сибирский полк, занявший позицию севернее д. Турово, и части 8 Туркестанского полка, занявшие позицию севернее д. Лагуны, распоряжение об отходе получили только в 6 час. утра, хотя оно было отправлено около 2 час. ночи. [4] Части 1 гвардейской резервной германской дивизии преследовали со стороны д. Дзилин довольно вяло и южнее линии д.д. Ростково—Щепанка не продвинулись.

С 6 час. 43 Сибирский полк начал отход. Оставив один батальон у д. Зелена, остальными к 9 час. утра занял позицию на линии д.д. Грабово-Генсе—Кленово. [5]

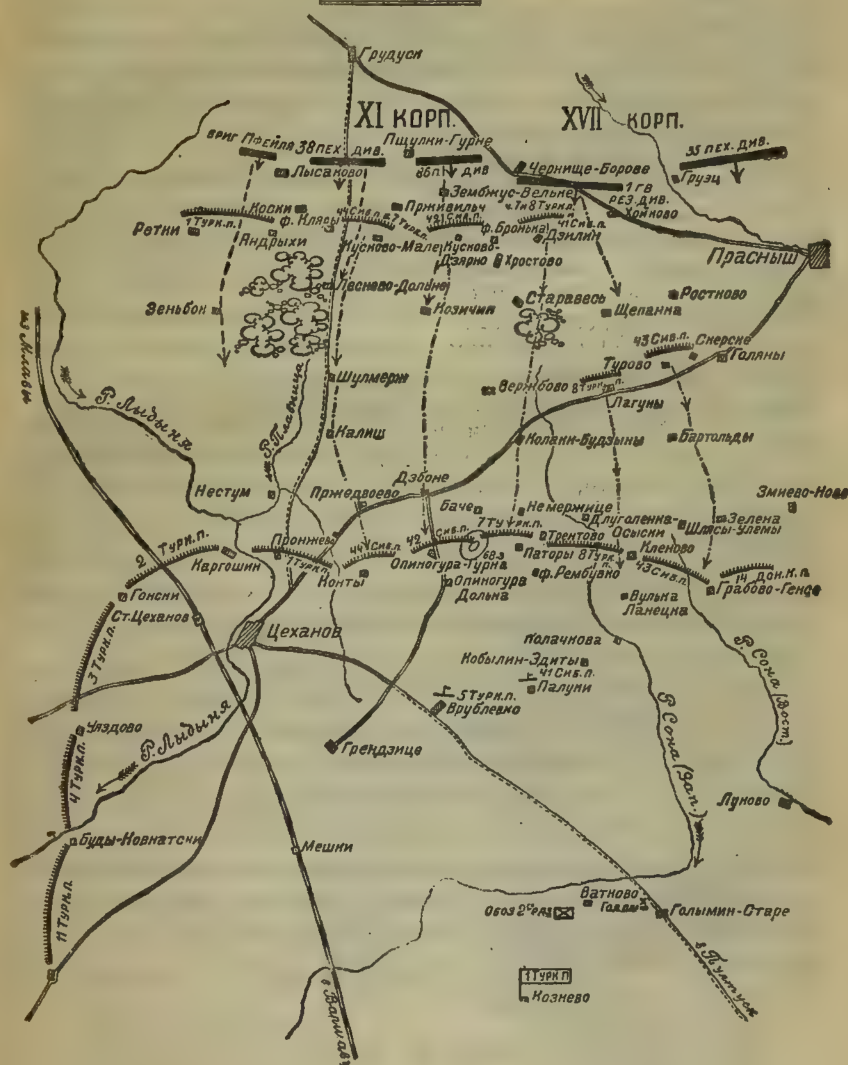
8 Туркестанский полк отходил одновременно с 43 Сибирским полком. Имея в рядах 25 офицеров и 1.896 штыков, он не мог занять назначенного ему участка от д. Кленово до д. Трентово. Эта последняя лежала в лощине, идущей с Сев.-Зап. на Юго-Вост. и образующей чрезвычайно удобный для противника подступ.

---

[1] Дело № 43018, стр. 6.
[2] Дело № 44001, стр. 7.
[3] Дело № 44003, стр. 9, 13.
[4] Дело № 47631, стр. 1.
[5] Дело № 44032, стр. 1.

СХЕМА №7.

Отход 1-го Туркест. корпуса в ночь на 14 июля 1915 г.

Около 3 час. ночи части 86 пехотной германской дивизии начали атаку на д. Кусково-Дзярно, что совпало с началом отхода 42 Сибирского полка. Полку пришлось отходить с боем в направлении на д. Дзбоне. [1] В то же время части 38 пехотной германской дивизии начали наступление на д. Кусково-Мале и фол. Кляры. Остатки 44 Сибирского полка с батальоном 7 Туркестанского полка начали отход и вели его с боем. [2]

Плюсков увидел, что только его дивизии наступают, рискуют зарваться и подвергнуться отдельному поражению. Поэтому он приказал остановиться. Передовые части в 8 час. утра остановились на линии д.д. Вержбово—Шулмерж, а главные силы на линии д.д. Козичин—Леснево Дольне. Германский историк отмечает умелый отход русских, которые часто останавливались и заставляли германцев терять время на развертывание и подготовку частичных атак, но русские своевременно уклонялись от боя и продолжали задерживаться в другом месте. [3] Отходящие части 42 и 44 Сибирских полков у Дзбоне встретили части 4 Туркестанского полка.

Части 7 Туркестанского полка (кроме батальона, находящегося при 44 Сибирском полку) заняли позицию от дороги из фол. Рембувка в д. Немержице до высоты 68,3. Таким образом лощина у д. Трентово оказалась в промежутке между 8 и 7 Туркестанскими полками и никем не была занята.

Остатки 42 Сибирского полка заняли участок от высоты 68,3 до района д. Опиногура Дольне, а далее расположились остатки 44 Сибирского полка до района д. Конты. Остатки 42 и 44 Сибирских полков, ввиду ранения командира 44 Сибирского полка, были объединены [4] командиром 42 Сибирского полка полк. Степаненко. II батальон 7 Туркестанского полка собран в участковый резерв, но потом был возвращен в свой полк. [5]

Штаб 11 Сибирской дивизии расположился в д. Нерадово. Ее тыловые учреждения успели отойти спокойно и расположились: а) обозы 2 разряда у д. Ватково, б) дивизионный обоз остался в Пултуске, в) головной парк у м. Голымин-Старе, г) госпиталя успели эвакуировать всех раненых, пользуясь необорудованными вагонами ст. Цеханов и ст. Гонсотсин.

1 Туркестанская стрелковая бригада отошла на участок по линии от безымянного ручья у д. Конты на д.д. Пронжево, Каргошин, Гонски, Уяздово, Буды-Ковнатски до района д. Ойжень (схема № 7).

---

[1] Дело № 42020, стр. 14, 19.
[2] Дело № 44052, стр. 2.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 42.
[4] Дело № 44052, стр. 2.
[5] Дело № 48131. стр. 6.

Отход этой бригады совершался под небольшим давлением частей ландверной германской бригады Пфейля, но сосредоточенный резерв бригады у д. Андрыхи задержал продвижение противника. 5 Туркестанский полк отошел в резерв корпуса к д. Врублевко. [1]

2 Туркестанская стрелковая бригада отошла спокойно и заняла назначенный ей участок от шоссе из Цеханова до д. Гутаржево (схема № 1).

Хотя Шейдеман настойчиво добивался отхода на тыловую позицию, но положение I Туркестанского корпуса с отходом не улучшилось. 11-я Сибирская дивизия заняла участок около 12 *км* вместо прежних 15, но вместе с тем ее состав уменьшился почти на 70%, а силы 7 и 8 Туркестанских полков не могли дать ей прежней численности. За ее участком попрежнему нет сильного резерва. Части 1-й Туркестанской стрелковой бригады заняли дугу вокруг Цеханова и образовали невыгодный исходящий угол. Срезать этот угол было нельзя, так как противник даром получал отличные наблюдательные пункты южнее д. Каргошин. Работы на позиции закончены не были, и войскам вместо отдыха приходилось затрачивать силы на постройку окопов.

Отход XXVII и I кавалерийского корпусов. Эти корпуса втечение 13 июля (30 июня) подвергались только артиллерийскому огню и частичным атакам. [2] Части XXVII корпуса начали отход ночью и совершенно скрытно, что доказывается сильным обстрелом оставленных окопов германцами с утра 14(1) июля. Дивизии корпуса заняли участок д.д. Гутаржево-Сломин (схема № 1), а участок до Вислы занял I кавалерийский корпус, вследствие чего надобность в Вышегродском отряде миновала, и он по распоряжению коменданта крепости Новогеоргиевска отошел на передовые крепостные позиции.

Перемещение 14-й кавалерийской дивизии. 14-я кавалерийская дивизия ген. Петерсона была связана со штабом I кавалерийского корпуса летучей конной почтой, вследствие чего распоряжение о перемещении в Цеханов было получено [3] только в 14 час. 20 мин. Пока разосланы распоряжения в полки, пока они собрались—прошло почти полтора часа. Дивизия выступила по-бригадно около 16 час. и двигалась весь путь (до 60 *км*) переменным аллюром. Головная бригада прибыла к Цеханову в 3 часа ночи на 14(1) июля, [4] а другая бригада через час после нее. Утомленные кони требовали отдыха не менее 6—7 часов, но его пришлось сократить ввиду выступления для занятия позиции на стыке I Сибирского и I Туркестанского корпусов.

[1] Дело № 43018, стр. 7.
[2] Дело № 97030, стр. 177.
[3] Дело № 64902, стр. 7.
[4] Дело № 64779, стр. 2.

Перемещение IV армейского корпуса. Из резерва 2-й армии распоряжением Алексеева назначен к спешной перевозке IV армейский корпус ген. Алиева. За отсутствием его, корпусом командовал инспектор артиллерии ген. Святловский. Корпус должен быть посажен на ст. Блоне и перевезен в Цеханов, но для безопасности высадок начальник военных сообщений станциями выгрузки назначил разъезд Мешки и ст. Гонсотсин [1] (схема № 1). Как ни спешно шла перевозка, но 1-й эшелон головной 30-й пехотной дивизии прибыл только в 6 час. 30 мин. утра 14 (1) июля, что подтверждало опасение Шейдемана за судьбу 11-й Сибирской дивизии.

Вообще перевозка шла медленно, что объясняется загрузкой железной дороги, выполнявшей не менее спешную работу по эвакуации Варшавы. К полудню 14 (1) июля прибыло только пять эшелонов, давших 3 батальона и 12 орудий. [2] К 15 час. прибыло еще 2 батальона и 6 орудий. При этом в целях более скорой перевозки войск обозы 2 и 3 разрядов приказано перевозить по окончании перевозки всех войск. Последний эшелон с войсками прибыл в 8 час. 15 (2) июля и только после этого стали прибывать обозы и парки. Вследствие этого многие части оставались без своих обозов почти трое суток, а так как за это время им пришлось принять участие в боевых действиях, то они оставались без запаса не только продовольствия, но и без запаса огнестрельных припасов. Этим частям приходилось получать их от своих соседей [3] и тем уменьшать их огонь.

ж) Заключение о первом периоде сражения.

Первый период Праснышского сражения закончился отходом 1-й русской армии на тыловую позицию. Бой на основной армейской позиции продолжался только 21 час. Значит ли это обстоятельство, что позиция не отвечала своему назначению, или войска были плохи, или ими очень плохо управляли?

Позиция 1-й армии была вполне удовлетворительна и рассчитана на борьбу с обыкновенной полевой тяжелой артиллерией. Германцы имели не только значительный перевес в числе орудий, но подвезли весьма крупные калибры (15 и 21 *см*), против которых не было подготовлено соответствующих окопов (с применением бетона) и убежищ. В этом упущении повинно командование, которое слишком слабо реагировало на опыт войны и не требовало от инженерных строительств и войск соответствующих построек.

---

[1] Дело № 43036, стр. 21.
[2] Дело № 43018, стр. 9.
[3] Дело № 82063, стр. 55.

Германская артиллерия в продолжение 5—6-часовой подготовки буквально сметала с лица земли русские окопы, причиняя их защитникам большие потери и дезорганизуя их моральные силы. Германцам казалось, что при такой подготовке они легко овладеют русской позицией. Однако тройные и более силы германской пехоты встретили такой сильный отпор, что с самого начала боя Гальвицу пришлось расходовать армейский резерв. Войска, способные к такому отпору, не могут быть плохими. За три часа боя германцы при всех своих преимуществах могли продвинуться на 1—2 *км.* Упорная стойкость войск доходила до окружения небольших частей (рот, батальонов). Надо было эти войска своевременно поддержать, для чего были нужны сильные резервы. Таких резервов не было ни у командиров корпусов, ни в штабе армии. Частичные поддержки давали возможность продлить сопротивление, но остановить превосходных сил противника они не могли. Однако и эти небольшие подкрепления восстанавливали упорство и боеспособность войск, и они находили в себе новые силы и опять давали германцам сильный отпор. Но силы небесконечны, и Шейдеман правильно опасался возможности дезорганизации, почему искал спасения от этой возможности в немедленном отходе, т. е. в выводе войск из-под ударов навстречу подвозимым подкреплениям. Таким образом войска неповинны в результате боя.

Такой вывод указывает на основную причину—плохое командование, плохое управление. Избитая истина гласит: управлять—значит предвидеть. Отсутствием предвидения страдало большинство старших русских начальников. Из них один Алексеев предвидел германский план и предполагал отводить армии назад, но его оперативную свободу связала Ставка, навязав ему обязательную эвакуацию Варшавы. Ему приходилось принимать сражения при самых невыгодных стратегических и материальных условиях. По этой причине подкрепления к 1-й армии приходили с опозданием.

Управление в 1-й армии было не на высоте положения. Почти за неделю до начала сражения штаб армии имел сведения о сосредоточении германцами сил и о подготовке ими удара. Однако это не заставило штаб армии выйти из своего пассивного настроения. Кроме усиления разведки, не было сделано ничего для облегчения войскам выполнения их тяжелой задачи. Штаб армии ошибался в подсчете сил германцев и считал их меньше, чем было в действительности, но это не давало права принять только план чисто пассивной обороны. Казалось бы следовало воспользоваться этим и создать план контр-маневра. Для этого нужен сильный резерв. Такой резерв армия могла выделить, так как на ее фронте была крепость Новогеоргиевск. Эта крепость вполне обеспечивала своими верками и передовой позицией весь район

между реками Вкра и Висла, а поэтому отсюда можно было снимать части и перебрасывать их к угрожающим направлениям. XXVII и I кавалерийский корпуса (2 пехотных и 3 кавалерийские дивизии) смело могли быть оттянуты в резерв. Вместо этого штаб армии принимает полумеру—снимает одну 14-ю кавалерийскую дивизию, и то с опозданием, и несколько уширяет вправо участок XXVII корпуса.

Начавшаяся с рассветом артиллерийская подготовка германцев должна была вызвать штаб 1-й русской армии на усиленную работу. Однако весь день Литвинов только требовал стойкости и стойкости, приказывал держаться до последней крайности. Шейдеман хорошо учитывал последствия неравного боя и все время просил об отходе. Плешков об отходе не просил, но дал указание—в случае невозможности держаться, отходить на тыловую позицию. Эта позиция близко подходила к правому флангу 2-й Сибирской дивизии и 6 Сибирский полк начал отход. Литвинову пришлось принять спешно решение об отходе, и он воспользовался уже готовым планом отхода, хотя этот план не отвечал изменившейся обстановке, что еще раз подтверждает пассивность штаба армии.

Из сказанного видно, что управление боем носило пассивный характер. Литвинов не управлял, а скорее сам находился под управлением командиров корпусов. По просьбе Шейдемана он посылает ему 4 Сибирский полк, а потом по просьбе Плешкова этот полк возвращается назад. Это показывает, что в штабе не было определенного плана для ведения начавшегося сражения. Решения принимаются под давлением случайных обстоятельств, как и самый отход всей армии на тыловую позицию является случайным решением.

По счастью для русских, германское командование в этот день также не было на должной высоте. Вся методическая подготовка удара Гальвицем заканчивается осторожным планом—овладения 1-й линией обороны русских, а овладение их 2-й линией переносится на 14 (1) июля. Это ошибочное решение дает возможность русским спокойного отхода, и даже ночное наступление Плюскова не могло исправить ошибки Гальвица.

Таким образом в первом периоде сражения обе стороны делают ошибки. Литвинов пассивно поддается воле Гальвица и воле командиров корпусов, вместо принятия решения—добиваться успеха обороны путем контр-маневра. Такая тактика требует жертв больше, чем даже самый рискованный маневр. Гальвиц проявляет чрезмерную осторожность и останавливает атаку, чем затягивает сражение, давая русским спокойный отход на подходящие к ним подкрепления.

Значение техники и особенно артиллерии ясно выявляется в артиллерийской подготовке германцев. Работы русских на позиции втечение 3—4 месяцев разрушаются в несколько часов.

Артиллерия образует мощный огневой молот, разбивающий все препятствия для штурмующей пехоты. Защитники одним огнем приводятся в состояние дезорганизации и германской пехоте остается только закрепить уже взятое ее батареями. Однако моральные силы русских устояли даже против такого адского огня, и германский историк с удивлением говорит о стойкости противника. К сожалению, одним моральным подъемом нельзя достигнуть нужного успеха. Техника требует равного с ним значения в боевом решении вопросов.

VII. ВТОРОЙ ПЕРИОД СРАЖЕНИЯ.

Планы сторон.

План Гальвица. Ночной отход русских не был замечен германцами и только утром штаб армии получил об этом сведения. Гальвиц увидел свою ошибку, и теперь решает ее исправить. Германские части находились к этому времени в таком положении: а) XIII армейский корпус на линии д.д. Куявы—Мховко (схема № 6); б) XVII армейский корпус на линии д.д. Мховко—Груец—Дзилин (схема № 7); в) XI армейский корпус на линии д.д. Козичин—Леснево-Дольне; г) остальные части армии сохранили свое расположение; д) в Млаве высадилась 50-я резервная дивизия и сделала часть перехода вперед.

Разведка устанавливала нахождение русских на линии Красносельц—Щуки—Цеханов [1] и подход к ним подкреплений. Гальвиц ожидает упорного сопротивления и решает использовать порыв, проявленный накануне ночью Плюсковым, тем более, что перед ним находилась 11-я Сибирская дивизия, давшая самое большое число пленных. Поручая Плюскову выполнение главного удара, Гальвиц направляет этот удар по линии наименьшего сопротивления, не считаясь с остальными условиями обстановки. В 1-й день сражения ударная группа продвинулась в общем неравномерно от 3 до 9 *км.* Фланги ударной группы оторвались от флангов соседних корпусов, направление и сила подкреплений, подошедших к русским, не выяснены. Допущенная Гальвицем ошибка уже привела к потере времени и теперь надо торопиться его нагнать, чтобы не дать русским возможности оправиться, улучшить окопы и подтянуть боевые припасы.

Принятый Гальвицем план для дальнейшего наступления сводился к следующему: [2]

а) Группа Плюскова в составе XI армейского корпуса (86-я и 38-я пехотные дивизии) с ландверной бригадой Пфейля, 1-й гвардейской резервной дивизией из XVII армей-

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 43.

[2] Schwarte. Der Grosse Krieg. T. II, ч. 2, стр. 186, 187.

ского корпуса и 50-й резервной дивизией (54 батальона 424 орудия) должна наступать через д. Опиногура в общем направлении на Сероцк (схема № 1).

б) Справа XVII резервный корпус должен содействовать наступлением на Цеханов.

в) Слева XVII армейский корпус (35-я и 36-я пехотные дивизии) должен содействовать наступлением в полосе правого берега р.р. Муравка и Венгерка.

г) XIII армейский корпус с бригадой 2-й пехотной дивизии содействует форсированием р. Оржиц для дальнейшего наступления на Рожан.

д) I армейский и Сводный Дикгута корпуса продолжают выполнение своих прежних задач.

Германцам до русских позиций надо пройти 8—17 *км* и успеть разместить батареи, оборудовав наблюдательные пункты. На выполнение этого требовалось 5—6 часов времени и начало подготовки могло быть около 13 часов.

В итоге главный удар должен вновь обрушиться на 11-ю Сибирскую дивизию. Здесь собраны превосходные силы, и руководство поручено наиболее активному и решительному начальнику—Плюскову. Для лучшего развития успеха Гальвиц остается без армейского резерва, так как ожидалась высадка в Млаве ландверной дивизии Менгеса, перевозимой из 9-й армии. Удар Плюскова обеспечивается соседними корпусами, а помехи со стороны Новогеоргиевска или со стороны IV Сибирского корпуса Гальвиц не опасается, имея против них наблюдающие части. Продолжение намеченного удара ведет к поставленной армии цели — достижения района Вышков—Тлущ.

План Литвинова. Поспешное решение об отходе армии на тыловую позицию заставило выполнить этот отход по ранее разработанному плану, при чем в директиве указано шаблонное „занять и оборонять“ такой-то участок.[1] Такой отход не отвечал обстановке, и, как мы видели, через два часа пришлось вводить поправку—участок на стыке I Сибирского и I Туркестанского корпусов предоставить 14 кавалерийской дивизии. Утром 14 (1) июля было признано необходимым на ее место поставить 30 пехотную дивизию и участок передать в подчинение I Сибирского корпуса. Вследствие этого 14 кавалерийская дивизия подчинена Плешкову, и бригада, обещанная Шейдеману из 30 пехотной дивизии, должна быть направлена для смены 14 кавалерийской дивизии. Все эти меры отвечали пассивности штаба армии.

Когда стало известно о приезде Алексеева, то штаб немного зашевелился, и было принято решение—с подходом всех подкреплений, что можно ожидать не ранее 17 (4), а вернее утра

[1] Дело № 43034, стр. 20.

18 (5) июля, перейти в наступление с целью вернуть утраченное положение. Однако—как выполнить это намерение—решено не было, и начальник штаба армии, сообщая об этом командирам корпусов около 15 часов 14 (1) июля, просил их сообщить о боеспособности 2-й и 11-й Сибирских дивизий.[1] Плешков ответил, что 2 Сибирская дивизия потеряла до 50%, но вполне сохранила способность к наступлению, при этом он скромно добавил, что организация флангового удара (т.-е. контр-маневра) была бы более приемлема, чем фронтальное наступление. Шейдеман ответил, что 11 Сибирская дивизия при потере свыше 75% не может наступать и вообще он считает возможным переход в наступление только свежими силами.

В делах фронта и армии не удалось найти следов этого посещения Алексеевым штаба 1-й армии. В это время ему приходилось командовать восемью армиями, и вряд ли он мог отдать все свое внимание 1-й армии (в это время шло наступление в Риго-Шавельском районе и на фронте Люблин—Холм). Вернувшись из поездки, Алексеев дал такие указания:[2] а) 12-й армии отойти левым флангом назад на линию 1-й армии, б) 2-й армии быть готовой к отходу на Блоне-Гроецкую позицию. Из этого можно заключить, что Алексеев не видел возможности не только восстановить положение, но опасался дальнейшего отхода 1-й армии. Вследствие этого он обратился в ставку с просьбой о присылке двух дивизий из состава Юго-Западного фронта, где наступило сравнительное затишье. Ставка назначила к перевозке 58 и 78 пехотные дивизии,[3] но они прибыли к сражению на р. Нареве, начавшемся после Прасnышского.

Сравнение планов сторон. Для исправления своей ошибки Гальвиц решает поручить выполнение главного удара Плюскову, проявившему накануне инициативу действий, и остается без резерва для ускорения достижения успеха. Словом Гальвиц как бы отрешается от своей осторожности и проявляет полную активность. На этот раз он не ограничивает исполнителей ближайшей задачей и дает почти директивные указания.

Литвинов продолжает оставаться пассивным, принимает меры для усиления обороны подтягиванием новых частей и лишь намечает переход в наступление через 4—5 дней. Этот переход во фронтальное наступление не составляет активности, так как представляет не попытку подавить волю противника и подчинить его своей воле, а лишь простое усиление обороны путем встречного удара. Активность требовала учесть то изменение обстановки, какое случится за эти

[1] Дело № 82063, стр. 1, 3.
[2] Дело № 433, стр. 1.
[3] Дело № 433, стр. 7

4—5 дней, и, в соответствии с этим, принять ряд мер для создания условий, которые могли бы способствовать этому переходу в наступление. Архивные документы не указывают на такие меры и в дальнейшем мы увидим, что Литвинов продолжает быть пассивным почти до конца Праснышского сражения.

Втечение второго периода сражения активность германцев и пассивность русского командования проявляются в полной мере. Подходящие подкрепления, за отсутствием в штабе армии плана контр-маневра, не собираются для сильного удара, а распыляются и вводятся в бой по частям. Такое использование подкреплений имеет лишь местное значение на отдельном участке поля сражения, но не может отразиться на общем положении и успехе.

2-й день сражения 14 (1) июля.

а) Влияние погоды.

Втечение ночи на 14(1) июля погода начала меняться. С утра подул холодный и сильный ветер, а около 10 часов над полем сражения разразился большой ливень. В самое короткое время все грунтовые дороги превратились в месиво липкой грязи. Эта грязь прилипала к обуви, к колесам повозок. Движение крайне замедлилось, колонны наступавших германских войск растянулись, артиллерия и мунициoнные повозки грузли в особенно топких местах и их приходилось вытаскивать на людях. [1]

Эта случайность расстроила все расчеты Гальвица, движение шло медленно и было ясно, что в этот день не придется атаковать русских. Атаку приходится отложить на утро 15(2) июля, так как ранее этого времени не удастся поставить батареи на позиции и оборудовать наблюдательные пункты.

В результате—время, потерянное вследствие ошибки Гальвица, не удалось наверстать и даже пришлось еще потерять.

Русские закончили занятие позиции к 9 часам и поэтому ливень мешал их работе по усовершенствованию позиции, требуя лишних работ для отвода из окопов воды. В общем русские, благодаря ливню, замедлившему движение германцев, выиграли еще около 4—5 часов времени, так как передовые части германцев появились на виду русских позиций только около 17—18 часов. Ливень, испортив тыловые дороги, отразился на движении подходящих подкреплений и на работе обозов и парков.

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 43.

б) Наступление XIII германского корпуса.

XIII германский корпус должен был наступать между р. Оржиц с одной стороны и р.р. Муравка и Венгерка с другой стороны. Для наступления Ваттер распределил свои силы на три участка:[1] а) левый—Швейница—в составе бригады 2-й пехотной дивизии и вся 4 гвардейская дивизия—должен наступать в полосе от р. Оржиц до линии д.д. Липа—Лазы—Сулиха; б) средний—Штаабса—в составе 3-й пехотной дивизии—должен наступать в полосе от названной линии до линии д.д. Кусково—Рогово—Плонявы (схема № 6), в) правый—герцога Вюртембергского—в составе 26-й пехотной дивизии—должен наступать в полосе от указанной выше линии до р.р. Муравка и Венгерка. Корпусного резерва не было, и Ваттер полагал возможным обойтись без него, рассчитывая, что каждый участок будет иметь сильный резерв, который может, при надобности, оказать содействие соседнему участку.

Распределяя свои силы почти равномерно по фронту корпуса, Ваттер тем не менее главный удар намечает против участка д.д. Подосье—Велиодрож, так как сюда назначены почти все тяжелые батареи. Участок атаки занят 2 и 3 Сибирскими полками (6 бтл., с резервом дивизии 9 бтл. ,17 орудий) и должен быть атакован двумя дивизиями (24 бтл., 200 орудий). В то же время против 2 Сибирской дивизии (11 бтл. 33 орудия) направлен левый участок (18 бтл., 140 орудий). Этот подсчет показывает, что—даже при равномерном распределении сил по фронту корпуса—Ваттер достигает значительного превосходства в направлении своего главного удара. В дальнейшем это направление ведет к кратчайшим путям на Рожан с угрозой захвата путей отхода 2 Сибирской дивизии.

Левый участок выполнял второстепенную задачу, и поэтому Швейниц не торопился с наступлением, дав время бригаде 2 пехотной дивизии закончить переправу через Оржиц (у Еднорожец). Разведка 2 Сибирской дивизии могла наблюдать движение нескольких колонн германцев и определить их силы.[2] Главные силы германцев определялись на линии северной окраины д. Пржитулы и севернее д. Лазы. Только около 18 часов было потревожено русское сторожевое охранение, но натиск передовых частей противника был очень слаб. Разведке не удалось распознать расположение германских батарей, и штаб 2 Сибирской дивизии не мог составить предположений для отражения германской атаки.

В результате полки 2 Сибирской дивизии имели отдых втечение всего дня и могли улучшить свои окопы.

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 44.
[2] Дело № 156185, стр. 10.

Средний участок Штаабса наступал по очень плохим дорогам, движение шло весьма медленно под наблюдением разведки 7 и 2 Сибирских полков. 3 пехотная германская дивизия дошла только до района д. Сухе, где остановилась на ночлег. Передовые ее части не продвинулись далее района д. Плонявы.[1]

Правый участок герцога Вюртембергского мог воспользоваться песчаными дорогами, улучшившимися от дождя, и поэтому мог двигаться быстрее. Около 14 час. разведка 3 Сибирского полка сообщила о приближении противника, а в 16 час. сторожевое охранение было потеснено. В 20 час. германские батареи начали огонь, торопясь засветло окончить пристрелку. В то же время на центр[2] 3 Сибирского полка велась усиленная разведка для изучения подступов. Этой разведкой, предпринятой несколькими батальонами, германцы выдали направление главного удара 26 пехотной дивизии. Эта дивизия не принимала участия в бою накануне и теперь оказалась более свежей и энергичной.

Штаб 1 Сибирской дивизии мог догадаться о направлении атаки германцев, но он не имел достаточного резерва для парирования.

в) Наступление XVII германского корпуса.

Передав в распоряжение Плюскова 1 гвард. резерв. дивизию, Панневиц мог наступать только одной 35 пехотной дивизией,[3] так как 36 пехотная дивизия была несколько позади и, кроме того, должна была подтянуть полк, бывший накануне в бою с 86 пехотной дивизией. Благодаря шоссе и большой дороге из Прасныша на юг, 35 пехотная дивизия могла наступать почти с нормальной скоростью. Шоссе и большая дорога до 10 час. были забиты повозками жителей, бежавших от германцев,[4] и только после этого времени стали свободным для наблюдения и движения.

Около 16 час. передовые германские части подошли к линии д.д. Лисиогуры-Збики Гавроны, а к 18 час. на этой линии развернулась 35 германская дивизия, оттеснив разведку и сторожевое охранение русских. В это же время германские батареи начали огонь по участку 4 Сибирского полка. Позже замечено накапливание в долине Венгерки против д. Богате, занятой русской заставой.

36 пехотная германская дивизия к вечеру подошла к д. Лешно, где остановилась на ночлег[5] (схема № 6).

---

[1] Дело № 97444, стр. 5.
[2] Дело № 97446, стр. 2.
[3] Meyer, Durchbruch am Narew, стр. 44.
[4] Дело № 97447, стр. 1.
[5] Meyer, Durchbruch am Narew, стр. 44.

Между тем 14 кавалерийская дивизия, после короткого отдыха в районе Цеханова, в 10 час. прибыла сменить сотни 7 Сибирского казачьего полка. Штаб дивизии расположился в д. Залесье и связался телефоном со штабом 1 Сибирской дивизии в д. Млодзяново. Таким образом, 14 кавалерийская дивизия не имела непосредственных сношений со штабом 1 Сибирского корпуса и должна была получать и посылать через штаб 1 Сибирской дивизии, что замедляло передачу. Для занятия участка от д. Збики-Вельке до д. Грабово-Генсе назначено три полка, а драгунский полк оставлен в резерве у д. Залесье. Для смены батальона 1 Сибирского полка сил в дивизии не было.

Штаб армии торопился сменить 14 кавалерийскую дивизию, стремясь использовать ее для прикрытия уступа на правом фланге I Сибирского корпуса и для связи с левым флангом 12-й армии, так как IV Сибирский корпус продолжал оставаться на прежней линии. Около 15 час. первые прибывшие части 30 пехотной дивизии (5 бтл. ,18 орудий) были направлены форсированным маршем и прибыли только к полночи на 15 (2) июля. Смена могла быть закончена только к утру.[1] Штаб I Сибирского корпуса приказал 14 кавалерийской дивизии после смены направиться в д. Гонсево для выполнения указанной штабом армии задачи, но, по ходатайству Петерсена, дивизия оставлена у Залесье для отдыха людей и лошадей.[2]

В этот день заканчивала выгрузку на ст. Пасеки 3 Туркестанская стрелковая бригада, которую штаб армии решил сосредоточить[3] в районе д.д. Домбровка, Червонка и Пержаново (схема № 6) за правым флангом I Сибирского корпуса. Эта бригада была передана в подчинение 1 Сибирского корпуса, и Плешков, ознакомившись с нею, донес,[4] что считает ее малоспособной к наступлению, так как в ее рядах было не более 30 человек на роту из кадрового состава, остальные—плохо обученные ратники старших возрастов. Кроме того, в строю находилось до 1.300 человек безоружных.

г) Наступление группы Плюскова.

После ночной атаки и утреннего преследования группа Плюскова находилась главными силами от русских позиций в расстоянии 7—8 *км* (схема № 7). Плюсков решил наступать 1 гвард. резервной, 86 пехотной и 38 пехотной дивизиями,[5] имея правее кирасирскую бригаду для обеспечения промежутка

---

[1] Дело № 82063, стр. 28, 30.
[2] Дело № 82096, стр. 31.
[3] Дело № 97030, стр. 178.
[4] Дело № 82062, стр. 54.
[5] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 43, 44.

с XVII резервным корпусом. Бригаду Пфейля и 50 резервную дивизию Плюсков оставил в своем резерве. При наступлении приходилось предварительно сбить русские арьергарды у д.д. Зелена, Колаки Будзыно и Дзбоне. Сопротивление этих арьергардов не могло остановить германцев, но им приходилось раньше времени начинать развертывание. Учитывая, что Гальвиц отложил атаку на утро 15 (2) июля, Плюсков нашел необходимым скорее развернуть дивизии, пристрелять батареи и частичными атаками тревожить русских, чтобы не дать им возможности исправлять окопы и приводить части в порядок.

Арьергард 43 Сибирского полка у д. Зелена (9 и 10 роты) в 10 час. 45 мин. был атакован передовыми частями 1 гвардейской резервной дивизии, но отбил эту атаку.[1] Только с подходом авангарда германской дивизии русский арьергард начал отходить. Около 13 час. 1 гвард. резерв. дивизия начала развертывание на линии д.д. Змиево-Нове—Шлясы-Улемы.[2] Разведка 43 Сибирского полка и находящегося правее 14 Донского казачьего полка наблюдала постепенное увеличение сил германцев и определила наибольшее накапливание у д.д. Зелена и Шлясы-Улемы. С 16 час. германские батареи открыли огонь по участкам 14 кавалерийской дивизии и 43 Сибирского полка. Около 17 час. левый фланг 43 Сибирского полка отбил небольшую атаку германцев, но они вновь начали подготовку. Атаки повторялись несколько раз и последняя была отбита в 23 часа.

86 пехотная германская дивизия наступала через д. Вержбово и потом по обоим берегам р. Соны (западная, приток р. Вкра). Арьергард 8 Туркестанского полка (9 рота) у д. Колаки-Будзыно принужден был отходить с 10 час. 30 мин. К 17 час. германская дивизия закончила развертывание на линии д.д. Длуголенка-Осыски—Немержице—Баче и батареи начали огонь по участкам 8 и 7 Туркестанских полков, особенно по району д. Паторы. Русский наблюдатель отмечает особенно меткую стрельбу германских батарей.[3] К 19 час. установлено накапливание германцев в районе д. Длуголенка-Осыски, а вскоре начались атаки,[4] отбиваемые при помощи резерва 8 Туркестанского полка, а потом при содействии присланного Шейдеманом из своего резерва батальона 5 Туркестанского полка.[5]

38 пехотная германская дивизия наступала на д. Дзбоне, куда прибыла после 13 час., потеснив находившийся там арьергард (сводная рота 42 Сибирского полка). Дивизия тот-

[1] Дело № 44033, стр. 4.
[2] Дело № 44032, стр. 2, 3.
[3] Дело № 47631, стр. 2.
[4] Дело № 48131, стр. 7, 8.
[5] Дело № 43018, стр. 8, 9.

час стала развертываться на линии д.д. Баче—Пржедвоево. В 14 час. 20 мин. батареи начали обстрел участков 42 и 44 Сибирских полков, сосредоточивая огонь по району д. Конты.[1]

Кирасирская бригада наступала западнее 38 пехотной дивизии через д.д. Шулмерж и Калиш, потеснила разведку 1 Туркестанского полка и достигла линии д.д. Пржедвоево — Нестум.

Ландверская бригада Пфейля, задержанная в районе д. Зеньбок, и 50 резервная дивизия, успевшая к вечеру дойти до д. Голяны, образовали резерв группы.

д) Наступление остальных корпусов 12-й германской армии.

I армейский корпус Эбена (18 бтл. 140 орудий) продолжал оставаться в роли заслона перед фронтом IV Сибирского корпуса (28 бтл. 88 орудий) и своими демонстративными действиями приковывал русских к их позиции (схема № 1).

XVII резервный корпус Сурена (18 бтл.,124 орудия) в этот день около 10 час. начал наступление и к вечеру часть сил сосредоточил перед фронтом 1 Туркестанской стрелковой бригады.

Сводный корпус Дикгута приблизился к крепости Новогеоргиевск.

Шейдеман совершенно правильно оценивал действия германцев перед фронтом 1 и 2 Туркестанских стрелковых бригад, считая их демонстрацией, и поэтому решил из 1 Туркестанской стрелковой бригады выделить по батальону от 2 и 3 стрелковых полков в свой резерв в д. Соколувка.[2] Это пришлось сделать в виду направления 30 пехотной дивизии в район I Сибирского корпуса и при отсутствии в 11 Сибирской дивизии какого-либо резерва.

Остатки 41 Сибирского полка были переданы штабом этой дивизии в распоряжение Гребнера, и последний переместил полк в д. Кобылино-Эдиты, ближе к своему расположению и на случай поддержки 43 Сибирского полка.

е) Результат дня.

Случайность в виде дождя и испорченных дорог, замедлив движение германцев, заставила Гальвица отложить атаку на утро 15 (2) июля, что является новой потерей времени, как бы продолжением этой потери, начавшейся накануне после сделанной Гальвицем ошибки (отказ от немедленного продол-

---

[1] Дело № 45570, стр. 65, 67.
[2] Дело № 47610, стр. 5.

жения атаки). При своем наступлении германские части подбирали многих отставших русских, находя иных спящими в деревнях. Считая и захваченных при ночной атаке Плюскова, в этот день, по словам германского историка, [1] было захвачено до 6.000 пленных, 5 орудий и 30 пулеметов. Русские архивные материалы ничего не говорят об отсталых, а число пропавших без вести далеко не отвечает цифре германского историка. Вероятно в это число попали и те пленные, которые были захвачены накануне, но не были точно зарегистрированы.

Надо заметить, что сведения многих русских штабов не отличаются точностью. В этот день Литвинов очень интересовался (в виду приезда Алексеева) сведениями о наличном числе штыков. На запрос об этом около 15 час., т.-е. когда прошло достаточно времени и можно было подвести итоги потерь, Шейдеман ответил, [2] что 11 Сибирская дивизия совершенно небоеспособна, так как имеет в своем составе ограниченное число штыков: 41 Сибирский полк — 500, 42 Сибирский полк—900, а 43 и 44 Сибирские полки сведены каждый в один батальон. В действительности 41 Сибирский полк насчитывал 682 штыка, а 43 Сибирский полк имел не один батальон, а четыре, и к вечеру 15 (2) июля числил в их рядах, после нового боя, 2.133 штыка. [3] Это показывает, что штаб I Туркестанского корпуса не обладал точными сведениями о численном составе частей.

Для русских этот день составил чистый выигрыш времени, которым, однако, они не сумели воспользоваться с наибольшей выгодой. Истомленные боем и отходом части войск успели передохнуть и оправиться, но прибывающие подкрепления продолжали медленно двигаться. 3 Туркестанская стрелковая бригада, пользуясь шоссе, еще могла сосредоточиваться с некоторым удобством, но части 30 пехотной дивизии испытывали много затруднений. Штаб армии не догадался применить к перевозке войск автомобили, имея автомобильную грузовую роту.

В этот день Шейдеман усиленно добивался увеличения своего резерва, и штаб армии согласился передать ему один полк 30 пехотной дивизии, [4] а остальные 3 полка должны были перейти в подчинение I Сибирского корпуса. Поэтому штаб 30 пехотной дивизии (начальник дивизии ген. Курепов, начальник штаба Ф. В. Костяев) после выгрузки направился в д. Залесье, и вступил в управление участком на линии Збики-Вельке—Грабово-Генсе.

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 46.
[2] Дело № 97428, стр. 389.
[3] Дело № 44032, стр. 9.
[4] Дело № 43034, стр. 44.

Разведка этого дня не дала штабу армии полной картины развертывания и группировки германских сил, и он попрежнему все еще преуменьшал их.[1] Причина этого явления заключается в том, что разведка велась почти исключительно пехотными разведчиками, которые не могли проникать глубоко в расположение противника и не могли дать сведений о том, что делалось за передовыми частями. Воздушной разведки, по условию погоды, не было, а конница несла службу в боевых линиях.

Вопрос о снабжении боевыми припасами не был урегулирован. Мы видели, что уже в 1-й день сражения части I Сибирского корпуса испытывали недостаток в снарядах и ружейных патронах. Штаб армии обещал штабу I Сибирского корпуса выслать на автомобилях 700.000 ружейных патронов,[2] но прислал только 40.000, а между тем этот корпус должен был из своих скудных запасов уделять также 14 кавалерийской дивизии и в особенности частям 30 пехотной дивизии, парки которой отстали, чтобы пропустить сначала 40 пехотную дивизию.

3-й день сражения 15 (2) июля.

а) Планы сторон.

План Гальвица. С подходом 36 пехотной и 50 резервной дивизий Гальвиц получил возможность произвести сильный натиск на русских. Воздушная разведка определяла увеличение числа батарей противника, что говорило о получении русскими подкреплений. Воздушная разведка показывала существование сильной укрепленной позиции и видела местами 3 и даже 4 линии окопов.[3] Район являлся старым полем сражений и на нем оставалось много линий старых окопов, которые германские летчики принимали за укрепленную позицию. Эти сведения разведки вновь сделали Гальвица крайне осторожным, и он решил произвести атаку после основательной артиллерийской подготовки. Начало подготовки назначено в 5 час. 15 (2) июля, а время для начала атаки должны установить командиры корпусов.

Таким образом Гальвиц повторяет тот же прием, как в бою 13 июля (30 июня). Резервы Гальвиц советовал подождать пускать в дело до выяснения результата атаки.

План Литвинова. Считая германцев слабее, чем они были в действительности, Литвинов продолжал оставаться пассивным, даже приезд Алексеева не пробудил в нем прилива

---

[1] Дело № 21961, стр. 78, 82.
[2] Дело № 82063, стр. 58.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 46.

активности. „Занять и оборонять“ остается лозунгом боевого применения войск, поэтому было необходимо позаботиться о подготовке подпорок позади фронта. С этою целью в распоряжение I Сибирского корпуса передана 3 Туркестанская стрелковая бригада, а в распоряжение I Туркестанского корпуса—полк 30 пехотной дивизии. Такое распределение резерва между корпусами соответствовало числу атакованных войск, но совершенно не отвечало обстановке. I Сибирский корпус был сильнее (3 пехотных и 1 кавалерийская дивизии), но не имел перед собой столь сильного противника, как I Туркестанский корпус, на правый фланг которого направлен главный удар Гальвица. В распоряжении Литвинова остались части 40 пехотной дивизии, которые только что начали выгружаться в районе Насельска. XXI корпус еще не прибыл и пока оставался в резерве Алексеева. Литвинов подобно Гальвицу остается, в сущности, без резерва.

Передавая Плешкову 3 Туркестанскую стрелковую бригаду, Литвинов ставит [1] обязательным условием ее использования—посылать в бой полностью, а не по частям. Это условие поставлено несомненно под влиянием словесных указаний Алексеева, так как он сам не разделял такого мнения, что видно будет из последующего, а Алексеев всегда стремился к такому использованию резерва.

б) Бой 2-й Сибирской дивизии.

План германцев. Ближайшее ознакомление с расположением русских привело Ваттера к решению форсировать (схема № 8) Оржиц у д. Подосье. [2] Здесь Плонявский лес способствует скрытному накапливанию сил для решающего удара, а дальнейшее направление дает возможность отрезать пути отхода правого фланга I Сибирского корпуса. Удар в этом направлении может оттянуть сюда резервы русских и тем облегчить выполнение главного удара Плюскова. Для выполнения удара назначена 3 пехотная дивизия при содействии со стороны 4 гвардейской дивизии.

Это решение приводит к атаке входящего угла русской позиции (схема № 8), т.-е. к одной из менее выгодных комбинаций. Фронт атакующих частей все время суживается, их силы сгущаются и тем скорее делаются хорошей целью для огня противника. Кроме того, противник имеет возможность поражать атакующих перекрестным огнем с фасов, примыкающих к атакованному пункту. Эти существенные невыгоды избранного Ваттером направления им учтены не были.

---

[1] Дело № 82063, стр. 44.

[2] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 49, 50.

Бой 6 и 8 Сибирских полков. Согласно приведенного плана Ваттера участок Швейница должен часть сил (около бригады) выделить для главного удара на д. Подосье и остальными продолжать демонстративную задачу. Между находящейся у д. Пржитулы бригадой 2 пехотной германской дивизии и остальными частями той же дивизии, находящимися на позиции в районе д. Церпента, находился интервал до 10 *км*, наблюдаемый лишь разъездами дивизионной конницы. По этой причине левый фланг участка Швейница можно было считать необеспеченным и ему приходилось действовать осторожно, ибо резерв участка отвлекался к стороне Подосье, к противоположному флангу.

Между правым флангом 6 Сибирского полка и левым флангом 10 Сибирской дивизии также был промежуток. Этот промежуток штаб армии предполагал наблюдать 14 кавалерийской дивизией, но IV Сибирский корпус успел принять меры для его прикрытия. На линию д.д. Буды-Пржисеки—Частные—Вулька-Раковска выдвинут небольшой отряд (1 бтл. 2 орудия и 4 команды конных разведчиков). Кроме того, началось перемещение 1 отдельной кавалерийской бригады, находившейся на отдыхе, ближе к левому флангу корпуса на случай быстрой помощи этому отряду. [1]

С своей стороны 6 Сибирский полк наблюдал конными разведчиками участок д. Вулька - Раковска—фол. Багенцы, вследствие чего обход правого фланга 2 Сибирской дивизии не мог быть выполнен внезапно.

На участке 6 Сибирского и 8 Сибирского полков бой велся преимущественно огневой. Германские батареи открыли огонь около полудня, и под его прикрытием несколько рот пыталось наступать в направлении на д. Сельц-Пекло, но были остановлены огнем русских батарей. [2] Других попыток атаки германцы не предпринимали.

Бой 7 Сибирского полка. В направлении главного германского удара артиллерийская подготовка началась с 5 ч. утра, а в 9 час. 50 мин. началась атака. [3] Благодаря выгодным тактическим условиям (оборона входящего угла), 7 Сибирский полк отбил эту атаку без особых затруднений, и германцы не без урона должны были отойти к лесу.

Начальник среднего участка XIII германского корпуса Штаабс проявил немецкую настойчивость—в течение дня он произвел 8 таких атак. Перед каждой атакой производилась подготовка в продолжении 1—2 часов. Германские батареи буквально засыпали снарядами предмостное укрепление, при

---

[1] Дело № 97030, стр. 176.
[2] Дело № 97471, стр. 2.
[3] Дело № 82063, стр. 99.

чем занимавший его I бтл. 7 Сибирского полка понес значительные потери. [1]

При выполнении 6-й атаки германцам удалось на короткое время ворваться в предмостное укрепление, но своевременно подошедшие резервы выбили их. Этот временный успех германцев побудил начальника 2 Сибирской дивизии Поспелова направить для поддержки I бтл. 7 Сибирского полка один батальон из 5 Сибирского полка, перешедшего с началом боя к д. Воля-Пеницка. [2] Кроме того, Поспелов направил из 5 Сибирского полка две роты в предмостное укрепление у д. Сулиха. Эти роты (10 и 11) должны были атаковать германцев в их левый фланг при следующей атаке на д. Подосье. Эта стратагема (военная хитрость) удалась при последней 8 атаке германцев, начатой ими около 22 час. Атака этих рот, произведенная в сумерках, оказалась для германцев полной неожиданностью и произвела сильный эффект. [3] Германцы не довели атаки до конца и отошли к лесу.

Результат дня. 2 Сибирская дивизия, имея против себя не менее 24 бтл. с 160 орудиями, с успехом выдержала бой, имея 11 бтл. и 33 орудия. Причинами такого успеха следует считать: а) ошибочно выбранное Ваттером направление для главного удара, б) тактические выгоды обороны входящего угла, в) бездействие левого германского фланга.

В течение этого дня 3 Туркестанская стрелковая бригада успела закончить сосредоточение и заняла: а) 21 Туркестанским полком д. Домбровка и б) 9, 10 и 20 Туркестанскими полками д. Пержаново. [4] Этот район (схема № 6) расположения бригады, назначенный штабом армии, нельзя признать выгодным. Далее мы увидим, что место этой бригады надо было избрать за левым флангом I Сибирского корпуса.

В ночь на 16 (3) июля по распоряжению Алексеева IV Сиб. корпус должен был отойти на линию правого фланга I Сибирского корпуса на позицию, начатую подготовкой от д. Хмелин к востоку через д.д. Забелье-Вельке и Грабин.[5] В соответствии с этим правый фланг 2 Сибирской дивизии должен был несколько отойти назад.

в) Бой 1-й Сибирской дивизии.

План германцев. На участок 1 Сибирской дивизии наступали 26 пехотная дивизия (правый участок XIII корпуса) и 35 пехотная (головная XVII корпуса). Район действий этих дивизий разделялся р. Венгерка. 26 пехотная дивизия должна была содействовать главному удару корпуса на Подосье,

---

[1] Дело № 156185, стр. 10.
[2] Дело № 97454, стр. 2, 3.
[3] Дело № 82063, стр. 85.
[4] Дело № 107170, стр. 283.
[5] Дело № 107170, стр. 300.

а 35 пехотная дивизия должна была содействовать выполнению удара группой Плюскова, вследствие чего они действовали независимо друг от друга. Всего против 1 Сибирской дивизии (16 бтл., 44 орудия) наступало 24 бтл. с 200 орудиями. Кроме того, против правого фланга 1 Сибирской дивизии должны были наступать части 3 пехотной дивизии, обеспечивавшие удар на Подосье со стороны 2 Сибирского полка. [1]

Бой 2 и 3 Сибирских полков. Германские батареи, расположенные перед фронтом 2 и 3 Сибирских полков, начали огонь с 5 час., при чем наибольшей силы он достигал на участках III батальона 2 Сибирского полка [2] и II батальона 3 Сибирского полка [3] (схема № 9). По счастью, на этот раз огонь не был метким и в русские окопы попадали лишь случайные снаряды, что отмечали наблюдатели обоих полков. Около 9 час. утра германцы начали атаку против участков названных выше батальонов, но заградительный огонь легких батарей из района д.д. Ятсенжек и Калиновек и тяжелой батареи с левого берега Оржиц оказался таким действительным, что германцы не дошли ближе 300—400 шагов и принуждены были начать отход. Они остановились в 1.200—1.500 шагах и германские батареи вновь начали подготовку с прежним неуспешным результатом стрельбы.

До полудня германцы произвели три таких атаки и каждый раз неудачно. I и IV батальоны 2 Сибирского полка атакованы не были и могли своим огнем содействовать I батальону 7 Сибирского полка отбивать атаки на Подосье. После полудня германцы несколько изменили направление атак. Они постепенно нащупали незанятый промежуток между 2 и 3 Сибирскими полками и сосредоточили здесь огонь. Кроме того, решили атаковать в полосе Венгерки на д. Велиодрож. [4] Эти атаки были предприняты в 13 час. 45 мин. и в 16 час. 45 мин. Однако, все их усилия были вновь напрасны. После этой атаки части 3 пехотной германской дивизии не возобновляли новых атак.

Атаки 26 пехотной германской дивизии были более энергичны. В 13 час. 30 мин. и в 16 час. германцы цепями в несколько линий повели быстрое наступление в направлении на д.д. Брамура-Священная и Велиодрож, но они не достигли цели. Во время подготовки к последней атаке русская легкая батарея у д. Калиновек сумела потушить огонь двух германских батарей у д. Брамура-Ятсенжна. [5]

К 22 час. бой на участке 2 и 3 Сибирских полков затих, при чем германцы в последние часы ограничились только огневым боем.

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 48, 49.
[2] Дело № 97444, стр. 5, 6.
[3] Дело № 97446, стр. 3.
[4] Дело № 97414, стр. 7—10.
[5] Дело № 97446, стр. 3, 4.

Бой 1 и 4 Сибирских полков. Батареи 35 пехотной германской дивизии с 5 час.[1] начали подготовку атаки и наиболее сильным огнем обстреливали район высоты 57,1 *) и д. Збики-Вельке. Этот огонь продолжался с одинаковой силой до 15 час. 40 мин. За это время многие русские окопы были разрушены, особенно на участках IV и II батальонов 4 Сибирского полка и II батальона 1 Сибирского полка,[2] а их защитники понесли большие потери, в особенности 8 рота 1 Сибирского полка в районе д. Збики-Вельке, в которой выбыло из строя 120 чел.[3] (около 60%).

Около 15 час. 30 мин. германцы начали атаку со стороны д. Богате, на высоту 57,1 и на фол. Августов. Русские стрелки подпустили их на 300—400 шагов и потом встретили самым частым огнем. Германские цепи стали редеть и в 200 шагах от заграждений повернули назад.[4] Эта удивительная выдержка стрелков заставила германцев в течение остального дня ограничиться одним огневым боем. Однако, стрелки к 17 час. почувствовали нужду в ружейных патронах. Все двуколки были опустошены, но на руках еще было по 120 патронов.

Атака германцев на направлении на д. Збики-Вельке началась[5] в связи с 1 гвардейской резервной дивизией в 11 час., но была отбита при поддержке всех резервов этого участка. В 17 час. германцы начали новую атаку, но также не могли добиться успеха.[6]

Результат дня. 1 Сибирская дивизия, подобно 2 Сибирской дивизии, с успехом выдержала неравный бой. Начальник дивизии Третьяков даже сохранил свой резерв полностью (3 батальона) у д. Венгржиново. Этот успех можно объяснить: а) стойкостью русских сибирских частей, б) неудовлетворительной стрельбой германской артиллерии, особенно на участках 2 и 3 Сибирских полков, в) местностью, так как германцам большею частью приходилось атаковать по открытым скатам, поднимающимся к стороне русских.

г) Бой 30-й пехотной дивизии.

Положение сторон. На участке д.д. Змиево Нове-Шлясы Улемы и западнее развернулась 1 гвардейская резервная дивизия, составлявшая левый фланг группы Плюскова; она

---

[1] Дело № 97447, стр. 1.
[2] Дело № 82063, стр. 95.
[3] Дело № 97441, стр. 244.
[4] Дело № 97447, стр. 1.
[5] Дело № 97441, стр. 245.
[6] Дело № 107170, стр. 305.
*) На схеме цифры не показаны за недостатком места—это участок II батл. 4 Сиб. полка.

должна была обеспечивать главный удар этой группы. За нею находилась 50 резервная дивизия в районе д. Голяны (схема № 9).

В ночь на 15 (2) июля на участке д.д. Збики-Вельке-Грабово-Генсе части 30 пехотной дивизии сменили части 14 кавалерийской дивизии. 120 и 119 пехотные полки после форсированного перехода сразу попали в боевую часть. Они были утомлены, не спали всю ночь и были голодны, так как обозы 2 разряда еще не были выгружены. Усталые и голодные люди должны были быть нервными и штаб корпуса опасался какой-либо случайности во время смены, вследствие чего I батальон 1 Сибирского полка был из Венжево перемещен [1] на время смены к д. Курово и по окончании смены оттянут в корпусный резерв в д. Млодзяново. На его место в д. Венжево из корпусного резерва был выслан IV батальон 1 Сибирского полка.

14 кавалерийская дивизия после смены сосредоточилась в районе южнее д. Залесье.

На этом участке германцы располагали для атаки 12 батальонами и 100 орудиями. Силы частей 30 пехотной русской дивизии состояли из 5 батальонов и 18 орудий. Около полудня подошли еще 3 батальона этих полков. 118 пехотный полк перешел в подчинение I Туркестанского корпуса, а 117 пехотный полк только утром 15 (2) июля выступил со станции выгрузки (Насельск) и должен сделать форсированный переход (35 *км*). Таковы ближайшие последствия опаздывания с подвозом подкреплёний. Дивизия вводится в бой по частям и на разных участках фронта.

Из этого видно, что присутствие за левым флангом I Сибирского корпуса одного батальона 1 Сибирского полка и всей 14 кавалерийской дивизии является далеко не лишним. Здесь же надо было собрать части 3 Туркестанской стрелковой бригады.

Прорыв русского фронта. Около 5 час. батареи 1 гвардейской резервной германской дивизии начали подготовку атаки. [2] Около 9 час. 30 мин. германцы произвели атаку на участке от д. Горонца до р. Сона (восточная), но части 119 пехотного и 43 Сибирского полков отбили германцев. Подготовка признана недостаточной и повторена с большей силой. Новая атака началась около 15 час. На этот раз германцам удалось прорвать русский фронт на стыке 119 пехотного и 43 Сибирского полков. Стык часто был слабым пунктом русских позиций. В прорыве германцев каждый из этих пол-

---

[1] Дело № 97441, стр. 243.
[2] Дело № 44033, стр. 48.

ков переносит вину на соседа. 119 пехотный полк уверяет, что его левый фланг оказался обнаженным и был обойден германцами. [1] 43 Сибирский полк доказывает, что его правый фланг был обнажен отходом соседа и обойден. [2] Правильнее всего допустить прорыв германцев на стыке полков и быстрое распространение их в обход флангов обоих полков. Во всяком случае германцы появились на участке д.д. Несебенды—Грабово-Генсе. Отсюда они стали распространяться в тыл 119 пехотного полка и этим заставили его сначала загнуть свой левый фланг, а потом медленно отходить.

Прибыв без обоза 2 разряда и без парков, части дивизии оказались в плохих условиях для пополнения боевых припасов, вследствие чего штаб I Сибирского корпуса должен был сделать распоряжение о снабжении боевыми припасами полков и батарей 30 пехотной дивизии из парков 1 Сибирской дивизии. [3]

Между тем германцы перешли р. Сона (восточная) и продолжали наступать по обоим берегам реки. Для поддержки 119 пехотного полка Плешков направил IV батальон 1 Сибирского полка, бывший в д. Венжево. Этот батальон сначала перешел в д. Курово, а потом развернулся и начал наступать через д. Милево-Рончки. [4] Такая поддержка оказалась недостаточной и 119 пехотный полк продолжал отходить, заставляя 120 пехотный полк загибать свой левый фланг. Германцы продвигались между реками Сона (восточная) и Сона (западная) и угрожали новым обходом 119 пехотному полку. Тогда Плешков приказал Петерсону направить для парирования обхода полк с батареей из 14 кавалерийской дивизии, [5] штаб которой продолжал оставаться в д. Залесье.

14 уланский полк на рысях прибыл к д. Милево-Швейки, спешился и начал наступление, стараясь выйти во фланг тех германских частей, которые обходили фланг 119 пехотного полка. Этот удар был для германцев неожиданным, и они остановились.

Окончательная задержка германцев. Стремясь использовать достигнутый успех, 1 гвардейская резервная германская дивизия продолжала атаковать с фронта 120 пехотный полк в направлении на д. Збики-Кержки, при чем с продолжением отхода 119 пехотного полка им удалось охватить левый фланг 120 пехотного полка. [6] В то же время германцы, выставив сильный заслон против 14 уланского полка, стали продвигаться к югу. Плешков направил еще один полк 14 ка-

---

[1] Дело № 82062, стр. 56.
[2] Дело № 44032, стр. 6, 7.
[3] Дело № 82062, стр. 58.
[4] Дело № 97441, стр. 245.
[5] Дело № 64902, стр. 9.
[6] Дело № 82063, стр. 58—61.

валерийской дивизии. 14 драгунский полк галопом прибыл в д. Милево-Бржегенды, спешился и начал наступать против германцев при поддержке огня конной батареи.

К 21 часу удалось остановить дальнейшее распространение германцев. 120 пехотный полк удержался на линии д.д. Збики-Вельке—Новая-Весь, 119 пехотный полк—от д. Новая-Весь через д. Милево-Рончки и южнее, имея в центре батальон 1 Сибирского полка. Еще южнее находились спешенные части 1 бригады 14 кавалерийской дивизии, достигая левым флангом до д. Конаржево-Мерники.

Результат дня. Утомленные физически и при этом почти голодные части 30 пехотной дивизии находились в пониженном моральном состоянии и естественно не могли выдержать натиска превосходных сил германцев и к концу боя их левый фланг отошел почти на 5 *км.* Южнее были только спешенные части конницы. Таким образом в полосе между обеими р.р. Сона (восточная и западная) получился участок весьма слабо занятый, что составляло большую опасность для всего фронта армии, так как он находился вблизи направления главного германского удара.

Части 30 пехотной дивизии в течение ночи не могли получить своих обозов и их положение в отношении питания становилось критическим, так как местные средства были крайне ограничены. Приходилось питаться впроголодь, что не могло вдохнуть в них новых сил и энергии.

Заключение о бое I Сибирского корпуса. За этот день коренные дивизии I Сибирского корпуса поддержали свою боевую репутацию; они отразили натиск противника, превосходящего их силами и пользующегося многочисленной артиллерией с большим числом боевых припасов. Прикомандированная к корпусу 30 пехотная дивизия находилась в невыгодных материальных условиях и это сказывалось на ее самочувствии. Снабжение ее боевыми припасами за счет сокращения их в 1 Сибирской дивизии приводит к тому, что и эта последняя начинает испытывать в них недостаток.

Отход левого фланга корпуса создает большую опасность в связи с неудачей на фронте I Турк. корпуса (о чем будет изложено ниже). Эту опасность штаб армии рассчитывал устранить перемещением 3 Туркестанской стрелковой бригады, но Плешков донес о невыполнимости этого марша. [1] Бригада сделала в этот день до 30 *км* и ей предстоял ночной марш свыше 35 *км.* Бригада оставлена на месте за правым флангом I Сибирского корпуса. Штабу армии надо было изыскать другую меру.

---

[1] Дело № 82063, стр. 68, 70.

д) Бой 11-й Сибирской дивизии.

План Плюскова. Группа Плюскова была развернута от д. Змиево-Нове через д.д. Длуголенка - Осыски и Баче к д. Нестум (схема № 10), *) имея в резерве 50 резервную дивизию у д. Голяны и ландверную бригаду Пфейля в районе д. Корнево. Для выполнения поставленной группе задачи Плюсков решает в этот день достигнуть линии д.д. Колачково—Поморже.[1] Другими словами, Плюсков решает прорвать фронт 11 Сибирской дивизии ударом 86 и 38 пехотных дивизий, развернутых на участке около 8 *км.* Имея здесь 24 батальона и до 400 орудий, он полагал, что 11 Сибирская дивизия уже значительно пострадала и теперь не сможет оказать серьезного сопротивления. Соображение правильное, так как на участке, избранном для прорыва, находилось только 10 бтл. и 38 орудий.

Подчиненная Плюскову 1 гвардейская резервная дивизия получила задачу содействовать главному удару наступлением в полосе реки Сона (восточная). Удар левого фланга и центра этой дивизии обрушился на части 30 русской пехотной дивизии и заставил ее отойти назад.

Учитывая необходимость иметь свежие силы для развития успеха, Плюсков за ударной группой оставляет сильный резерв (18 бтл., 80 орудий). В своем расчете он упустил из вида, что германцы уже потеряли целый день 14 (1) июля, что дало русским время, чтобы оправиться от поражения первого дня сражения, пополнить боевые припасы и подтянуть часть подкреплений. Эти условия должны были показать Гальвицу и Плюскову, что надо было назначить точно участок для прорыва и организовать его более обстоятельно. Допустив эту ошибку, Плюсков равномерно растянул свои силы по всему фронту и ни на одном участке не имел подавляющего превосходства ни пехоты, ни артиллерии.

Начало артиллерийской подготовки назначено в 5 час. и атака около $11^1/_2$ час., но решающая атака была выполнена лишь около 18 час. с содействием резерва группы.

Бой за позицию русских. 43 Сибирский полк за время артиллерийской подготовки понес значительные потери, так как окопы не имели козырьков и совершенно не предохраняли от шрапнельных пуль. Наибольшие потери были в ротах III и II бтл., занимавших участок от реки Сона (восточная) до д. Кленово.[2] Около 9 час. 30 мин. 1 гвардейская резервная германская дивизия произвела атаку, которая была отбита вместе с 119 пехотным полком. Атаки в 11 и 13 час. также были отбиты, но при атаке германцев, начатой около

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 47, 48.

[2] Дело № 44032, стр. 5.

*) См. стр. 91.

15 час., им удалось прорваться на стыке 43 Сибирского полка с 119 пехотным полком.

С началом атак на 43 Сибирский полк к нему был направлен I батальон 5 Туркестанского полка[1] (без 1 роты, которая была в 7 Туркестанском полку). Этот батальон около полудня достиг д. Колачкова, но потом был подтянут к д. Грабово-Вельке. После прорыва германцы начали охватывать правый фланг IV бтл. полка, и для парирования были направлены две роты 5 Туркестанского полка из д. Грабово-Вельке. Эти роты были встречены сильным пулеметным огнем и вскоре принуждены остановиться и залечь. Тогда команда разведчиков бросается во фланг наступающих германцев, но окружена ими и лишь немногим удалось пробиться.[2]

III и II бтл. 43 Сибирского полка отбили все атаки германцев при содействии рот I бтл. Атака, предпринятая германцами в 15 час., была более сильной и эти батальоны довели бой до штыков, но удержали свои окопы.[3] Пока они возились с отбитием атаки, германцы, обошедшие фланг полка, потеснили две роты 5 Туркестанского полка и овладели д. Грабово-Вельке, угрожая тылу III и II бтл. Временно командующий полком Зощенко решил отойти в район д. Вулька-Ланецка,[4] где 43 Сибирский полк продержался до 17 часов. На помощь ему были высланы еще две роты 5 Туркестанского полка (9 и 10 роты).[5]

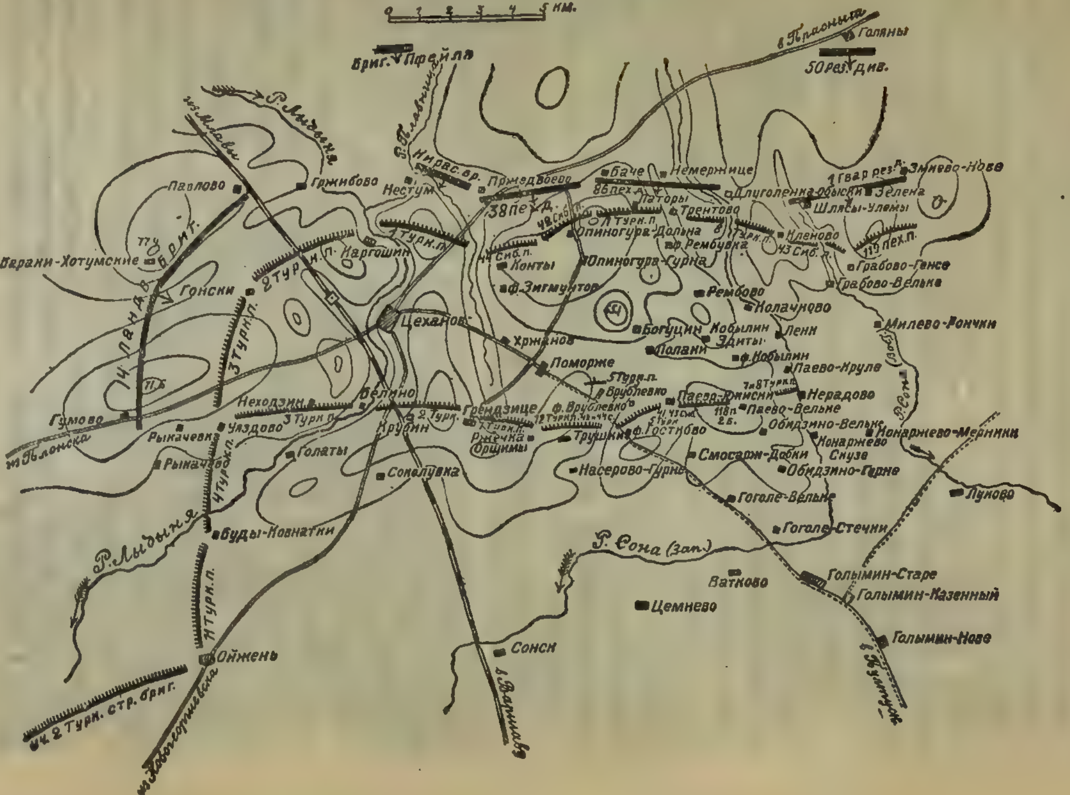
Германцам удалось около 17 час. еще раз обойти правый фланг полка и угрожать путям отхода. Учитывая большие потери полка, Зощенко решил вывести полк из-под непосредственного удара германцев и отошел к линии д.д. Рембово—Колачково. Эта позиция находилась уступом за флангом 8 Туркестанского полка и давала возможность прикрыть его от обхода. Легкая батарея, бывшая у Колачкова, заняла позицию, способствующую этой цели (обеспечению фланга). Здесь выяснилось, что в полку осталось только 1.042 штыка.[6] За этот день было зарегистрировано убитых и раненых 451 человек. Недоставало еще 1.682 человека, которых приходится считать пропавшими без вести. На поддержку прибыли остатки 41 Сибирского полка (10 офицеров и 682 солдата), высланные начальником правого участка дивизии Гребнером.[7] Вместе с 5 ротами 5 Туркестанского полка получился сборный отряд под командой Зощенко.

---

[1] Дело № 47707, стр. 5, 6.
[2] Дело № 44032, стр. 6.
[3] Дело № 43018, стр. 11, 12.
[4] Дело № 47631, стр. 5.
[5] Дело № 47707, стр. 6.
[6] Дело № 44032, стр. 8, 9.
[7] Дело № 44001, стр. 14.

СХЕМА № 10.

Бой I Турк. корпуса 15 и 16 июля 1915 года.

В промежутке между 8 и 7 Туркестанскими полками был незанятый участок в районе д. Трентово. Здесь проходила лощина, дававшая хороший подступ германцам и занятая только небольшой заставой от 8 Туркестанского полка. Германцы воспользовались этой лощиной и, около 3 час. ночи, две роты из частей 86 пехотной дивизии прокрались по лощине, захватили заставу и заняли д. Трентово.[1] Так получился прорыв фронта, но германцы его не использовали, так как с 5 час. они начали артиллерийскую подготовку, при чем огонь направлялся и на д. Трентово по своим до выяснения ее занятия (германцами).

Батареи 86 пехотной германской дивизии действовали под руководством Брухмюллера и, благодаря его указаниям, их огонь был весьма действителен. Наблюдатели насчитывали до 100—120 разрывов втечение каждой минуты. Некоторые роты 8 Туркестанского полка потеряли такое большое число, что в их рядах оставалось не более 30 человек.[2] В 7 Туркестанском полку 4 и 2 роты потеряли всех офицеров, и в их рядах осталось около 80 штыков. Для их поддержки направлены 5 и 6 роты, но пока они проходили по ходу сообщения—потеряли 30 человек. Огнем артиллерии было подбито 4 пулемета.

Под таким сильным огнем приходилось организовать контрудар, чтобы выбить германцев из д. Трентово. Приходилось сосредоточивать роты с большой осторожностью. Узнав о прорыве, Шейдеман направил сюда II бтл. 5 Туркестанского полка,[3] а остальные батальоны передал в резерв 11 Сибирской дивизии. Так образовался отряд из II бтл. 5 Туркестанского полка, из трех рот (одна 8 Туркестанского полка и две 7 Туркестанского полка) от полков по сторонам прорыва и из подошедших $1^1/_2$ рот 42 Сибирского полка, прибывших с командиром полка Степаненко.[4] Этот отряд развернулся для наступления только к 11 час. 40 мин. За это время германцы успели укрепить д. Трентово и подтянуть туда поддержки и пулеметы. Вследствие этого контр-наступление этого отряда было встречено таким сильным огнем, что приходилось двигаться очень медленно и ближе 500 шагов к позиции германцев подойти не удалось.

Около 12 час. 86 пехотная германская дивизия начала атаку. Эта атака велась очень энергично, но стрелки 8 и 7 Туркестанских полков сумели ее отбить,[5] несмотря на большие потери в их рядах. На пополнение этих потерь

---

[1] Дело № 47631, стр. 3.
[2] Дело № 48131, стр. 8.
[3] Дело № 47807, стр. 5.
[4] Дело № 42020, стр. 21.
[5] Дело № 48131, стр. 9.

прибыли еще две роты 5 Туркестанского полка[1] (11 и 12), составлявшие последний резерв 11 Сибирской дивизии.

С отходом 43 Сибирского полка германцы пытались обойти правый фланг 8 Туркестанского полка. Для парирования этого обхода были направлены прибывшие роты (11 и 12) 5 Туркестанского полка. Им при содействии огнем со стороны 43 Сибирского полка во фланг наступающим германцам удалось задержать обход.

42 и 44 Сибирские полки занимали сильную от природы позицию.[2] Их окопы были удачно применены к местности и давали укрытие от шрапнельных пуль. Благодаря этому им удалось отбить все атаки 38 пехотной германской дивизии.[3]

Прибытие подкреплений. С началом боя Шейдеман, послав 1 бтл. 5 Туркестанского полка для прикрытия прорыва между 8 и 7 Туркестанскими полками, передал остальные батальоны этого полка в резерв 11 Сибирской дивизии, а сам начал принимать меры к более скорому прибытию идущих подкреплений. 12 Туркестанский полк был снят с крайнего левого фланга корпуса[4] и заменен частями 2 пехотной дивизии (из XXVII корпуса). Этот полк спешно двигался к д. Грендзице. 118 пехотный полк (30 дивизии) прибывал эшелонами через 2—3 часа и выгружался на ст. Насельск. По мере выгрузки батальоны, не ожидая других, направлялись к д. Ватково.[5]

Плюсков не мог быть доволен результатами действий на направлении главного удара и поэтому решил пустить в дело весь свой резерв;[6] у него сложилось мнение о необходимости развить успех, достигнутый 1 гвардейской резервной дивизией, поэтому 50 резервная дивизия получила указание поддержать атаку ударом между 1 гвардейской резервной и 86 пехотной дивизиями. Ландверная бригада Пфейля должна поддержать натиск 38 пехотной дивизии. Таким образом резерв направлен на фланги ударных дивизий (86 и 38). К 18 час. резервы были влиты в боевые линии и началась новая подготовка к решительному натиску.

Отход русских. Этот новый натиск германских дивизий не был одновременным по всему фронту, что зависело от местных условий боя. Русские части, напрягавшие свои физические и моральные силы с 5 час. и даже ранее, находились в состоянии крайнего утомления, когда малейший повод может вызвать реакцию и привести к полному упадку

---

[1] Дело № 47631, стр. 4.
[2] Дело № 43018, стр. 9, 10.
[3] Дело № 44052, стр. 2.
[4] Дело № 45592, стр. 9.
[5] Де о № 43018, стр. 10, 11.
[6] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 49.

духа. Нужны были свежие подкрепления, но они находились в 8—9 *км* и своевременно прибыть не могли.

Свежие германские части первыми начали атаку. Части 50 резервной дивизии обрушились на отряд Зощенко [1] и быстро заставили его начать отход. Для его поддержки направлен Шейдеманом 1 батальон 118 пехотного полка. Этот батальон успел дойти до фол. Кобылин, где начал окапываться. Правее его отходили части отряда Зощенко и постепенно рассеивались.

Бригада Пфейля атаковала 44 Сибирский полк и частью 42 Сибирский полк. Эти полки долго боролись, но подавленные силой должны были сдать и начать отход. [2] Этот отход сначала шел медленно, и с подошедшими из д. Соколувка батальоном 4 Туркестанского полка и двумя ротами 11 Туркестанского полка [3] им удалось задержаться на линии д. Опиногура-Гурна и фол. Зигмунтов.

С отходом этих частей 8 и 7 Туркестанские полки оказались изолированными и их наружные фланги обнаженными. Таким положением германцы не преминули воспользоваться. Части 50 резервной дивизии начали обходить правый фланг 8 Туркестанского полка, [4] а части 38 пехотной дивизии—левый фланг 7 Туркестанского полка. [5] В то же время части 86 пехотной дивизии начали наступление в районе д. Трентово, стремясь прорваться в промежутке между этими полками. К 19 час. здесь создалось критическое положение, и части 7 и 8 Туркестанских полков начали сразу беспорядочный отход.

К 20 час. все части на участке 11 Сибирской дивизии отходили в виде отдельных групп. Этот отход увлек также и части 42 и 44 Сибирских полков. Такое положение на участке 11 Сибирской дивизии заставило Шейдемана бросить вперед весь свой резерв. С началом отхода Зорако-Зораковский и весь штаб 11 Сибирской дивизии направлены останавливать отходящие группы, приводить их в порядок и занимать позиции для обороны. Почти все офицеры штаба корпуса, казаки конвоя и ординарцы разосланы штабом корпуса для той же цели. [6] Все эти усилия дали возможность задержать отходящие части примерно на линии д.д. Нерадово—Паево-Ржиски—Врублевко—Поморже—Хржанов и образовать подобие фронта. Однако, не все были задержаны. Части 43 Сибирского полка собирались в районе д.д. Обидзино-

---

[1] Дело № 44032, стр. 10.
[2] Дело № 44032, стр. 2.
[3] Дело № 47610, стр. 11.
[4] Дело № 47631, стр. 5.
[5] Дело № 48131, стр. 10.
[6] Дело № 43018, стр. 12—14.

Гурне—Гоголе-Стечки.[1] Некоторых удалось удержать у д. Богуцин и занять позицию на отрогах высоты 65,1 (части 8 Туркестанского полка). Части 7 Туркестанского полка отходили как с 8 Туркестанским полком, так и с 42 Сибирским полком и еще часть отходила совершенно самостоятельно в направлении на д. Врублевко.[2]

Результат дня. Бой на участке 11 Сибирской дивизии потребовал от войск крайнего напряжения физических и моральных сил. Части были в непрерывном огне с 5 час. утра и в течение 14 часов изнемогли в неравной борьбе. Такое страшное напряжение часто оканчивается реакцией, ведущей к внезапному упадку духа. Достаточно одного толчка и таким толчком явился последний натиск германцев, начатый ими около 19 час. Начавшийся упадок духа мог привести к панике, но высылка вперед штабных офицеров предотвратила ее и постепенно вносила успокоение. Этому в значительной мере способствовало решение Плюскова остановить пехотные части и продолжать преследование одной конницей (дивизионной и кирасирской бригадой), но ее было мало.

За время боя и особенно отхода все части оказались в большом расстройстве. От 43 Сибирского полка в районе д. Гоголе-Стечки собралось только 154 человека.[3] 41 Сибирский полк потерял 200 человек и в его рядах осталось 482 штыка.[4] 8 Туркестанский полк потерял 491 человек,[5] а 7 Туркестанский полк мог собрать от I бтл. 33 человек, от II бтл. 240 и от III бтл. только 137 человек.[6] 5 Туркестанский полк потерял 340 человек и у д. Паево-Ржиски собралось только 9 рот.[6] Потери 42 и 44 Сибирских полков выяснить не удалось, но можно думать, что они были не менее, чем в других полках.

Из сказанного можно видеть, что 11 Сибирская дивизия, как боевая единица, перестала существовать. Полки превратились в батальоны по штату мирного времени и еще меньше этого.

е) Бой 1 Туркестанской стрелковой бригады.

На участок 1 Туркестанской стрелковой бригады наступали части XVII германского резервного корпуса Сурена. Этот корпус, занимая весьма широкий фронт (схема № 1), не мог выделить достаточных для сильного удара сил и принужден ограничиться демонстративными действиями. Сурен развер-

[1] Дело № 44032, стр. 10.
[2] Дело № 44032, стр. 10.
[3] Дело № 44001, стр. 14.
[4] Дело № 47631, стр. 6.
[5] Дело № 48131, стр. 12.
[6] Дело № 47707, стр. 7.

нул бригаду 14 ландверной дивизии на линии д.д. Павлово—Бараки-Хатумские—Гумово (схема № 10) и усилил артиллерию в районе высот 77,4 и 71,6. Почти весь день на этом участке германцы вели огневой бой, что позволило Шейдеману разгадать демонстративный характер действий против 1 Туркестанской стрелковой бригады [1] и обратить все свое внимание на участок 11 Сибирской дивизии.

На участок 1 Туркестанского полка наступала Кирасирская бригада, но она не имела сил для решительного удара. Части этой бригады воспользовались неснятой рожью и со стороны д. Нестум наступали на левый фланг полка. [2]

Огонь батарей 14 ландверной дивизии только около полудня приобрел характер подготовки атаки и около 17 час. было замечено продвижение небольших частей в районе д.д. Гржибова и Павлово, да вдоль шоссе из д. Гумово наступали более значительные силы, которые заняли д. Рыкачевка. [3]

ж) Заключение о бое I Туркестанского корпуса.

С началом артиллерийской подготовки для Шейдемана было ясно, что германцы готовят повторение боя 13 июля (30 июня). Он понимал, что основной недостаток обороны заключается в малом числе орудий и в ограниченном запасе патронов к ним. Увеличение и того и другого было невозможно, но надо было использовать имеющееся. Около 9 час. он разослал указания, в которых предупреждал о возможности повторения событий боя в первый день этого сражения и настаивал на своевременной поддержке батареями своей пехоты. Он разъяснил, что установленная норма расхода по 5 выстрелов на орудие в сутки относится только к дням спокойным, а во время боя не может быть нормы и экономии. [4] Решаясь на расход снарядов вопреки всем указаниям свыше, Шейдеман вместе с тем принимает меры для их пополнения. Распорядившись о снабжении частей из парков 1 Туркестанской стрелковой бригады, он перемещает парки 2 Туркестанской стр. бригады в район 11 Сибирской дивизии для выдачи припасов всем ее частям. [5]

С началом стихийного отхода на участке 11 Сибирской дивизии Шейдеман немедленно принял решение задержаться во что бы то ни стало на более подходящей линии. С этою целью им даны такие указания: [6] а) 118 пехотный полк раз-

[1] Дело № 43021, стр. 78.
[2] Дело № 45540, стр. 22.
[3] Дело № 47610, стр. 8, 9.
[4] Дело № 45540, стр. 20.
[5] Дело № 44972, стр. 1.
[6] Дело № 43018, стр. 15.

вернуть на линии д.д. Нерадово—Паево-Ржиски, б) все, что осталось от 41 и 43 Сибирских и 5, 7 и 8 Туркестанских полков собрать на линии д. Паево-Ржиски—фол. Гостково, в) 12 Туркестанский полк с остатками 42 и 44 Сибирских полков—на линии фол. Гостково—д. Грендзице, г) в соответствии с этим 1, 2 и 3 Туркестанские полки отвести назад на линию д.д. Грендзице—Крубин—Голаты, а 4 Туркестанский полк отвести за р. Лыдыня.

Этим решением Шейдеман в значительной степени сокращает протяжение фронта 11 Сибирской дивизии и вводит в боевую линию свежие части (118 пех. и 12 Турк. полки).

В управлении боем обращает внимание правильное расходование корпусного резерва. Как только стало известно о ночном прорыве у д. Трентово, Шейдеман посылает туда бтл. из 5 Туркестанского полка, а потом передает этот полк в 11 Сибирскую дивизию, где не было никакого резерва. В результате 5 Туркестанский полк оказался разбросанным, но его части были теми подпорками, которые давали новую устойчивость частям.

4-й день сражения 16 (3) июля.

а) Планы сторон.

План Гальвица. В течение боя 15 (2) июля ударная группа Плюскова с большим трудом продвинулась вперед на 7—8 *км.* Наступающие дивизии встречали упорное сопротивление и терпели значительный урон. В центре русской армии должна была получиться широкая брешь, но этого не случилось—русские, подтягивая новые силы, успевали ставить их на путях вторжения германских частей. До главной цели наступления—р. Нарева—оставалось еще до 30 *км.* Гальвиц начинал опасаться за успех сражения, учитывая постоянное получение русскими подкреплений. Он решил поделиться своими сомнениями с Людендорфом,[1] который с 1 дня сражения прибыл с Гинденбургом в штаб 12-й армии в Нейденбург.

Под влиянием обсуждения событий и обстановки с Людендорфом и не без его влияния, Гальвиц на 16 (3) июля принял такой план действий[2] (схема № 1):

а) XIII армейский корпус с 2 пехотной дивизией должен наступать на Рожан, форсировав р. Оржиц (48 бтл., 360 орудий);

б) XVII армейский корпус должен форсировать р. Венгерка и оказать содействие XIII корпусу (36 бтл., 320 орудий);

в) XI армейский корпус с 50 резервной дивизией должен продолжать наступление на Пултуск, охватывая его с севера и запада (36 бтл., 336 орудий);

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 51.
[2] Schwarte. Der grosse Krieg, т. II, ч. 2, стр. 180.

г) I армейский корпус должен наступать на Остроленку (12 бтл., 80 орудий);

д) XVII резервный и Дикгута корпуса должны начать обложение Новогеоргиевска с севера и запада.

Поставленные корпусам цели имеют директивный характер и не могут быть выполнены втечение одних суток, в чем более всего сказывается влияние Людендорфа. Главной задачей указывается открытие путей на Рожан, что несколько изменяет план действий, так как до этого времени главное стремление было на Пултуск. Причина этого изменения находится в указаниях Людендорфа, который считал лучшим средством для достижения успеха—расшатать по возможности весь фронт русских и особенно на тех участках, где они продолжают оказывать более упорное сопротивление.[1] Поэтому Гальвиц меняет план действий, но не меняет расположения войск и их группировки. Дивизиям остается только изменить направление своего наступления и в соответствии с этим переместить несколько батарей. В итоге на Рожан Гальвицем направлено шесть дивизий и выдающаяся роль падает на XVII армейский корпус.

План Литвинова. Пассивные задачи, выполняемые войсками, влекут за собою большие потери и упадок духа, но прибытие даже небольших свежих поддержек вливает в них новые силы и новую энергию. Это соображение вселило в штабе армии надежду вернуть позиции, оставленные в этот день частями 30 пехотной и 11 Сибирской дивизий. За это время подошли все полки 30 пехотной дивизии и два полка 40 пехотной дивизии, а части XXI корпуса начинают выгрузку на ст. Остров. Это обстоятельство учитывается, как возможность перехода к активным действиям, и в 1 час 45 мин. ночи на 16 (3) июля Литвинов послал Плешкову и Шейдеману[2] категорическое приказание—переходом в наступление вернуть положение, утраченное втечение 15 (2) июля.

Такое распоряжение совершенно не отвечало обстановке, какая сложилась на участке 30 пехотной и 11 Сибирской дивизий, в чем штаб армии очень скоро убедился сам, получив от штабов корпусов более подробные донесения. Через полчаса указанное выше распоряжение было отменено и на его замену в 2 часа 15 мин. ночи разослана директива,[3] которая приводится полностью:

„Чтобы задержать наступление на 11 Сибирскую дивизию, I Туркестанский корпус усиливается одной бригадой 40 пехотной дивизии.

Эта бригада и три полка 30 пехотной дивизии, подчиненные I Сибирскому корпусу, позволят отбросить

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 51, 52.
[2] Дело № 43034, стр. 53, 54.
[3] Дело № 43034, стр. 55.

прорвавшегося противника и остановить его наступление. Приказываю 3 июля (старый стиль) I Сибирскому и I Туркестанскому корпусам активными действиями выполнить эту задачу. 3266". Литвинов.

Эта директива может служить образцом краткости, но других достоинств у нее не имеется. В ней нет ни одного слова об обстановке, какая положена в основу этого наступления. Эта обстановка дается вечерней сводкой о противнике и в ней показано:[1] а) восточнее р. Венгерки замечено три полка пехоты, ведущих повторные атаки, б) на путях к Пултуску наступают полторы дивизии и в) на Цеханов наступает до двух полков. Эта сводка указывала лишь те части германцев, наличие которых установлено пленными и документами, снятыми с убитых. Те германские части, которые таких следов не оставляли, в сводку не попадали.

Таким образом, после трех дней непрерывного боя в штабе армии не было полного представления о силах противника и они считались меньше, чем были в действительности. Этим можно объяснить стремление к активности и надежду восстановить утраченное положение. Однако, определенного плана, как добиться этого стремления, в директиве нет. Командиры корпусов получают свободу принять свой план действий, но планы двух корпусов могут оказаться несогласованными между собой ни во времени, ни по месту. Оба командира корпуса не имеют ни времени, ни возможности столковаться между собой для согласования своих действий, конечно, в том случае, когда они разделяли бы взгляд Литвинова на возможность перехода к активным действиям. Но этого как раз и не было в данном случае. Они обстановку считали невыгодной для перехода в наступление и думали лишь о возможности удержаться на месте.

Штаб армии грешил не только незнанием сил противника, но он не знал состояния и положения своих войск. Это показывает депеша штаба армии в штаб I Туркестанского корпуса от 6 час. утра 16 (3) июля,[2] в которой штаб армии просит скорее прислать нужные сведения, без которых „нельзя распоряжаться". В 6 час., когда германцы уже начали артиллерийскую подготовку, штаб армии считает себя в положении, в котором „нельзя распоряжаться", что дает право полагать об отсутствии в штабе армии сведений о состоянии войск.

Сравнение планов сторон. Под влиянием Людендорфа Гальвиц переменил план действий и вместо удара на Пултуск решает вести удар на Рожан. Ближайшим последствием этой перемены должно явиться ослабление давления на 11 Сибирскую дивизию и, значит, предоставление ей возможности

---

[1] Дело № 147, стр. 82.
[2] Дело № 43034, стр. 57.

привести свои части в порядок и восстановить их боеспособность. Вряд ли это входило в расчеты германского командования. Казалось бы, что следовало продолжать начатый удар и довести его до конца. 11 Сибирская дивизия дезорганизована, потеряла способность к сопротивлению и, оставаясь на фронте, могла дурно влиять на своих соседей своей неустойчивостью. Здесь сопротивление русских можно считать сломленным, здесь была почти готовая для вторжения брешь. Оставалось только пожать плоды уже сделанного, но вместо этого удар направляется на другое направление. Предстоит форсирование р.р. Оржиц и Венгерка, т.-е. как бы искусственно затягивается сражение.

Литвинов видел, что главный удар противника ведется против I Туркестанского корпуса, и первые прибывшие части 40 пехотной дивизии передает в распоряжение Шейдемана. Считая противника слабее, чем он есть, Литвинов рассчитывает на возможность отбросить германцев назад и затем задержать их на линии фол. Августов—Цеханов. Он надеется восстановить и укрепить положение центра армии и совершенно не предполагает, что противник может изменить направление своей атаки.

Требуя активности от атакованных корпусов, Литвинов проводит это требование без определенного плана противодействия противнику и давления на его волю. Он не стремится к поражению противника, а остается пассивным, желая только задержать его наступление.

б) План Плешкова.

Подсчет сил сторон показывает, что на участок I Сибирского корпуса направлено германцами 90 бтл. с 768 орудиями. К этому времени в составе I Сибирского корпуса числилось всего 52 бтл. и 134 орудия. Перевес сил находился на стороне германцев и штаб корпуса учитывал это положение, вследствие чего не задавался активными целями. Более всего его беспокоило положение 30 пехотной дивизии, части которой еще не получили ни парков, ни обозов.

Директива штаба армии об активных действиях получена около $2^1/_2$ час. ночи, а в 4 часа германцы уже начали артиллерийскую подготовку и к 5 час. их огонь распространился по всему фронту корпуса. Штаб корпуса фактически не имел времени организовать наступление, если бы считал это возможным. Корпусный резерв (три полка 3 Туркестанской стрелковой бригады, ибо один полк был передан в 2 Сибирскую дивизию) находился в переходе от участка 30 пехотной дивизии и надо было не менее 8 час. времени на его перемещение. Германцы этого времени не давали, а штаб армии с этим не считался.

Корпусу оставалось только одно—продолжать пассивный оборонительный бой, что всегда было самым плохим способом действий. Для его успешности надо иметь резерв за всеми участками фронта, здесь он был за правым флангом. Такой бой основан на силе огня и пример действий 2 Сибирского, 3 Сибирского и других полков показывает, что можно малыми силами отбивать атаки более значительных сил исключительно одним огнем. Для этого надо иметь большой запас боевых припасов, чего, как мы видели, не было в I Сибирском корпусе, и с 1-го дня сражения части ощущали недостаток в этом отношении.

Таким образом Плешков не располагал всем необходимым для успешного проведения оборонительного боя, тем менее он мог решиться на активные действия. План его оставался прежний, т. е. ставить противнику препятствия на направлениях, где он продвигается более успешно, и короткими контр-ударами задерживать его продвижение. По ходу боя 15 (2) июля штаб корпуса мог предвидеть, что германцы не преминут развить достигнутый ими успех между р.р. Венгерка и Сона (восточ.) и должен был ночью начать перемещение своего резерва к угрожаемому направлению, но он удовольствовался лишь прибытием туда 117 пехотного полка.

Эта оплошность очень скоро сказалось на ходе боя и неподдержанная во время 30 пехотная дивизия не могла выдержать нового натиска, что отразилось на остальном фронте корпуса.

в) План Шейдемана.

К рассвету 16 (3) июля при деятельном участии офицеров штабов I Туркестанского корпуса и 11 Сибирской дивизии удалось отходившие группы задержать, успокоить и продвинуть вперед для занятия линии, намеченной Шейдеманом. Эта деятельность осложнялась работой конницы и разведки германцев, с которыми происходили в разных пунктах стычки. Участок 11 Сибирской дивизии был занят так:[1] а) правый участок—на линии д.д. Нерадово—Паево-Вельке—7 Туркестанский полк (540 штыков) и 8 Туркестанский полк (схема № 10),[2] б) средний участок—от д. Паево-Вельке до д. Паево-Ржиски—два бтл. 118 пехотного полка, в) левый участок—от д. Паево-Ржиски до фол. Гостково сборный отряд из остатков 41 Сибирского полка (400 шт.), остатков 43 Сибирского полка (600 шт.) и рот 5 Туркестанского полка. Участок 1 Туркестанской стрелковой бригады был занят: а) правый участок—12 Туркестанский полк с остатками 42 Сибирского полка (100 штыков) и 44 Сибирского полка

[1] Дело № 43018, стр. 17.
[2] См. стр. 91.

(500 штыков), на линии фол. Гостково—д. Трушки—д. Ржечки-Оршимы, б) средний участок—от д. Ржечки-Оршимы через д.д. Грендзице, Крубин к д. Белино—1 и 2 Туркестанские полки, в) левый участок—от д. Белино через д. Неходзин до д. Уяздово—3 Туркестанский полк. 4 и 11 Туркестанские полки остались на прежней позиции. Три роты 5 Туркестанского полка и два батальона 118 пехотного полка к рассвету еще не были разысканы, но потом образовали резерв 11 Сибирской дивизии.

Выяснилось, что полки и штаб 11 Сибирской дивизии потеряли почти все средства связи, и Шейдеман решил передать в подчинение 11 Сибирской дивизии правый участок 1 Туркестанской стрелковой бригады, имея в виду использование средств связи 12 Туркестанского полка.

Из сказанного видно, что части I Туркестанского корпуса находились в плачевном состоянии и, несомненно, не могли предпринять никакого наступления, а тем более нельзя было надеяться вернуть утраченное положение. На занятой линии многим частям пришлось создавать окопы самым спешным образом, [1] так как готовых было очень мало.

Переданные Шейдеману два полка 40 пехотной дивизии, на которых штаб армии основывал требование активности, еще не прибыли. Ночью выгрузились два батальона 157 пехотного полка и к рассвету прибыли в д. Ватково, а два другие батальона этого полка заканчивали выгрузку на ст. Гонсотсин, но с ними не было связи. 160 пехотный полк выгружался на ст. Насельск и штаб армии потребовал его срочной отправки в Пултуск. Следующий 158 пехотный полк был еще в пути. [2] Таким образом, расчет на содействие частей 40 пехотной дивизии не оправдался.

Шейдеман находил положение на фронте критическим, так как численный состав большинства полков был едва достаточен, чтобы прикрыть артиллерию, и при таких условиях он опасался возможности нового отхода при первом натиске германцев и полагал возможным удержаться только при подходе свежих подкреплений. [3]

Шейдеман отказался от всякого наступления, стремился скорее подтянуть части 40 пехотной дивизии и для придания большей устойчивости фронту он разбросал по разным участкам автопулеметную роту отдельными взводами. План сводился к продолжению пассивной обороны.

---

[1] Дело № 44051, стр. 8.
[2] Дело № 43018, стр. 18
[3] Дело № 82069, стр. 112.

г) Бой центра русской армии до 12 часов дня.

Бой 30 пехотной дивизии. XVII армейский корпус Панневица должен был содействовать продвижению XIII корпуса. От р. Венгерка до р. Сона (запад.) он развернул в одну линию 35 и 36 пехотные и 1 гвардейскую резервные дивизии. Правее были части 50 резервной дивизии, вместе с которыми на участке в 12 *км* было 42 бтл., 380 орудий. На том же участке русские имели 17 бтл., 36 орудий.

Для выполнения задачи Панневиц решил развить успех 1 гвардейской резервной дивизии и постепенно выполнить захождение правым флангом с целью форсировать р. Венгерку на участке д. Млодзяново и р. Оржиц в районе г. Маков.[1] Он стремился обойти левый фланг I Сибирского корпуса и выйти в тыл русских позиций, лежавших на пути наступления XIII корпуса (схема № 9).

Вскоре после 4 час. утра германские батареи начали артиллерийскую подготовку атаки, и 1 гвардейская резервная дивизия, поддержанная частями 50 резервной дивизии, около 8 час. начала атаку. Моральные и физические условия частей 30 пехотной дивизии втечение ночи на 16 (3) июля не изменились к лучшему, вследствие чего 120 и 119 пехотные полки очень скоро сдали свои позиции, и в русских окопах взвились германские ракеты,[2] как сигнал для батарей о дальнейшем переносе огня. С поддержкой 117 пехотного полка удалось задержать отходившие полки на линии фол. Геленово—д.д. Курово-Милево—Швейки-Милево—Бржгенды.[3]

Около 10 час. части 50 резервной германской дивизии, оттеснив 7 Туркестанский полк к д. Конаржево Скузе, начали обходить фланг спешенной 1 бригады 14 кавалерийской дивизии и тем принуждали их к отходу. Штаб I Сибирского корпуса направил сюда части 3 Туркестанской стрелковой бригады, но им надо сделать полный переход, а между тем положение 30 пехотной дивизии становилось критическим, так как поддержка частями 117 пехотного полка только на короткое время приостанавливала отход. Надо было во что бы то ни стало задержать натиск германцев и выиграть время. Плешков решил использовать для этой цели 2 бригаду 14 кавалерийской дивизии, послав ей приказание атаковать противника, обходящего фланг.[4]

Эта бригада (14 гусарский Митавский и 14 Донской казачий полки) развернулась в конном строю на линии небольшого леса западнее д. Луково до д. Конаржево-Скузе. Около 11 час. эта бригада двинулась в атаку, при чем донцы прошли

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 52, 53.
[2] Дело № 97417, стр. 1.
[3] Дело № 97441, стр. 247.
[4] Дело № 64902, стр. 11.

через цепь 7 Туркестанского полка.[1] Конная атака оказалась для германской пехоты совершенной неожиданностью, и бригада успела изрубить две линии[2], прежде чем германцы пришли в себя и только их третья линия встретила русскую конницу ружейным и пулеметным огнем. Этот огонь заставил бригаду повернуть назад с потерей до 40% своего состава, в том числе командира 14 гусарского полка (Вестфален).

Эта конная атака продолжалась не более 10 минут, но она произвела сильное впечатление на германскую пехоту. Ее темп наступления сразу замедлился и стал осторожным. Это позволило в частях 30 пехотной дивизии организовать правильный отход до выгодного рубежа на линии д.д. Годачи-Выпихи—Луково.

Бой 11 Сибирской дивизии. В XI армейском германском корпусе часть обозов и муниционных колонн отстала, и запас боевых припасов оказался ограниченным, вследствие чего батареи не могли вести такого интенсивного огня, как было до этого дня. Стремясь выиграть время для подтягивания тылов, Плюсков на 16 (3) июля ставит ограниченные задачи своим дивизиям:[3] а) 50 резервная дивизия должна наступать на д. Луково (схема № 10),[4] согласуя свои действия с 1 гвардейской резервной дивизией, б) 86 пехотная дивизия должна наступать на м. Голымин-Старе, в) 38 пехотная дивизия—на д. Цемнево и г) ландверная бригада Пфейля—на м. Сонск. Плюсков не указывает определенной цели, а лишь направления, рассчитывая продвинуться вперед, сколько окажется возможным, и в то же время занять положение, удобное для выполнения захождения правым плечом с целью выхода на пути, ведущие к Пултуску с запада.

В общем обстановка складывалась для 11 Сибирской дивизии более благоприятной, чем было ранее. Главный удар германцев направлен не на нее, и огонь батарей противника стал слабее, принимая характер урагана лишь на самое короткое время.

Батареи 50 резервной дивизии почти одновременно с батареями 1 гвардейской резервной дивизии открыли подготовительный огонь. Сравнительная слабость этого огня побудила командира 8 Туркестанского полка попытаться перейти в короткое наступление для предупреждения германской атаки.[5] Однако с началом движения огонь германцев стал сильнее, а начинание полка не было поддержано соседями. Около 8 час. германцы начали атаку и им удалось обойти правый фланг 7 Туркестанского полка и последнему пришлось

---

[1] Дело № 47631, стр. 8.
[2] Дело № 64902, стр. 12, 13.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 52.
[4] См. стр. 91.
[5] Дело № 47631, стр. 7, 8.

отходить, хотя для его поддержки было выслано две роты 118 пехотного полка. Полк задержался в районе д. Конаржево-Скузе. Произведенная здесь атака 14 кавалерийской дивизии позволила полку убрать всех раненых и отправить их в тыл.

8 Туркестанский полк с отходом 7 Туркестанского полка несколько задержался и был свидетелем, как находящаяся левее рота 118 пехотного полка подняла белые флаги и сдалась в плен.[1] Этот случай произвел тяжелое впечатление на стрелков. Полк отошел в район д. Обидзино-Гурне.

118 пехотный полк и сборный отряд с 5 Туркестанским полком во главе, не приняв атаки, начали отходить и только с прибытием двух батальонов 159 пехотного полка им удалось занять линию от района д. Обидзино-Гурне через д. Смосарж-Добки до большой дороги из д. Поморже в м. Голымин-Старе.[2]

12 Туркестанский полк с остатками 42 и 44 Сибирского полков не избежал общей участи отхода без принятия атаки, но командир полка Максимович лично вернул полк обратно и продержался на позиции у д. Трушки до обхода обоих флангов, после чего отошел в район д. Насерово-Гурне.[3]

Шейдеман предвидел этот результат,[4] но подход подкреплений протекал с медленностью, заставлявшей его подозревать умышленные задержки эшелонов на станциях.

Бой 1 Туркестанской стрелковой бригады. На участок 1 и 2 Туркестанских полков наступали части 38 пехотной дивизии (правый фланг) и ландверная бригада Пфейля. Оба полка выдержали первый натиск германцев и заставили их отойти назад. Однако с отходом 12 Туркестанского полка 1 Туркестанский полк должен был по распоряжению командира полка (С. Г. Лукирский) отвести назад свой правый фланг.[5]

К полудню натиск германцев не прекратился, и Шейдеман начал опасаться за возможность беспорядочного отхода, так как резервов у него не было.[6] Два батальона 159 пехотного полка были на ст. Гонсотсин (15 *км* от фронта), (схема № 11), а два батальона 157 пехотного полка ожидались в Насельске и после выгрузки могли только к вечеру дойти до фронта. При таких условиях начавшаяся атака германцев на всем фронте 11 Сибирской дивизии грозила новыми осложнениями. Шейдеман поручил Циховичу настаивать перед штабом армии на немедленном отходе навстречу подходящих подкреплений и передать все подробности положения и состояния войск начальнику штаба армии, а сам направился

---

[1] Дело № 47631, стр. 14.
[2] Дело № 43018, стр. 18.
[3] Дело № 43018, стр. 19.
[4] Дело № 43036, стр. 36.
[5] Дело № 47610, стр. 20.
[6] Дело № 43036, стр. 47.

к фронту, чтобы личным влиянием оказать поддержку более неустойчивым частям. По его мнению, только немедленный и планомерный отход мог спасти от катастрофы весь фронт армии. [1]

д) Решение Литвинова.

Штаб армии не мог не видеть крушения всех своих надежд—активными действиями восстановить положение, отбросив германцев. Положение 30 пехотной дивизии было крайне неустойчиво, то же самое началось в 11 Сибирской дивизии; прорыв фронта на стыке I Сибирского и I Туркестанского корпусов казался неизбежным, и противник получал возможность распространиться в тылах этих корпусов, уширяя участок прорыва. При сложившейся к полудню обстановке уже не было никакой надежды на возможность остановить германский натиск. Штабу армии пришлось согласиться с категорически высказанным мнением Шейдемана и спешно разработать директиву для отхода. Около 13 час. директива была разослана[2] и указывала—начать отход тотчас по ее получении. Указания для отхода сводились к следующему:

а) I Сибирский корпус с 3 Туркестанской стрелковой бригадой, с тремя полками 30 пехотной дивизии, с 14 кавалерийской дивизией и с подходящими двумя полками 40 пехотной дивизии должен оборонять участок по р. Оржиц до д. Обецаново и далее через д. Карнево до д. Козлово (схема № 1).

б) Туркестанский корпус с тремя полками IV армейского корпуса должен оборонять участок по линии д.д. Козлово—Скоженице—Тсексин.

в) XXVII корпус должен отойти на передовую крепостную позицию и поступить в подчинение коменданта крепости Новогеоргиевск, занимая участок от д. Тсексин до р. Вислы.

г) I кавалерийский корпус должен прикрыть отход частей XXVII корпуса, а потом в два перехода через д. Новый-Двор, м. Радимин и д. Заторы перейти в Пултуск.

д) При отходе генералу Плешкову так расположить части IV арм. корпуса, чтобы их было легко выделить в отдельный участок с прибытием штаба этого корпуса,

Менее двенадцати часов отделяют эту директиву Литвинова от его директивы о восстановлении утраченного фронта. Директива об отходе всей армии является лучшей критикой решения о переходе в наступление, что доказывает неудовлетворительность работы штаба армии по своевременному выяснению всех данных для правильного понимания обстановки.

---

[1] Дело № 43036, стр. 47.
[2] Дело № 82096, стр. 105.

Требование о наступлении с утра 16 (3) июля не было выполнено ни Плешковым, ни Шейдеманом, ибо они лучше штаба армии учитывали обстановку и улучшение положения видели только в отходе. Если бы директива об отходе была разослана на 12 часов раньше, то к утру 16 (3) июля наиболее пострадавшие 30 пехотная и 11 Сибирская дивизии были бы выведены из-под ударов германцев и могли бы выиграть время как для приведения частей в порядок, так и для смены более слабых полков, а равно к получению 30 пехотной дивизией своих обозов и парков. Ошибка Литвинова в ночь на 16 (3) июля должна искупаться отходом частей среди этого дня, т.-е. с большими потерями.

На этот раз директива об отходе связана с перегруппировкой войск, но эта перегруппировка не предвидит подготовки контр-маневра, а является требованием той же пассивности, какая не оставляла Литвинова и его ближайших помощников. Выделение частей IV арм. корпуса надо для того, чтобы штаб этого корпуса не оставался без всякого дела, а получил свой участок. I кавалерийскому корпусу не было места на фронте, а в крепости он бесполезен, поэтому он направлен в Пултуск, где может служить резервом за центром армии.

е) Отход I Туркестанского корпуса.

План отхода. Шейдеман в отходе видел единственный способ сохранить остатки полков 11 Сибирской дивизии и 2 Туркестанской стрелковой бригады, дабы привить полкам при получении пополнений тот же боевой дух частей. Для достижения этой цели он считал необходимым сменить их тотчас при подходе подкреплений. Его распоряжения об отходе сводились к следующему:[1] а) правый участок корпуса (Зорако-Зораковский) в составе 7 и 8 Туркестанских полков, 118 и 159 пехотных полков и остатков 41 и 43 Сибирских полков должны отойти на участок от д. Козлово до д. Скоженице (схема № 11); б) средний участок (Моржицкого) в составе 12 Туркестанского полка с остатками 42 и 44 Сибирского и 5 Туркестанских полков и 1 Туркестанская стрелковая бригада должны отойти на участок от д. Скоженице до д. Слустово, в) левый участок (Колпикова) в составе 6 Туркестанского и 5 пехотного полков (последний из состава XXVII корпуса) и Туркестанской каз. бригады должен отойти на участок от д. Слустово до д. Тсексин; г) полки 11 Сибирской дивизии должны быть в кратчайшее время после отхода направлены в Насельск в резерв корпуса, а 7, 8 и 5 Туркестанские полки по смене их частями прибываю-

[1] Дело № 43018, стр. 22, 23.

щего 157 пехотного полка, должны также отойти к Насельску, д) отход начать с получением распоряжения.

Отход расстроенных частей при полном дневном свете представляется всегда тяжелым при продолжающемся давлении противника. На этот раз положение было облегчено тем, что около полудня начался солидный ливень, который испортил грунтовые дороги. Русские, как более привычные к своим родным путям, меньше испытывали трудностей, чем германцы, привыкшие к шоссированным путям своей родины. Благодаря этому дождю, германское преследование не могло быть столь энергичным, как можно было опасаться.

В направлении на Голымин наступала 50 резервная дивизия, а в направлении на Цемнево—86 пехотная дивизия. Эти дивизии преследовали 7 и 8 Туркестанские полки и 118 пехотный полк. Русские стремились скрыть от германцев начало отхода, но германцы заметили его и приступили к преследованию сначала артиллерийским огнем, а потом двинулись пехотные части. 7 и 8 Туркестанские полки принуждены были остановиться на линии д.д. Конаржево—Марцише и Гоголе-Стечки, чтобы обеспечить переправу через р. Сона (зап.). После переправы оба полка остановились у м. Голымин-Старе, откуда отходили общей колонной, прикрываясь обычным арьергардом.[1]

В этот день 7 Туркестанский полк потерял 223 человека и в полку осталось только 276 штыков.[2] Сведения о потерях 8 Туркестанского полка более точны—219 убитых и раненых и 117 пропавших без вести.[3]

Часть 86 пехотной германской дивизии преследовала 118 пехотный полк. С прибытием двух батальонов 159 пехотного полка удалось задержаться у д. Муравка до 18 часов.[4] Эта остановка позволила находящимся левее частям спокойно отходить за р. Сона (западная). Около 18 часов германцы решили сбить русских и начали сильную атаку, а смешанные части 118 и 159 пехотных полков начали спешный отход. Шейдеман приказал остальным двум батальонам 159 пехотного полка поддержать отходящих переходом в наступление в направлении на д. Смосарж-Добки. Удалось дойти только до р. Сона, где сильный огонь германских батарей заставил остановиться и затем занять оборонительную позицию на линии д.д. Ватково—Цемнево. Здесь 159 пехотный полк держался до 20 часов, после чего начал спокойный отход через Тарново к линии д.д. Осек-Вельке—Шишки, где задержался до 22 часов. С темнотой полк занял участок д.д. Козлово—Пшеводово.

---

[1] Дело № 48131, стр. 15.
[2] Дело № 48131, стр. 16.
[3] Дело № 47631, стр. 8.
[4] Дело № 47707, стр. 15.

Под прикрытием этих боев все части 11 Сибирской дивизии выполнили отход. 7 и 8 Туркестанские полки заняли участок от д. Пшеводово до д. Скоженица и потом были сменены прибывшим 157 пехотным полком. 41 и 43 Сибирские полки утром были направлены в Насельск в резерв корпуса.

1 Туркестанская стрелковая бригада находилась под давлением частей 38 пехотной германской дивизии и бригады Пфейля, которым пришлось двигаться по более удобной местности, но их движение было замедлено распутицей, наступившей после дождя. Благодаря этому, все части русских спокойно перешли р. Сона,[1] оставили на ней арьергарды и продолжали путь в колоннах.

Левый участок корпуса отходил еще спокойнее. У д. Ново-Място, в качестве арьергарда, оставлен 5 Оренбургский казачий полк.

Передовые части германцев вели небольшие бои с оставленными арьергардами, которые, опасаясь обходов, медленно отходили. 50 резервная дивизия остановилась главными силами севернее м. Голымин-Старе, 86 пехотная дивизия в районе д. Вачково, 38 пехотная дивизия — севернее Сонска и ландверная бригада Пфейля в районе южнее Белино. Части 14 ландверной дивизии также не переходили р. Сона.

Таким образом в этот день I Туркестанский корпус отошел на 20—24 *км*, сумел оторваться от противника и спокойно мог занять назначенный ему участок новой позиции. Германцы не могли выполнить задач, поставленных на этот день Плюсковым.

ж) Отход 30-й пехотной дивизии.

На линии д.д. Годачи—Выпихи—Луково (схема № 9) части 30 пехотной дивизии держались до 15 часов. Левее находились части 14 кавалерийской дивизии. Около 15 часов германцы, видимо успевшие передвинуть вперед часть своих батарей, начали более интенсивный огонь. В это время было получено в штабе дивизии распоряжение об отходе. Прежде чем новые указания успели дойти до полков, германцы начали атаку, и части 30 пехотной дивизии продолжали отходить. В центре 119 пехотного полка отходил IV батальон 1 Сибирского полка, который у д. Заремба успел задержаться.[2] То же самое удалось сделать одному батальону 117 пехотного полка у д. Хелхи-Климки.

---

[1] Дело № 47610, стр. 21.
[2] Дело № 97441, стр. 258.

Эта задержка привлекла на себя значительную часть германцев, что дало возможность остальным более спокойно продолжать отход. 120 пехотный полк сосредоточился у д. Романово, 119 пехотный полк занял позицию в районе фол. Романов, а 117 пехотный полк занял растянутый участок от фол. Романов до д. Малехи.

В итоге 30 пехотная дивизия в этот день с боем отошла 10—12 *км*; 119 и 120 пехотные полки потеряли свыше 60% своего состава, 117 пехотный полк потерял до 40%. Эти потери в связи с моральными причинами уменьшили боеспособность частей, вследствие чего участок, занятый частями 30 пехотной дивизии, надо признать растянутым и составляющим слабейший пункт на фронте армии. Левее 30 пехотной дивизии участок от д. Карнево до д. Козлово наблюдался 1 бригадой 14 кавалерийской дивизии, ибо ни в корпусе, ни в армии не было поблизости пехоты для его занятия. 2 бригада 14 кавалерийской дивизии, пострадавшая во время конной атаки, отведена к д. Швелицы для отдыха, но такой резерв нельзя признать солидным обеспечением центрального участка фронта армии. Направление Цеханов—Пултуск прикрыто слабо.

з) Бой 1-й Сибирской дивизии.

Бой на левом участке дивизии. Около 8 час. утра наблюдатели 4 Сибирского полка увидели германские ракеты, пущенные из окопов,[1] занимавшихся частями 30 пехотной дивизии. Этот сигнал противника был началом тяжелого положения, в каком оказались 1 и 4 Сибирские полки. Начавшаяся с 5 час. сильная бомбардировка всей позиции от р. Венгерка до д. Збики-Вельке (схема № 9) связывалась с указанного времени с постоянным обходом левого фланга. Здесь против шести, а потом семи русских батальонов германцы направили усилия 36 и 35 пехотных дивизий, имевших 24 бтл. и свыше 200 орудий. Плешков поздно увидел опасное положение левого фланга корпуса и поторопился направить сюда 10 и 20 Туркестанские полки из района д. Пержаново. Они выступили в 10 час. и должны сделать не менее 25 *км*.[2]

Около 9 час. германцы начали атаку. Роты 4 и 1 Сибирских полков эту атаку отбили, проявив удивительную стойкость, так как недостаток патронов заставлял ограничиваться одним ближним огнем. Этот огонь отличался выдержкой и меткостью. Однако, левому флангу II бтл. 1 Сибирского полка пришлось очистить район д. Збики-Вельке и загнуть к югу.[3] Бывший у д. Венжево IV бтл. полка занял фронт

---

[1] Дело № 97447, стр. 1.
[2] Дело № 82096, стр. 110, 123.
[3] Дело № 97441, стр. 247.

на запад для парирования обхода, но несколько германских рот успели пройти южнее. В этой атаке оба бтл. 1 Сибирского полка дрались на три фронта.

Около 11 час. германцы повторили атаку. На этот раз им удалось занят фол. Геленово. 1 Сибирский полк напрягал последние силы, но должен был несколько податься к востоку, 4 Сибирский полк на участке фол. Августов—высота 57,1 удержался, но на правом фланге пришлось несколько отойти назад, так как германцы из д. Богате нашли укрытый подступ по долине Венгерки и грозили обходом фланга. [1]

Когда правый фланг 120 пехотного полка задержался у д. Годачи, то 1 Сибирский полк занимал растянутый фронт на запад от фол. Августов через д. Венжево до фол. Геленово, [2] а фронт 4 Сибирского полка представлял у высоты 57,1 [3] исходящий угол. Германцы вели сильный огонь, показывая подготовку новой атаки.

Около 14 час. штаб дивизии получил распоряжение об отходе, но медлил с рассылкой указаний в полки. Эти указания в полках были получены только около 15 час. Между тем германцы в это время начали свою 3-ю атаку. [4] Скудный запас патронов был почти израсходован, особенно остро было в 4 Сибирском полку. Для отражения атаки нельзя было развить нужного огня и пришлось, экономя патроны, возложить исход борьбы на штыковой бой. [5]

Удар германцев был весьма силен и их четверное превосходство начинало сказываться. Роты 1 Сибирского полка принуждены отходить, только одна 13 рота держалась у Венжева и так упорно, что только около 21 часа угрозой полного окружения удалось германцам принудить ее к отходу. Отошедшие роты задержались, отойдя 300—400 шагов. [6]

4 Сибирский полк, оборонявшийся в воронках от снарядов, так как окопы уже были разрушены, удержался только на высоте 57,1. В остальных окопах после штыкового боя пришлось отходить. Около 16 час. удалось задержаться на линии д. Щуки до угла шоссе из г. дв. Красне, но пришлось очистить высоту 57,1. Бывший ранее в резерве I бтл. 1 Сибирского полка был разделен: 1 и 2 роты заняли г. дв. Красне для обеспечения дальнейшего отхода, а 3 и 4 роты обеспечивали левый фланг 1 Сибирского полка, так как с отходом 120 пехотного полка от д. Годачи всякая связь с ним была порвана и с этой стороны вновь обозначился обход. [7]

---

[1] Дело № 97447, стр. 2.
[2] Дело 97441, стр. 248.
[3] Позиция II бтл.
[4] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 53.
[5] Дело № 82096, стр. 123.
[6] Дело № 97441, стр. 249.
[7] Дело № 97441, стр. 250.

Согласно указаний штаба дивизии, 4 Сибирский полк должен был отойти на подготовленную позицию на линии д. д. Млодзяново—Закшево, а 1 Сибирский полк оттягивался к д. Обецаново в резерв дивизии. Под постоянным натиском германцев было очень трудно организовать отход. Более сохранившийся IV бтл. с ротами I и III батальонов должен был прикрывать отход 1 Сибирского полка. Эти части задержались у д. Залесье, благодаря 13 роте, которая продолжала держаться в районе д. Венжево. На этой случайной позиции части оставались до 22 час., что дало возможность II бтл. отойти к д. Обецаново. Остальные части 1 Сибирского полка подошли только к полуночи. [1]

4 Сибирский полк был в более тяжелом положении, так как стрелки остались совсем без патронов, [2] в то время как германцы усилили свой натиск и им удалось прорваться на стыке 1 и 4 Сибирских полков, [3] угрожая обходом на Млодзяново. Пришлось отходить более поспешно, при чем две роты (1 и 2) 1 Сибирского полка, бывшие в г. дв. Красне, были окружены, [4] но им с большими усилиями удалось пробиться. [5]

К 22 часам 4 Сибирский полк занял новую позицию от г. дв. у Млодзянов через южную окраину д. Эльжбетово на д. Закшево. Позиция оказалась неготовой, [6] так как проволочных заграждений не было, хотя местами были колья, окопы были от 40 до 300 шагов длины и позади них, в виде вала, лежала выброшенная земля, что мешало сообщению с тылом и затрудняло вынос раненых. Многие окопы имели обстрел не более 500—600 шагов. Таков был результат работы армейского строительства. Многие роты предпочли построить для себя новые окопы, более удобные для обороны.

1 Сибирский полк постепенно сосредоточивался к д. Обецаново и собрался к полуночи, кроме IV бтл., занявшего промежуток между 4 Сибирским и 120 пехотным полками.

Бой на правом участке. 26 пехотная германская дивизия должна была продолжать содействовать главной атаке XIII армейского корпуса на Подосье. Герц. Вюртембергский решил прорвать центр участка русской позиции от Подосье до Велиодрож (схема № 9). Артиллерийская подготовка атаки началась с 5 час. и около 10 час. началась вспомогательная атака на Велиодрож, а в 11 час. главная атака дивизии в направлении на д. Брамура-Священная. [7]

---

[1] Дело № 97441, стр. 252—254.
[2] Дело № 82096, стр. 110.
[3] Дело № 97447, стр. 2.
[4] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 5
[5] Дело № 97030, стр. 183.
[6] Дело № 97447, стр. 2.
[7] Дело № 97446, стр. 6.

3 Сибирский полк в течение ночи улучшил окопы и исправил разрушения. Германская атака была отбита. Началась новая подготовка и новая атака около 13 час. У Велиодрож атака была отбита, а у Брамура-Священная завязалась ожесточенная борьба, которая закончилась только к 14 час. отходом германцев.

2 Сибирский полк своим правым флангом содействовал 7 Сибирскому полку в отбитии атак на Подосье, а на остальном фронте был атакован частями 26 и 3 пехотных германских дивизий.[1] Огонь германских батарей производил большие разрушения в окопах, козырьки были разбиты, и стрелки не имели укрытия от шрапнельных пуль, вследствие чего увеличились потери. 11 рота в несколько минут потеряла всех офицеров и 11 унтер-офицеров. Русские батареи принуждены ограничивать свой огонь, по недостатку снарядов, и стрелки начинали нервничать. Им казалось,[2] что германские батареи совершенно безнаказанно производят обстрел русских окопов. Тем не менее до 12 час. атаки германцев отражались успешно. Около этого времени германцам удалось сбить левый фланг 7 Сибирского полка. Овладев д. Подосье, они получили возможность обойти правый фланг полка. Для парирования обхода были направлены две роты (7 и 15), которым удалось задержать обходящую группу германцев.[3] Вскоре 7 Сибирский полк восстановил свое положение и германцам пришлось отойти назад. При этом 7 рота захватила 1 пулемет и 5 пленных.

Около 15 час. получено распоряжение об отходе. Учитывая большие потери, было решено скорее вывести людей из окопов. Для скорости отход должен быть выполнен двумя группами: I и IV бтл. направлены через мост у д. Ленг, а II и III бтл. через легкий мост у д. Дыбчижна. В окопах оставлено по одному взводу от роты для прикрытия отхода. Отход начался в $15^1/_2$ час. К 22 час. 2 Сибирский полк закончил занятие новой позиции от фол. Ленг по левому берегу Оржица до д. Кржишево-Надречна.[4] Во время отхода германцы огнем преследовали прикрывающие взводы.

3 Сибирский полк для прикрытия отхода оставил II бтл. и по одной роте от III и I бтл. Остальные начали отход около 16 час. на переправы у д. Ренка-Старе и у д. Млодзяново.[5] Прикрывающие части оставались на позиции до $17^1/_2$ час. и отходили под напором германцев до линии д. Ятсенжек—фол. Шлясы-Лозано, где германцы остановились и далее не пошли, так как русские батареи преградили им продвижение своим огнем.[6]

---

[1] Дело № 97444, стр. 12, 13.
[2] Дело № 97786, стр. 11.
[3] Дело № 97444, стр. 14.
[4] Дело № 97444, стр. 18, 19.
[5] Дело № 97447, стр. 6.
[6] Дело № 97786, стр. 23.

в) Бой 2-й Сибирской дивизии.

Положение сторон. Ваттер решил продолжать выполнение принятого им плана атаки, стремясь форсировать Оржиц у д. Подосье (схема № 8). Изменение обстановки втечение ночи не повлияло на его решение. Следуя за отходящим IV Сибирским корпусом, I армейский германский корпус мог продвинуться вперед, промежуток между XIII и I германскими корпусами значительно уменьшился, и части 2 пехотной дивизии могли действовать совместно, разделяясь р. Оржиц. Эти действия должны были содействовать главной атаке на Подосье, [1] так как давление по левому берегу Оржица угрожало выходом в тыл гарнизону предмостных русских укреплений на правом берегу реки.

С отходом 10 Сибирской дивизии на тыловую позицию от района д. Хмелин и далее на д. Грабник положение правого фланга 2 Сибирской дивизии существенно изменилось, так как части германцев появились на линии д.д. Грабово—Раки. Позиция на участке Бернаты—Красносельц еще могла быть занята сводным батальоном 6 Сибирского полка, но от Бернаты до разграничительной линии между 12 й и 1-й армиями оставался никем незанятый промежуток около 2 *км.* Очевидная необходимость занять этот участок привела к спору между 10 и 2 Сибирскими дивизиями. Однако штабы дивизий не могли решить этого вопроса, и он перешел к штабам IV и I Сибирских корпусов. Первый из них стоял на формальной точке зрения, считая разграничительную линию своим пределом при очень растянутой позиции, а второй настаивал ввиду неимения сил. Переговоры ничем не кончились, и вопрос перешел в штабы армий, но они стали на точку зрения штабов корпусов. Пришлось вмешаться штабу фронта, и Алексеев приказал разграничительную линию между армиями передвинуть на 2 *км* к западу. [2] 10 Сибирская дивизия протянула фронт до д. Бернаты.

Бой на левом фланге. Германские батареи с 5 час. начали подготовку атаки на предмостную позицию русских у Подосье. Огонь достиг такой силы, [3] что было признано необходимым некоторые роты отвести во вторую линию окопов. Около 12 час. германцы начали атаку, направив для удара бригаду 3 пехотной и бригаду 4 гвардейской дивизий, сосредоточившихся в Плонявском лесу. Удар был настолько силен, что германцы прошли окопы, овладели деревней и захватили мост. Тотчас на левый берег стала дебушировать германская пехота, а за нею дивизионная конница. Смешавшиеся между собою роты 5 и 7 Сибирских полков быстро отходили.

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 53.
[2] Дело № 82063, стр. 141.
[3] Дело № 82096, стр. 127.

Поспелов направил на поддержку около 13 час. I бтл. из 21 Туркестанского полка, накануне прибывшего в д. Завады. Через четверть часа II бтл. этого полка двинут вслед за первым.[1] Эти батальоны развернулись один позади другого, образовав 4 линии цепей, и двинулись вперед по направлению к мосту. Германская конница бросилась в атаку с целью остановить русских, изрубила полторы роты, но остановить атаки не могла. Спокойное наступление туркестанских стрелков подняло дух в ротах 5 и 7 Сибирских полков, и они присоединялись к наступавшим. Натиск русских оказался успешным, половина 42 пехотного германского полка была переколота штыками, частью потонула в реке. Русские захватили мост и развивали успех на правом берегу. К 15 час. предмостное укрепление вновь было в руках русских. В это время уже было получено распоряжение об отходе и приказание не защищать предмостной позиции с упорством, а подготовляться к отходу ночью.[2]

Бой на правом фланге. 2 пехотная германская дивизия огнем батарей с правого берега подготовляла атаку с севера на м. Красносельц. Части 2 пехотной и 4 гвардейских дивизий с линии д.д. Пржитула—Лазы демонстративно несколько раз атаковали и около 14 час. им удалось форсировать Оржиц у д. Сельцпекло.[3] Почти в то же время части 2 пехотной дивизии, атаковавшие со стороны д.д. Грабово—Раки, достигли русских окопов. Непомерно растянутый батальон 37 Сибирского полка начал отход, а наступающие вдоль берега реки германцы ворвались в Красносельц.[4] Батальоны 6 и 8 Сибирских полков, бывшие в предмостном укреплении на правом берегу Оржица, оказались в критическом положении и поспешно отходили назад. В районе Бернаты—Красносельц получился прорыв фронта, тем более опасный, что находился на стыке двух армий. Направленные сюда последние роты 5 Сибирского полка из д. Воля-Пеницка не успели дойти.[5]

Поспелов решил задержаться на линии д.д. Хойново—Пенице-Вельке—Сельц-Колония. К этой линии отходили роты 6 и 8 Сибирских полков и две роты 5 Сибирского полка.

Отход правого фланга 2 Сибирской дивизии не входил в предположения Литвинова, а так как 9 Туркестанский полк уже был направлен в поддержку 14 кавалерийской дивизии, то больше за правым флангом I Сибирского корпуса резервов не было. Штабу армии пришлось принять дополнительное решение—отвести 2 Сибирскую дивизию на линию Кржишевских высот и поторопить прибытие 33 пехотной дивизии,

---

[1] Дело № 45670, стр. 9, 10.
[2] Дело № 156185, стр. 11.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 53.
[4] Дело № 82063, стр. 154.
[5] Дело № 94459, стр. 2.

которая передана в резерв Плешкова.[1] Эта дивизия в этот день заканчивала выгрузку на ст. Остров.

Ночной отход. Разрешение об отходе 2 Сибирской дивизии на линию Кржишевских гор было получено в штабе 1 Сибирского корпуса около 15 час. и тотчас послано предупреждение в штаб дивизии. Этот отход должен быть связан с отходом соседней 10 Сибирской дивизии, что потребовало сношений со штабами 12-й армии и IV Сибирского корпуса. Отход назначен в ночь на 17 (4) июля, при чем внутренние фланги 10 и 2 Сибирских дивизий отходили эксцентрически на д. Хелхи и д. Гуты-Малы. Вследствие этого на стыке этих дивизий получался разрыв фронта шириною до 7 *км.* Временно в этот разрыв направлен из IV Сибирского корпуса 19 драгунский полк, а потом должна быть направлена бригада подходящей 33 пехотной дивизии.[2]

Отход был назначен в 1 час ночи, но германцы не дали спокойно отойти. Ваттер не мог примириться с неудачей в районе д. Подосье и назначил новую атаку на 23 часа.[3] Эта атака оказалась удачной. Русские готовились к отходу и имели приказание не держаться долго в предмостном укреплении. С началом атаки они отошли на левый берег, уничтожили мост, но германцы по бродам также перешли реку, и части 5 и 7 Сибирских полков отошли к Завады, а 21 Туркестанский полк в направлении на д. Ленг, прикрывая фланг и тыл 1 Сибирской дивизии.

Германцы, заняв левый берег Оржиц у д. Подосье, прекратили дальнейшее наступление, и русские получили возможность спокойного отхода. 6 Сибирский полк[4] отходил через Гонсево на д. Гуты-Малы, 8 Сибирский полк—через д. Воля-Пеницка на д. Каленчин. Эти полки составили правый участок дивизии и заняли позицию по отрогам Кржишевских гор от д. Гуты-Малы до дороги южнее д. Каленчин. 5 и 7 Сибирские полки отходили через д. Голонивы и заняли позицию на северных скатах Кржишевских гор,[5] южнее д. Кржишево-Борове. Части 5 Сибирского полка отходили также с 8 Сибирским полком и остались на участке этого полка.[6] 21 Туркестанский полк перешел в подчинение 1 Сибирской дивизии и занял участок по отрогам Кржишевских гор в направлении на д. Кржишево - Надречна,[7] вследствие чего правый фланг 2 Сибирского полка был оттянут назад. Позиция была занята к 8 час. 17 (4) июля.

---

[1] Дело № 82096, стр. 144, 145.
[2] Дело № 82096, стр. 162.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 53.
[4] Дело № 84522, стр. 3.
[5] Дело № 156185, стр. 12.
[6] Дело № 97454, стр. 8.
[7] Дело № 45670, стр. 11.

к) Отход левого крыла армии.

Штаб XXVII корпуса получил распоряжение об отходе на передовую крепостную позицию с большим опозданием[1] — около 20 час. По этой причине части XXVII корпуса начали отход на семь часов позже соседних справа частей I Туркестанского корпуса, однако, германцы не воспользовались этим благоприятным для них обстоятельством. Они отход заметили во-время, но очень слабо реагировали на него, и XXVII корпус отходил[2] свободно, без всяких помех и к 6—7 час. 17 (4) июля занял передовую крепостную позицию. Германцы[3] далее линии г. Плонск—устье р. Бзуры не продвинулись (схема № 1).

I кавалерийский корпус прикрывал отход 76 пехотной дивизии, после чего сосредоточился у м. Закрочим. Здесь штаб корпуса получил из штаба армии новое указание. Корпусу приказано двигаться через м. Сероцк на Пултуск[4] и достигнуть этого города в тот же день (переход около 100 *км*). Между тем, все тыловые учреждения корпуса были направлены в Радимин и с ними пошли квартирьеры. Это новое распоряжение временно отдаляло дивизии корпуса от их тылов.

Эта перемена в направлении движения I кавалерийского корпуса вызвана отходом левого фланга I Сибирского корпуса и стремлением скорее оказать поддержку 14 кавалерийской дивизии, которая прикрывала пути к Пултуску на центральном участке армии.

Заключение о втором периоде сражения.

Отходом всей армии на последнюю перед Наревом позицию заканчивается второй период сражения. Втечение 2, 3 и 4 дней сражения на атакованном германцами участке армии полки 11 Сибирской дивизии и части 2 Туркестанской стрелковой бригады, а также два полка 30 пехотной дивизии перестали существовать, как боевые единицы. Их остатки едва достаточны для привития своих традиций и боевого духа имеющим прибыть пополнениям. Этот успех достигнут германцами ценою больших потерь, достигших до 20% всего состава армии Гальвица. Потери и трудности борьбы зародили в уме Гальвица сомнение в окончательном исходе начатого сражения, и он принужден был обратиться за советом к Людендорфу. Результатом такого обращения явилась перемена плана атаки. Этот момент представляет значение для этого сражения. Казалось, проще всего продолжать натиск на Пултуск, так как стоящие на этом направлении 30 пехотная и 11 Сибир-

---

[1] Дело № 97030, стр. 207.
[2] Дело № 97425, стр. 193.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 52.
[4] Дело № 82096, стр. 199.

ская дивизии были достаточно расстроены и оставалось докончить их разгром и открыть путь на Пултуск, где, как хорошо знали германцы, не было гарнизона. Однако, Людендорф предпочел начать разгром других частей русского фронта. Таким приемом он рассчитывал расстроить побольше русских частей и облегчить дальнейшую борьбу, так как было известно о тех затруднениях, какие встречены русскими в подготовке пополнений и их вооружений. Это стремление отвечало общей цели наступления, начатого Фалькенгайном, которое клонилось к разгрому русских армий и доведению России до сознания прекращения борьбы и заключения сепаратного мира.

Эта точка зрения диктовала разгром возможно больших частей русских сил, но она расходилась с требованием тактики—развивать достигнутый успех и преследовать противника до его полного сокрушения. Главная задача армии Гальвица—форсирование Нарева, поэтому чем скорее будет достигнут берег реки, тем выгоднее. Оставался один решительный шаг до Пултуска, укрепления которого не имели гарнизона, и цель была бы достигнута. Поворот на Рожан приводил к той же цели, но требовались новые усилия и следовательно затяжка сражения.

В тактическом отношении германская пехота пользовалась всяким случаем для замены фронтальных атак действиями на фланг и тыл русских. Фронтальная атака крайне трудна, что доказывает ряд неудач, испытанных германцами при атаках на сибирские и туркестанские части. Имея тройной перевес сил, германцы далеко не всегда достигали цели, им приходилось несколько раз возобновлять свои удары, чередуя их с артиллерийской подготовкой. Русские донесения насчитывали на некоторых участках до 9 отбитых атак в день.

Следует отметить нелюбовь германцев к ночным действиям большими силами. Они стремились ночь предоставить отдыху и ограничивались самыми необходимыми поисками. Этим объясняется, почему они не воспользовались ночным прорывом между 7 и 8 Туркестанскими полками и не развили его в серьезное предприятие.

Литвинов в этот период продолжал быть пассивным и даже навязывал свою пассивность Плешкову и Шейдеману, отдав им категорическое распоряжение не переходить в контр-наступление, а ограничиваться лишь самыми короткими контрударами при отражении атак противника.[1] Эта пассивность оплачивалась полным расстройством частей, находившихся на направлениях ударов германцев. Следует подчеркнуть неудовлетворительную работу инженерных строительств армии. Они работали 4—5 месяцев, и мы видели, что нигде им не удалось подготовить позицию для войск. Всегда оказывались

[1] Дело № 82096, стр. 90.

крупные дефекты, и войскам приходилось самим работать по созданию оборонительных сооружений и затрачивать свои силы, вместо сохранения их для борьбы. Это явление отчасти объясняется малым числом военных инженеров и слабой подготовкой прапорщиков запаса инженерных войск.

В тактическом отношении русские войска показали полное знание современного боя. Они искусно использовали силу огня и тем подтвердили, что оборона с развитием техники получила много преимуществ. К сожалению, этой самой техники было очень мало, недоставало орудий, пулеметов и даже боевых припасов. Несмотря на такие крайне тяжелые условия борьбы, им удавалось неоднократно отбивать атаки более сильного противника и парировать его обходы. Не получая своевременно подкреплений, войска буквально таяли в огне боя и постепенно теряли свою стойкость. Высокий подъем духа в таких случаях сменяется временным упадком, и начинается беспорядочный отход.

Необходимо подчеркнуть стремление многих частей встречать атаку германцев коротким контр-ударом. Такой прием допустим при достаточном числе защитников. Он заставлял германцев временно приостанавливаться и подвергаться заградительному огню русских батарей. При недостаточном числе защитников такой прием заменялся выжиданием подхода германцев на дистанцию прямого выстрела и тогда открывался самый частый ружейный и пулеметный огонь. Этот прием отчасти диктовался недостатком патронов и требовал большой выдержки, которая особенно проявилась в 4 Сибирском полку.

В итоге второго периода сражения русская армия принуждена к общему отходу и имела крайне ослабленный центр, на поддержку которого направлен с опозданием I кавалерийский корпус.

VIII. ТРЕТИЙ ПЕРИОД СРАЖЕНИЯ.

Планы сторон.

План Гальвица. Заставив 1-ю русскую армию отойти на последнюю ее позицию, Гальвиц решил добиваться возможности форсировать Нарев. Более удобным участком реки признавали участок между Рожан и Пултуск. Здесь река разбивается на несколько рукавов и образует крупные острова, правый берег является командующим, параллельно берегу проходит хорошее шоссе, и такое же шоссе идет от Прасныша через Маков на Шельков, что способствовало организации подвоза нужных материалов. Рожан и Пултуск солидно укреплены, и форсирование реки между ними дает возможность выходом в тыл ускорить овладение этими пунктами, подобно тому как овладение куртиной вело к капитуляции соседних бастионов. Эти соображения были положены в основу плана предстоящих действий.

Указания Гальвица сводились к следующему: [1]

а) I армейский корпус должен дойти до Нарева (схема № 1), продолжая сковывать находящегося перед ним противника;

б) XIII армейский корпус должен овладеть Кржишевскими горами и открыть себе путь на Рожанскую укрепленную позицию;

в) XVII армейский корпус должен через Маков достигнуть района Шельков;

г) XI корпус с 1 гвардейской резервной и 50 резервной дивизиями должен продолжать наступление на Пултуск, направив названные дивизии с севера, а остальными выполнить захождение для наступления с запада;

д) XVII резервный корпус, которому возвращается бригада Пфейля, должен содействовать XI корпусу наступлением в полосе железной дороги на Насельск и правым флангом содействовать корпусу Дикгута наступлением на крепость Новогеоргиевск;

е) сводный корпус Дикгута должен продолжать блокировать крепость Новогеоргиевск до р. Вислы.

Эти распоряжения Гальвица показывают, что он вновь вернулся к своему первоначальному плану, изменилась лишь

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 54.

группировка войск в зависимости от достигнутого успеха. Распоряжения Гальвица были разосланы около полуночи на 17 (4) июля, и штабы корпусов тотчас выполнили рассылку своих распоряжений. Части войск приготовились к наступлению согласно этих указаний.

План Гинденбурга. В штабе восточного германского фронта отход русской армии считали решающим успехом и полагали возможным приступить к форсированию Нарева. Людендорф разработал план наступления армии Гальвица, считая, что случай обращения к нему за советом, служил как бы оправданием вмешательства в командование армией. Неожиданно для себя Гальвиц в 8 час. утра 17 (4) июля получил такие указания Гинденбурга:[1]

а) I армейский корпус должен наступать на Остроленку, оказывая правым флангом содействие XIII армейскому корпусу;

б) XIII армейский корпус должен достигнуть района д.д. Пержаново—Лась (не доходя Рожанских позиций русских);

в) XVII армейский корпус должен через Шельков достигнуть р. Нарева и приступить к переправе (Гальвиц ограничивал задачу достижением Шелькова);

г) XI армейский корпус, усиленный 1 гвардейской резервной дивизией, должен овладеть Пултуском (Гальвиц намечал лишь подход к укрепленной позиции русских);

д) XVII резервный и сводный корпуса должны блокировать Новогеоргиевск с севера, северо-запада и запада.

План Гальвица и план Людендорфа почти не отличаются по замыслу, но указания выполнения разнятся деталями. I армейскому корпусу указывается направление на Остроленку, т.-е. уточняется цель, поставленная Гальвицем—достигнуть Нарева. Так же поступает Людендорф по отношению остальных корпусов. Таким образом, оперативное мышление Гальвица и Людендорфа почти одинаковы, но Гальвиц стремится поставить войска в положение, дающее возможность начать подготовку к форсированию реки, а Людендорф допускает возможность теперь же приступить к форсированию. Такая однородность двух планов показывает одинаковость понимания обстановки высшим германским командным составом. Такой результат является последствием длительного воспитания на одной постоянной доктрине.

Однако, несмотря на столь большое сходство обоих планов, корпусам приходилось вносить в свои частные планы действий некоторые изменения и даже изменять группировку. Так как некоторые части войск уже начали движение, то эта перемена вызвала некоторую задержку, т.-е. потерю времени. Это обстоятельство дало русским выигрыш нескольких ча-

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 55.

сов, столь необходимых для лучшего размещения на новой позиции.

План Литвинова. В самом начале сражения Литвинов мог воспользоваться прибывающими IV и XXI корпусами для организации контр-маневра. Достижение цели этого маневра составило бы основание для выработки плана сражения. Отказавшись от контр-маневра, Литвинов ограничился пассивной обороной, т.-е. не имел определенного плана для ведения сражения, и должен был отзываться на каждое событие. Пассивная оборона требовала постоянного прилива подкреплений с тыла и таковые давались, что вело к введению в бой подходящих дивизий по частям. Так поступлено с 30 и 40 пехотными дивизиями, полки которых оказались в двух корпусах. Теперь то же делается с 33 пехотной дивизией, от которой бригада должна занять промежуток на стыке 12-й 1 армий.

Не имея определенного плана сражения, в основу которого легло бы стремление к поражению противника, Литвинов ограничился пассивной ролью—поддерживать с тыла фронт в тех местах, где он окажется слабым. Для выполнения такой цели надо было иметь резерв за разными участками фронта. Этот резерв, не по вине Литвинова, подвозился медленно, и ему пришлось разрывать административные соединения. Невыгода этого заставила отдать распоряжение—так разместить при отходе части IV армейского корпуса, чтобы можно было выделить их в отдельный корпусный участок. Эта мысль положена в основу выполнения отхода.

С передачей 33 пехотной дивизии в распоряжение Плешкова остается одна 44 пехотная дивизия (другая дивизия XXI корпуса), которой приказано сосредоточиться в районе д. Говорово, т.-е. далеко от фронта армии и за крайним правым флангом ее. Эта дивизия, высаживаясь в Острове, не могла поспеть в другой пункт, вследствие чего и было принято решение направить в Пултуск к центру армии I кавалерийский корпус.

Обращает внимание передача XXVII армейского корпуса в состав гарнизона крепости Новогеоргиевска, из чего видно, что вопрос о гарнизонах крепостей не был разработан ни в Ставке, ни в штабе фронта. К моменту отхода армии гарнизон Новогеоргиевска был незначителен и его недоставало для полной обороны крепости. По этой причине Литвинов ввел в гарнизон крепости XXVII армейский корпус, части которого (2 и 76 пехотной дивизии) ранее были расположены в районе крепости и были с нею знакомы.

Поправка Алексеева. Алексеев находил назначение XXVII армейского корпуса в состав гарнизона крепости нежелательным, так как полевые войска крайне нужны на фронте. Алексеев предложил Литвинову на замену XXVII корпуса на-

значить 11 Сибирскую дивизию, которая там может быть пополнена до штатного состава. Комендант крепости протестовал против такой комбинации, так как в крепости не было готовых пополнений, а получения их не предвиделось в скором времени. Тогда Алексеев решил вместо XXVII корпуса назначить 63 пехотную дивизию из состава 2-й армии, а XXVII корпус по его смене сосредоточить в районе Малкина в резерве фронта.[1] Кроме того, Алексеев приказал 2-й армии спешно перевести в Вышков 1 стрелковую бригаду, которая должна образовать резерв фронта позади 1-й армии.

Сравнение планов сторон. Германцы преследуют свой основной план—форсировать Нарев. Гальвиц и Людендорф разошлись только в оценке начального момента для переправы, и последний считает возможным приступить к этому без промедления.[2]

Литвинов с новым отходом армии продолжает проводить метод пассивной обороны, отказываясь от какого-либо контрманевра. Начатая перегруппировка направлена лишь к возможности иметь поддержку за центральным участком. Литвинов попрежнему рассчитывает на силу позиций и стойкость войск, но сам сделал немного для хорошего устройства позиций и для своевременной поддержки войск в окопах. Равным образом вопрос о боевых припасах остался в прежнем неудовлетворительном положении. В этом отношении особенно остро стоял вопрос в I Сибирском корпусе. Штаб армии обещал[3] выслать на автомобилях 600.000 ружейных патронов, но выслал только 32.000, которые не могли даже покрыть выдачу патронов в части 30 пехотной дивизии (100.000).

5 день сражения 17 (4) июля.

а) Положение I Сибирского корпуса.

Командиры германских корпусов около 9 час. получили новые указания Гальвица, основанные на плане Гинденбурга. Этот план требовал некоторой перегруппировки в распределении батарей и частных резервов, что потребовало времени, и наступление многие части могли начать только около полудня.

На занимаемый I Сибирским корпусом фронт были направлены:

а) правый фланг 2 пехотной дивизии (I армейского корпуса), которая наступала против участка д.д. Колаки—Славково (схема № 12);

---

[1] Дело № 433, стр. 49.
[2] Дело № 82062, стр. 117.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 57.

б) XIII армейский корпус—4 гвардейская дивизия на участок д.д. Славково—Жехово-Татсь, 3 пехотная дивизия на участок д.д. Жехово-Татсь—Кржишево-Борове[1] и 26 пехотная дивизия на участок д.д. Затсишье—Млодзяново;

в) XVII армейский корпус—35 пехотная дивизия на участок д.д. Млодзяново—Эльжбетово и 36 пехотная дивизия на участок д.д. Эльжбетово—Циборы;

г) из XI армейского корпуса—1 гвардейская резервдивизия на участок д.д. Циборы—Тлучницы и 50 резервная дивизия на участок д.д. Тлучницы—Тарново.

Подсчет сил показывает, что против I Сибирского корпуса, имеющего 38 батальонов, 24 эскадрона и 128 орудий, германцы направили 96 батальонов и 780 орудий. Почти тройные силы в отношении пехоты и почти шестерные в отношении числа орудий.

Части I Сибирского корпуса к 8 час. утра 17 (4) июля занимали такое положение:[2]

а) 2 Сибирская дивизия на участке от д. Гуты-Малы до большой дороги из д. Подосье в г. Маков по северным скатам Кржишевских гор (10 батальонов, 30 орудий);

б) 1 Сибирская дивизия с 21 Туркестанским полком от Кржишевских гор через д. Кржишево-Надречна до района д. Эльжбетово (12 батальонов, 44 орудия);

в) 30 пехотная дивизия от района фол. Романово до д. Малехи (7 батальонов, 42 орудия);

г) 14 кавалерийская дивизия с одним батальоном 20 Туркестанского полка, занявшим левый берег р. Сона (вост.) прикрывала от д. Карнево до д. Чарностово и наблюдала до д. Козлово (1 батальон, 24 эскадрона, 12 орудий);

д) у д. Затсишье 9 Туркестанский полк для ближайшей поддержки 21 Туркестанского полка, а батальон 20 Туркестанского полка и весь 10 Туркестанский полк у д. Тштсинец для поддержки 14 кавалерийской дивизии.

Из этого видно, что корпусного резерва не было, так как части 3 Туркестанской стрелковой бригады получили определенное назначение (поддерживать 21 Туркестанский полк и 14 кавалерийскую дивизию), хотя и считались в распоряжении Плешкова. Растянутый фронт I Сибирского корпуса (до 40 *км*) при отсутствии резерва представлял опасную позицию, наиболее слабую к востоку от р. Оржиц. Замедление в наступлении германцев давало возможность выиграть 3—4 часа для лучшего устройства окопов, но на более опасном участке германцы ранее всего начали наступление.

В распоряжение I Сибирского корпуса передана 33 пехотная дивизия, но она только в 1 час ночи на 17 (4) июля

---

[1] На схеме № 12—Борове написано вместо д. Каленчин (см. схему № 8).
[2] Дело № 147, стр. 179.

выступила из Острова[1] и к 8 час. утра ее авангардный полк подходил к д. Поникев-Дуже. Замедление германского наступления было не столь значительно, чтобы эта дивизия могла прибыть и составить корпусный резерв.

б) Бой I Сибирского корпуса до 15 часов.

Бой 2 Сибирской дивизии. Германские батареи около 5 час. начали артиллерийскую подготовку.[2] Однако их огонь не отличался большой меткостью, так как удачное расположение русских окопов маскировалось складками местности. Части 4 гвардейской германской дивизии могли начать наступление из района д. Гонсево после полудня. Как только передовые цепи были обнаружены на болотистой низине, сопровождающей верхнее течение р. Руж, так батареи 10 Сибирской и 2 Сибирской дивизий взяли их под перекрестный огонь. К сожалению, недостаток снарядов не позволял развить интенсивный огонь, но все-таки движение германцев было замедлено, и около 15 час. германцы, дойдя до линии южнее д. Замостье и д. Жехово-Татсь, остановились, видимо выжидая результата наступления соседних частей. В то же время части 2 пехотной германской дивизии наступали восточнее низины на д.д. Сыпнево—Мамино. Участок д.д. Хелхи—Славково прикрывался 19 драгунским полком, который оказался слабым, чтобы задержать натиск германской пехоты. и начал отходить назад к д. Глинское, рассчитывая укрыться в небольшом лесу. Вследствие этого германцы овладели д. Хелхи, потеснив левый фланг 37 Сибирского полка, угрожая ему обходом.

Обстановка на правом фланге 2 Сибирской дивизии складывалась так, что штаб 1-й армии начал опасаться здесь прорыва и обхода. Литвинов обратился к Чурину, командующему 12-й армией, с просьбой оказать содействие ударом во фланг германской группы, наступающей со стороны д. Гонсево, хотя бы конницей.[3] Идя навстречу этой просьбе, Чурин приказал начальнику 1 отдельной кавалерийской бригады Бендереву подтянуть другой полк бригады (16 гусарский) и оказать полное содействие 2 Сибирской дивизии.

Между тем авангардный полк 33 пехотной дивизии успел подойти и развернуться на позиции от д. Беджице-Козегловы до д. Беджице[4]-Старавесь.[5] Таким образом, правый фланг

---

[1] Дело № 82063, стр. 197.
[2] Дело № 156185, стр. 11.
[3] Дело № 82062, стр. 162.
[4] На схеме № 12 вместо Беджице—Седжице.
[5] Дело № 156185, стр. 12.

2 Сибирской дивизии к 15 час. был обеспечен от ближнего обхода.

3 пехотная германская дивизия, переправлявшаяся всю ночь у д. Подосье, сосредоточилась в районе д. Завады и после полудня начала наступление, направляя свой главный удар в направлении на д. Тсесёрка, с целью преодолеть менее высокий участок Кржишевских гор. Условия местности облегчали оборону, и все попытки германцев атаковать русских были неудачны. [1]

К 15 час. все полки 2 Сибирской дивизии продолжали удерживаться на прежней позиции.

Бой 1 Сибирской дивизии. Левый фланг 26 пехотной германской дивизии переправился через Оржиц у д. Ленг и около 13 час. начал наступление в направлении на д. Затсишье, имея целью обойти с запада Кржишевские горы. Находившийся в этом участке 21 Туркестанский полк был поддержан батальоном 9 Туркестанского полка и атака германцев была отбита, [2] при содействии русских батарей. Наблюдатель 2 Сибирского полка отмечает хорошую их стрельбу, которая сметала германские цепи. [3]

Правый фланг 26 германской дивизии стремился переправиться в районе Млодзяново, оказывая содействие соседней 35 пехотной германской дивизии. Здесь на участке 3 Сибирского полка огонь германских батарей начался с 11 час. и постепенно принимал характер урагана, но все попытки германцев форсировать Оржиц были неудачны. [4]

4 Сибирский полк занимал позицию, образующую у южной окраины д. Эльжбетово исходящий угол; в то же время северная окраина этой деревни была занята германцами. Здесь на участок полка Млодзяново—Эльжбетово вела атаку вся 35 пехотная германская дивизия. Особенно сильный натиск был в районе Млодзяново, где германцы стремились форсировать Оржиц. [5] Под сильным натиском правый фланг 4 Сибирского полка начал медленно отходить назад, так как стрелки израсходовали весь запас патронов. На поддержку правого фланга было направлено три роты 1 Сибирского полка из д. Обецаново.

В то же время германцы (правый фланг 35 пехотной дивизии) вели атаку через д. Эльжбетово. Стрелки 4 Сибирского полка до 10 час. удерживались на южной окраине деревни, но, угрожаемые обходом, принуждены начать отход. Южнее находились части 120 пехотного полка, которые быстро отошли, и сюда был направлен сначала один, а потом другой батальон

---

[1] Дело № 84522, стр. 3.
[2] Дело № 45670, стр. 11.
[3] Дело № 97444, стр. 21.
[4] Дело № 97446, стр. 8.
[5] Дело № 97447, стр. 3.

1 Сибирского полка. Часть рот 120 пехотного полка, оставшихся на месте, попали в участок 1 Сибирского полка. Около 13 час., когда германцы начали подготовлять атаку (части 36 пехотной дивизии), по цепям полка было передано как распоряжение—при подходе германцев поднять белые флаги и сдаться в плен. Командир 1 Сибирского полка лично произвел расследование, переходя из окопа в окоп. Выяснилось, что это было делом нескольких рот 120 пехотного полка.[1] Около 14 час. германцы произвели атаку, часть рот 120 пехотного полка сдалась, а роты 1 Сибирского полка принуждены начать отход через Закшево и Романово на Слонявы, так как во многих ротах осталось по 30 штыков.

Бой 30 пехотной дивизии. Часть 36 пехотной и почти вся 1 гвардейская резервная германские дивизии атаковали участок, занимаемый частями 30 пехотной русской дивизии. Полки этой дивизии находились в очень скверных условиях. Их обозы 2 разряда и парки только что начали подходить к Пултуску. Патроны приходилось получать от 1 Сибирской дивизии, она же уделяла немного хлеба, но люди не могли быть сыты. Они были крайне утомлены, страдали физически и имели пониженное моральное состояние. При таком положении у многих солдат явилась идея отдаться в плен, где они рассчитывали найти отдых и пищу. Такое настроение не способствовало стойкости, и полки дивизии при натиске германцев, начатом после полудня, начали отходить, теряя много без вести пропавшими.

К 14 час. удалось задержаться на линии д.д. Осница—Бронищи—Карнево.[2]

Бой 14 кавалерийской дивизии. 50 резервная германская дивизия должна была выждать подхода отставших и наступала весьма медленно, что отмечает германский историк.[3] Только к 14 час. ее передовые части достигли района д. Голымин-Нове, вследствие чего 1 бригада 14 кавалерийской дивизии удержалась в занимаемом положении.

в) Решение Литвинова.

К 14 час. в штабе армии сложилось представление, что I Сибирскому корпусу грозит прорыв фронта на западном участке. Левый фланг 1 Сибирской дивизии и 30 пехотная дивизия отходили под давлением превосходных сил, и штаб армии не имел возможности оказать немедленную поддержку Казалось, что лучшим выходом из создавшегося положения будет немедленный отход. Приняв такое решение, Литвинов

---

[1] Дело № 97441, стр. 259.
[2] Дело № 97030, стр. 188.
[3] Meyer, Durchbruch am Narew, стр. 58.

послал Плешкову такое приказание:[1] „В случае вынужденного отхода 30 пехотной дивизии, отвести ее на участок Пултуской укрепленной позиции от д. Хмелево до д. Козловка, а обе дивизии I Сибирского корпуса отвести на левый берег Нарева в связи с отходом 10 Сибирской дивизии".

Это распоряжение поражает своей необдуманностью. Здесь позади 30 пехотной дивизии находились $1^1/_2$ полка 3 Туркестанской стрелковой бригады, к Пултуску подходил 160 пехотный полк, обе дивизии I кавалерийского корпуса были на пути в Пултуск и прошли Сероцк. В итоге к опасному участку постепенно могли быть подтянуты 7 батальонов, 48 эскадронов, 30 орудий. Положение было не столь безнадежно, чтобы отводить за Нарев I Сибирский корпус, к правому флангу которого подходила 33 пехотная дивизия.

Повидимому, указанные здесь соображения потом были приняты в расчет. Плешков около 15 час. получил распоряжение об отводе обеих Сибирских дивизий за Нарев, а через четверть часа последовала отмена этого отхода и приказано держаться самым упорным образом.[2] Вместе с этим участок 30 пехотной и 14 кавалерийской дивизий должен перейти в подчинение штаба IV армейского корпуса, а в подчинении Плешкова остаются коренные дивизии I Сибирского корпуса и 33 пехотная дивизия. Разграничительной линией между I Сибирским и IV армейским корпусами назначена линия д.д. Млодзяново, Слонявы, Хмелево.

Распоряжение об отходе двух Сибирских дивизий за Нарев было ошибкой. Эта ошибка исправляется, но тут же делается другая. Как бы ни было выгодно разделить участок Плешкова на два корпусных участка, но делать это во время боя—недопустимо. Только что прибывшему штабу IV армейского корпуса надо ознакомиться с обстановкой, надо провести линии связи и войти в курс боевых событий. Все это требует значительного времени и не может выполняться с нужной штабу армии быстротой. Все показывает ту же необдуманность. Решения большой важности принимаются сплеча.

Этот эпизод красноречиво выявляет работу штаба 1-й руской армии. Оперативная часть штаба многого не знала, примеры чего были приведены ранее, очень мало обдумывала распоряжения, даваемые к подписи Литвинова. Все это показывает, что со стороны штаба не было делового отношения к сражению. Если не признавалось возможным предпринять какой-либо соответствующий контр-маневр, то надо было составить определенный план борьбы. Тогда все распоряжения находили бы в этом плане свое основание, все перемещения

---

[1] Дело № 43034, стр. 78.
[2] Дело № 43034, стр. 81.

частей были бы целесообразны. Этого не было, решения принимаются сгоряча и потом через 15 минут отменяются и заменяются другими. Эта необоснованность решений передается в штаб I Сибирского корпуса и там находит себе полное применение во вторую половину боя этого дня.

г) Бой I Сибирского корпуса после 15 часов.

Бой 2 Сибирской дивизии. Отход левого фланга 10 Сибирской дивизии от д. Хелха и 19 драгунского полка к д. Глинское дали возможность 4 гвардейской германской дивизии продолжать свой натиск (схема № 12). Германцы атаковали полк 33 пехотной дивизии и к 16 час. заняли д. Беджице-Старовесь, заставив русских отходить к линии д.д. Заленже-Поникевка—Гуты-Дужи, что прикрывало правый фланг 2 Сибирской дивизии от ближнего обхода.[1]

Главные силы 33 пехотной дивизии к этому времени достигли д. Шиги. Участок между д. Глинское и д. Заленже-Поникевка не был прикрыт никем, кроме небольших разъездов от 19 драгунского полка. 16 гусарский полк к этому времени переправлялся вброд через Нарев у д. Каменка. Обстановка на левом фланге 10 Сибирской дивизии способствовала проникновению германцев на стыке двух армий.

Полки 2 Сибирской дивизии продолжали удерживать свои позиции и попытки германцев сбить русских предпринимались небольшими частями и оканчивались неудачно.[2]

Таким образом 2 Сибирская дивизия прочно удерживала свой участок и подход 33 пехотной дивизии позволял не опасаться проникновения противника в полосе р. Руж.

Бой 1 Сибирской дивизии. Положение 1 Сибирской дивизии не было таким прочным. В полосе правого берега Оржица 35 и 36 пехотные германские дивизии продолжали теснить части 1 и 4 Сибирских полков. Для их поддержки были направлены по одному батальону от 9 Туркестанского полка из д. Затсишье и от 20 Туркестанского полка из д. Тштсинец.[3] Потом переброшен к Макову весь 9 Туркестанский полк.

Отход правого фланга 4 Сибирского полка от д. Млодзяново позволил левому флангу 35 пехотной германской дивизии подготовиться к переправе южнее д. Млодзяново. 3 Сибирский полк мог обеспечить участок д.д. Млодзяново—Обецаново только 10 ротой, сил которой было недостаточно для противодействия переправе на участке до 2 *км.*[4] Благо-

---

[1] Дело № 82062, стр. 175.
[2] Дело № 84522, стр. 3.
[3] Дело № 97441, стр. 262.
[4] Дело № 97446, стр. 8.

даря этому германцам удалось переправить несколько рот на левый берег Оржица [1] и начать распространяться как в тылу 3 Сибирского полка, так и обходить правый фланг 4 Сибирского полка, продолжавший держаться в небольшой роще севернее д. Обецаново.

В то же время натиск германцев на фронт 4 и 1 Сибирских полков не прекращался. Около 17 час. части 35 и 36 пехотных германских дивизий с двух сторон атаковали в районе д. Слонявы и заставили роты 4 и 1 Сибирских полков отходить, но в это время подошел батальон 20 Туркестанского полка и при его содействии удалось задержаться на гребне холмов западнее Макова. [2]

К 18 час. вокруг Макова находились: [3] а) с севера—смешанные части 4 и 1 Сибирских полков, б) с запада—смешанные части 4 и 1 Сибирских полков с батальоном 9 Туркестанского полка и в) с юга—части 1 Сибирского полка с батальоном 20 Туркестанского полка.

Панневиц видел, что XIII корпус не может сбить русских с Кржишевских гор и поэтому считал необходимым скорее форсировать Оржиц и направить удар южнее этих гор с целью открыть дорогу дивизиям XIII корпуса. [4] Для выполнения этой цели он решил воспользоваться переправой левого фланга 35 пехотной дивизии и направить удар вдоль Оржица в тыл Макова, рассчитывая устроить маленькие Канны и открыть себе дорогу на Шельков.

Пока на правом берегу Оржица происходило описанное выше, на левом берегу этой реки правый участок 1 Сибирской дивизии продолжал стойко удерживать занятые позиции. Переправа германцев южнее д. Млодзяново и сильный фланговый огонь из этой деревни по левому флангу 3 Сибирского полка заставили под угрозой удара с тыла оттянуть этот полк на опушку ближайшего леса. [5] Этот отход дал стрелкам незначительное укрытие на опушке леса. Пользуясь этим отходом, правый фланг 26 пехотной германской дивизии также перешел Оржиц и пытался атаковать лес, но встретил такой сильный отпор, особенно пулеметным огнем, что должен был с большими потерями отойти. Германский историк рассказывает, [6] что против этого пулеметного гнезда пришлось сосредоточить огонь нескольких батарей, которым были разбиты пулеметы и уничтожен целый батальон русских. Однако, этого архивные документы не подтверждают.

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 58.
[2] Дело № 97447, стр. 4.
[3] Дело № 97441, стр. 264.
[4] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 58.
[5] Дело № 97446, стр. 8.
[6] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 58, 59.

2 Сибирский и 21 Туркестанский полки продолжали оставаться на месте и отражали небольшие попытки германцев атаковать их окопы. [1]

д) Бой IV армейского корпуса после 15 час.

Около 15 час. 50 резервная германская дивизия закончила развертывание на линии д.д. Тлучницы—Меженец и начала наступление на фронт д.д. Карнево—Швелицы. Части 14 кавалерийской дивизии под давлением германцев начали отход. Части 10 и 20 Туркестанских полков заняли широкую позицию (до 8 *км*) на левом берегу р. Сона и южнее Чарностово для прикрытия отхода частей 14 кавалерийской дивизии, которые постепенно занимали подходящие участки в интервалах туркестанских стрелков. В общем получилась тонкая и длинная линия, которую германцы очень скоро прорвали в разных пунктах и русским пришлось отходить. Этот отход начался около 17 час.

Полки 30 пехотной дивизии до 16 час. держались на линии д.д. Осница—Бронищи—Карнево, но с отходом справа частей 1 Сибирской дивизии, а слева частей 14 кавалерийской дивизии их положение ухудшилось. При новом натиске 1 гвардейской резервной германской дивизии полки 30 пехотной дивизии начали отход к линии д.д. Хшаново-Марки—Помаски-Ковнаты. К этому времени к д. Помаски-Вельке подошел 160 пехотный полк, и штаб IV армейского корпуса решил направить его в контр-атаку с целью остановить натиск германцев. Этот полк развернулся на линии д.д. Хшаново, Годавы—Секуты, но германцы уже успели занять д. Шлясы-Злотки. Контр-атака 160 пехотного полка встретила сильное противодействие и скоро замерла. [2]

е) Новое решение Литвинова.

К 18 час. обстановка, сложившаяся на правом берегу р. Оржиц, крайне тревожила Литвинова, и он решает вернуться к своему первому предположению—отойти I Сибирским корпусом за Нарев, а IV корпусом на Пултускую позицию. Контр-атака 160 пехотного полка не удалась, и казалось ему, что потеряна всякая надежда удержаться, прорыв фронта представлялся неизбежным. В 18 час. 20 мин. Литвинов послал такую директиву: [3]

а) I Сибирскому корпусу занять 33 пехотной дивизией Рожанскую укрепленную позицию, а остальные части отвести

---

[1] Дело № 97444, стр. 22.
[2] Дело № 82062, стр. 175, 187.
[3] Дело № 43034, стр. 86.

на левый берег Нарева, мосты у Орлово и Замбски уничтожить и наблюдать реку до смены частями I кавалерийского корпуса (схема № 12).

б) IV армейскому корпусу занять участок Пултуской укрепленной позиции от д. Хмелево до д. Пшеводово.

в) I кавалерийскому корпусу сменить части I Сибирского корпуса и наблюдать р. Нарев от д. Дзбондзек до д. Павловек.

Несомненно, что Литвинов преувеличивал опасность прорыва, так как 2 Сибирская дивизия прочно держалась на Кржишевских горах, 33 пехотная дивизия подошла и могла принять участие в бою, подходил 158 пехотный полк и обе кавалерийские дивизии I кавалерийского корпуса. В тяжелом положении находились левый фланг 1 Сибирской дивизии и весь фронт 30 пехотной и 14 кавалерийской дивизий. Названные выше части уже приближались к Пултуску и могли оказать содействие 30 пехотной дивизии и, во всяком случае прикрыли бы прорыв на этом участке.

Более часа потребовалось на то, чтобы убедить Литвинова в возможности задержать противника впереди Пултуской позиции. Сюда же можно было подтянуть 44 пехотную дивизию и считать свое положение достаточно прочным. Около 19 час. 30 мин. Литвинов дал свое согласие на отмену директивы,[1] посланной в 18 час. 20 мин., но уже было поздно: штабы корпусов поторопились разослать распоряжения об отходе, и многие части начали их выполнять.

Плешков ответил, что с падением Макова положение корпуса будет опасно, так как большие потери 1 Сибирской дивизии не дают надежды удержаться на правом берегу Нарева. Это положение становится еще более тяжелым, так как ощущается большая нужда в винтовочных патронах. Литвинов тотчас приказал послать в I Сибирский корпус 70.000 патронов из Вышкова на грузовых автомобилях,[2] но частям корпуса было надо несколько миллионов. Такое подкрепление запаса патронов было крайне ничтожно и не могло оказать благоприятного влияния на ход боя.

В этот день Литвинов два раза приходил к решению начать отход и два раза отменял свои решения. Это показывает его впечатлительность и готовность подчиниться воле противника. В первый раз отмена была принята через 15 мин., и штаб I Сибирского корпуса еще не успел разослать распоряжений. Во второй раз отмена последовала через 70 мин. За это время распоряжения об отходе не только были разосланы, но многие части начали движение. Германцы тотчас заняли оставленные русскими окопы. Отмена отхода была

---

[1] Дело № 43034, стр. 88.
[2] Дело № 82062, стр. 186, 207, 211.

равносильна переходу в наступление с целью выбить противника из только что брошенных окопов. Такая задача при малочисленности частей и недостатке боевых припасов была непосильна, и Литвинову пришлось примириться с совершившимся фактом, как результатом его нерешительности и пассивности.

ж) Отход I Сибирского и IV армейского корпусов.

Отход 33 пехотной дивизии. Ко времени получения распоряжения об отходе бригада 33 пехотной дивизии занимала позицию на линии д.д. Заленже-Выпихи—Высекиры—Гуты-Дужи, а другая бригада оставалась у д. Шиги. Полоса по обоим берегам р. Руж прикрывалась 1 отдельной кавалерийской бригадой Бендерева и еще правее левый фланг 10 Сибирской дивизии отходил на д. Кртшево. Германцы (2 пехотная дивизия) наступали по обоим берегам р. Руж. При такой обстановке 33 пехотная дивизия должна была временно задержаться для обеспечения 2 Сибирской дивизии, которая должна через Рожан отойти на левый берег Нарева [1] (схема №12).

Германцы около полночи прекратили бой, и 33 пехотная дивизия начала отход беспрепятственно в 4 часа утра 18 (5) июля и к 9 час. заняла 1-ю линию Рожанской укрепленной позиции, [2] имея один полк в резерве.

Отход 2 Сибирской дивизии. Этой дивизии надо было согласовать свой отход с событиями продолжающейся борьбы в 1 Сибирской дивизии и в то же время надо было спешить с отходом на Рожан, пока пути прикрыты частями 33 пехотной дивизии. 6 и 8 Сибирские полки начали отход около 22 час., оставив на позиции до 23 час. сильные арьергарды. [3] Оба полка отходили через д. Поникев-Вельке и к 5 час. 18 (5) июля достигли Рожан. Арьергарды задержались у д. Поникев-Вельке до 6 час. и потом присоединились к полкам. Германцы преследовали арьергард небольшими разведывательными частями.

5 и 7 Сибирские полки начали отход около 21 часа, [4] оставив на позиции небольшие арьергарды, так как 3 пехотная германская дивизия с 19 час. прекратила наступательные попытки. Гористая местность заставила отходить небольшими частями и сосредоточиться у д. Домбровка. Сосредоточение закончилось к 23 час. Послав приказание арьергардам начать отход, оба полка отходили через д. Марьямполь на Рожан. Арьергарды отходили спокойно. [5]

---

[1] Дело № 97786, стр. 58.
[2] Дело № 97444, стр. 23.
[3] Дело № 84522, стр. 3.
[4] Дело № 156185, стр. 4.
[5] Дело № 97454, стр. 8.

2 Сибирская дивизия собралась к 6 час. 18 (5) июля южнее Рожан в казармах мирного времени и потом по полкам втечение дня сосредоточилась к вечеру в лесу у д. Поникев-Дужи. На другой день дивизия была направлена в район Вышкова (схема № 1) в резерв армии.

Отход 1 Сибирской дивизии. К $18^1/_2$ час.—ко времени получения распоряжения об отходе—дивизия занимала фронт: а) от Кржишевских гор до д. Кржишево-Надречна—21 Туркестанским и 2 Сибирским полками; б) 3 Сибирский полк занимал опушку леса на линии д.д. Кржишево-Надречна—Обецаново; в) части 4 и 1 Сибирских и 9 и 20 Туркестанских полков прикрывали Маков. Связь с частями 30 пехотной дивизии была утрачена. Около 19 час. германцы начали атаку Макова, подготовив ее ураганным огнем своих батарей со стороны д.д. Закшево и Слонявы.[1]

Перемешавшиеся между собой части Сибирских и Туркестанских полков держались стойко, но превосходство сил было на стороне германцев, и около $19^1/_2$ час. им удалось с севера и запада ворваться в горящий город. Русские отошли на левый берег Оржица. 4 Сибирский полк стремился прикрыть мост и занял обрывистый берег реки[2] и предместье Базар-Гжанка и д. Янково. 1 Сибирский и 9 Туркестанский полки заняли позицию у д. Маковица, прикрывая шоссе на Шельков. Батальон 20 Туркестанского полка через д. Тсепелево направлен на присоединение к полку.

3 Сибирский полк с переходом правого фланга 26 пехотной германской дивизии Оржица подвергся сильному фронтальному огню, от которого редкая опушка леса не представляла укрытия. В то же время фланговый огонь батарей 35 пехотной германской дивизии еще более усилился, и германская пехота стала обходить левый фланг полка.[3] Сложившаяся обстановка с захватом германцами Макова стала еще более тяжелой, и командир полка решил начать отход на д. Уляска,[4] послав уведомление 2 Сибирскому полку. Приходилось отходить с боем и к 20 час. части полка находились на опушке леса у д. Уляска.

2 Сибирский полк имел распоряжение отходить на Шельков через д. Маковица, но там теперь шел бой 1 Сибирского и 9 Туркестанского полков. Эта причина заставила принять решение отходить восточнее на д. Севериново.[5] Отход начался около 22 час. Находившийся правее 21 Туркестанский полк задержался на своей позиции до 23 час. и потом начал

[1] Дело № 97441 стр. 265.
[2] Дело № 97447, стр. 4.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 58.
[4] Дело № 97446, стр. 9, 10.
[5] Дело № 97444, стр. 22, 23.

отход на д. Червонка.[1] Таким образом правому флангу 1 Сибирской дивизии ввиду падения Макова и перехода германцами Оржица пришлось изменить, по частной инициативе, направление своего отхода.

Между тем части 36 пехотной германской дивизии усиливались на левом берегу Оржица у Макова и стали теснить стрелков, которые напрягали последние силы, чтобы удержаться. 3 Сибирский полк предполагал перейти в короткое наступление с целью ослабить натиск противника и задержал свой отход.[2] Эта задержка дала возможность 2 Сибирскому и 21 Туркестанскому полкам выйти на линию большой дороги из Макова в д. Залесье. К этому времени германцы остановились и прекратили бой. С полночи части 1 Сибирской дивизии могли отходить спокойно, прикрываясь арьергардами.

21 Туркестанский и 2 Сибирский полки отошли к Рожан, куда прибыли к 5 час. утра 18 (5) июля,[3] при чем 2 Сибирский полк способствовал отходу левого фланга 33 пехотной дивизии. 3 Сибирский полк оставил арьергард у д. Янополе и под его прикрытием сосредоточился у д. Тлущ. Отсюда полк отходил на д. Орлово и к 8 час. 18 (5) июля закончил переправу на левый берег Нарева.

1 Сибирский и 4 Сибирский полки (наиболее пострадавшие) отошли к Рожан и только 9 Туркестанский полк был направлен на д. Замбски.

Втечение 18 (5) июля полки 1 Сибирской дивизии перешли в лес у д. Юрги в резерв армии, а прикрытие участка Нарева было возложено: а) на команды пеших и конных разведчиков на линии д.д. Ситно-Лахи,[4] б) на 21 Туркестанский полк на участке от района д. Острый-Кол до д. Лахи и в) на 9 Туркестанский полк на участке от д. Ситно до д. Гнойно.[5]

Таким образом, обе дивизии I Сибирского корпуса оказались восточнее Рожан и до полудня 18 (5) июля участок Нарева между укрепленными позициями Рожанской и Пултуской не был прикрыт никем. Части I кавалерийского корпуса прибыли только к вечеру этого дня, и так как мосты у Орлово и Замбски не были уничтожены, то Орановский выдвинул на правый берег Нарева авангарды 6 и 8 кавалерийской дивизий, чем исправил ошибку Литвинова.

Отход IV армейского корпуса. Части 30 пехотной дивизии находились в периоде отхода и штаб IV армейского корпуса решил продолжать отход. Германцы около 20 час. прекратили бой и вследствие этого можно было спокойно устроиться на новой позиции. К утру 18 (5) июля позиция была

---

[1] Дело № 45640, стр. 11.
[2] Дело № 97446, стр. 10.
[3] Дело № 97444, стр. 23.
[4] Дело № 97786, стр. 58.
[5] Дело № 45670, стр. 11.

занята:[1] а) правый участок от д. Хмелево до д. Швелице (схема № 12) 10 Туркестанский полк, батальон 158 пехотного полка и остатки 119 (200 штыков) и 120 (400 штыков) пехотных полков; б) левый участок от д. Швелице до д. Козлово—117 пехотный полк. В резерве остались три батальона 158 и весь 160 пехотный полк — у д. Бялобржеги.

14 кавалерийская дивизия снята с фронта и направлена в резерв I кавалерийского корпуса.

Обозы 2 разряда полков 30 и 40 пехотной дивизии собрались в районе Вышкова (схема № 1). Здесь же выгружались парки этих дивизий. К вечеру 18 (5) июля они подошли к районам своих частей и могли начать работу снабжения.[2]

з) Бой I Туркестанского корпуса.

Перемена плана Плюсковым. Согласно указаний Гальвица, Плюсков решил развернуть свои дивизии от д. Голымин-Старе до ст. Гонсотсин и наступать против исходящего угла Пултуской укрепленной позиции. Дивизии в 5 час. 17 (4) июля начали наступление и достигли линии д. Голымин-Старе—Тарново — Гонсотсин (схема № 11), когда были получены новые указания по директиве Гинденбурга. Плюсков остановил наступление и начал перегруппировку.[3] 1 гвардейская резервная и 50 резервная дивизии должны были изменить направление движения и вместо юга направить удар на юго-восток, вследствие чего им пришлось передвинуться ближе к флангу 36 пехотной дивизии и наступать совместно с XVII армейским корпусом, дабы выйти на северный фронт Пултуской позиции. 86 и 38 пехотные дивизии должны были несколько уширить свой фронт и переместиться к востоку, дабы дать место бригаде Пфейля, составившей левый фланг XVII резервного корпуса, для наступления в полосе железной дороги на Насельск. 85 ландверная дивизия этого корпуса должна была наступать через м. Ново-Място на Тсексин для обложения крепости Новогеоргиевска.

Эта перемена плана и перемещения частей, в общем незначительные, вызвали, однако, замедление наступления до 13 час. Таким образом, вмешательство фронта в распоряжения армии вызвали потерю не менее 5—6 часов. Это время было подарено частям I Туркестанского корпуса, которые получили возможность, пользуясь затишьем, разобраться и устроиться на своей новой позиции.

Положение I Туркестанского корпуса. Стремясь выделить части IV армейского корпуса на отдельный участок, Шейдеман 159 пехотным полком занял участок Пултуской укре-

---

[1] Дело № 94240, стр. 13.
[2] Дело № 94240, стр. 15.
[3] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 56.

пленной позиции от д. Козлово до д. Пшеводово, а подошедшим 157 пехотным полком—участок той же позиции от Пшеводов до д. Скоженица. В тылу этого участка у д. Бульково-Старе сосредоточился в резерве 118 пехотный полк, в котором было 2.200 штыков.[1] Таким образом, части I Туркестанского корпуса были сняты с Пултуской позиции и расположились к ней почти под прямым углом.

1 Туркестанская стрелковая бригада (1, 3, 4, 11 и 12 Туркестанские полки) заняла участок на линии д.д. Скоженица—Ковалевицы через линию железной дороги до Слустово, имея в резерве 2 Туркестанский полк. 2 Туркестанская стрелковая бригада заняла остальной участок корпуса на линии д.д. Слустово — Тсексин (6 Туркестанский и 5 пехотный полки). В резерве корпуса в районе Насельска собрались: а) 11 Сибирская дивизия, в которой осталось только 1.500 штыков,[2] без пулеметов, без средств связи, вследствие чего она не могла занимать самостоятельного участка; б) 5, 7 и 8 Туркестанские полки, из которых удалось собрать лишь два слабых батальона и они потеряли значение боевых единиц.

Усиление корпуса 5 пехотным полком (из XXVII корпуса) Шейдеман считал недостаточным и поэтому просил Литвинова—если нельзя усилить, то следует сократить фронт. Литвинов согласился и в 20 час. послал приказание коменданту крепости Новогеоргиевск сменить частями XXVII корпуса левый участок I Туркестанского корпуса до д. Ковалевицы. Это распоряжение было выполнено к вечеру 18 (5) июля, при чем Туркестанская казачья бригада временно перешла в подчинение коменданта крепости.[3]

В 13 час. германцы начали наступление. Подсчет сил показывает, что на участок I Туркестанского корпуса наступало 36 батальонов, 284 орудия. I Туркестанский корпус насчитывал к этому времени 34 батальона, 108 орудий. Таким образом, силы сторон были почти равны (кроме артиллерии).

Германцы, повидимому, чувствовали недостаточность сил для решительной атаки, наступали осторожно и к вечеру достигли: 86 пехотная дивизия—участка д.д. Осек—Шишки, 38 пехотная дивизия—линии д.д. Шишки—Годачи, бригада Пфейля—района Годачи и 85 ландверная дивизия заняла м. Нове-Място, заставив 5 Оренбургский казачий полк отойти к линии д.д. Владиславово—Мишево.[4]

Бой носил преимущественно огневой характер. В 21 час Литвинов решил части IV армейского корпуса с их позицией передать в подчинение штаба IV армейского корпуса,[5] что было выполнено втечение ночи.

[1] Дело № 94240, стр. 15.
[2] Дело № 43036, стр. 53.
[3] Дело № 43036, стр. 81, 89.
[4] Дело № 43018, стр. 24.
[5] Дело № 43036, стр. 55.

Заключение о третьем периоде сражения.

Вмешательство Людендорфа в распоряжения Гальвица повело к тому, что все части германской ударной группы потеряли 4—6 часов времени и в результате не могли выполнить даже задач, поставленных Гальвицем. Эти задачи были скромнее задач, предложенных Людендорфом. Только XVII армейский корпус Панневица при содействии слева 26 пехотной дивизии и справа 1 гвардейской резервной и 50 резервной дивизий мог форсировать Оржиц, но до района Шелькова не дошел, а тем более не мог достигнуть Нарева и начать переправу, как этого хотел Людендорф. Однако, удар Панневица был достаточно силен, чтобы сбить три полка 1 Сибирской и три полка 30 пехотной русских дивизий. На этом участке почти тройное превосходство сил сделало свое дело только отчасти, так как русские до темноты держались и лишь ночью оторвались от противника.

Праснышское сражение, начатое с целью достигнуть р. Нарева, в третий период вылилось в форсирование Оржица, и конечная цель не достигнута. Таким образом 12-я германская армия потерпела стратегическую неудачу, не достигнув своей цели, но она значительно приблизилась к Нареву и расстроила много русских полков, т.-е. имела полный тактический успех.

Будь в это время у русских сильные подкрепления и запас боевых припасов, то их контр-удар мог бы отбросить германцев назад без больших усилий, так как за пять дней непрерывного боя силы людей и лошадей были надломлены, в снабжении боевыми припасами случались перебои и численность войск уменьшилась почти на 25%. Можно считать почти правилом, что в современном длительном бою тактический победитель мало отличается по состоянию войск от побежденного, и удар свежих сил, подобно тому, как сделал Наполеон у Маренго, может изменить судьбу сражения.

Из опыта третьего периода германское командование могло видеть неудобства вмешательства в распоряжения армии сверху. Противник успел ускользнуть от разгрома и занять предмостные позиции у Рожан и Пултуска. Приходится менять план действий, для чего выполнить перегруппировку, подтянуть тылы. Все это заняло 18 (5) июля, и только с 19 (6) июля германцы продолжали наступление, но это уже было новое сражение за участок Нарева, которое продолжалось 17 дней.

Втечение 17 (4) июля (3-й период сражения) Литвинов продолжал пассивную оборону, переходил от решения отходить к решению держаться и кончил тем, что признал отход совершившимся в силу обстановки. При этом указания Литвинова об отходе I Сибирского корпуса на участок Рожан—Пултуск выполнены не были. Обе Сибирские дивизии отошли

к Рожан, и указанный участок до полудня 18 (5) июля не был никем прикрыт. Германцы легко могли бы воспользоваться этим и форсировать реку, но они были сами утомлены и готовились к новому сражению, не использовав оплошности русских.

В ночь на 18 (5) июля Литвинов сообщил командирам корпусов свое заключение о характере сражения.[1] Он считал, что германцы, кроме артиллерии, в сущности не имели значительного превосходства в силах, но они деятельно маневрировали и последовательно сосредоточивали ударную группу на том или другом участке. Это заключение побуждает его предложить командирам корпусов для успеха борьбы выделять сильные резервы, которые могли бы способствовать организации контр-маневра.

Этот совет в сущности составляет метод борьбы, предложенный Алексеевым в начале июня,[2] но не принятый командующими армиями. Только опыт борьбы заставлял их переходить к этому методу. Однако, Литвинов не берет его в масштабе армии, а лишь советует командирам корпусов. В этом сказывается та пассивность, которая руководила действиями Литвинова и его ближайших помощников Одешелидзе и Рычкова. Указание Литвинова корпусам выполнять труднее, чем самой армии организовать контр-маневр.

---

[1] Дело № 43034, стр. 83.
[2] Дело № 438, стр. 166.

IX. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

а) Причины тактического успеха германцев.

Всякий успех в бою базируется на своем уменьи и на неуменьи противника. Так было и в Праснышском сражении. Имея четверное превосходство в числе орудий, было естественно основывать успех на этом преимуществе в артиллерии. На участках удара германцам удавалось сосредоточивать число орудий, которое превышало число орудий русских в 8—10 раз. Такая масса орудий позволяла применять *огневой молот*, который в несколько часов интенсивной работы и траты огромного числа снарядов сметал с лица земли русские окопы, деморализовал их защитников и, в сущности, завершал завоевание пространства. Германской пехоте оставалось только закрепить взятое.

Одно техническое преимущество еще не могло обеспечить полный успех. Огневой молот, разрушая все на своем пути, не может окончательно сломить моральные силы врага. Нужен сильный удар живой силой. Германцы сосредоточивали почти тройные силы пехоты. Но и при таком превосходстве германцам не всегда легко доставался успех. Сибирские и Туркестанские полки находили в себе силы бороться с превосходным противником, и германцам приходилось тратить по $1^1/_2$—2 часа для овладения разрушенными окопами. Им приходилось повторять атаки и всякий раз вливать свежие резервы. Таким образом, не искусство, не качество германского солдата достигали успеха, а только численный перевес сил, а также материальное преимущество.

Атака сопровождалась всегда большими потерями. Для их уменьшения германцы приняли метод постройки окопов для атаки, выносимых вперед из основных окопов обороны. Эти выносные окопы должны давать возможность в самое короткое время достигать окопов противника, чтобы минимум времени подвергаться его заградительному огню.

Находившийся в рядах 86 пехотной дивизии полк. Брухмюллер опыт Праснышского сражения положил в основу своей теории прорыва укрепленных позиций. Эта теория

в дальнейшем совершенствовалась и привела к таким основным правилам:

1) Атакующие должны достигать участков для штурма по возможности в одну перебежку для уменьшения потерь от заградительного огня противника, для достижения чего пользоваться выносными окопами.

2) Батареи атакующего должны заранее быть пристрелены к своим строго определенным целям и вести огонь с наибольшей скоростью.

3) В момент атаки все батареи переносят огонь в тыл атакуемых участков, образуя огневую завесу, препятствующую как отходу защитников из атакованных окопов, так и подходу к ним поддержек.

4) По овладении окопами 1-й линии укрепленной полосы, все батареи переносят огонь по целям 2-й линии для подготовки развития удара.

5) Вслед за атакующими должны двигаться сильные части, которые, пользуясь прорывом 1-й линии, начинают уширять прорыв, атакуя во фланг еще держащиеся на позиции группы противника.

6) Атакующие должны выделять часть сил для борьбы с остающимся в не разрушенных убежищах противником (так называемые чистильщики).

Эти правила могут служить основанием для критической оценки действий германцев. Первые четыре правила германцы применяли в Праснышском сражении, подходя к ним ощупью опыта. Два последних правила не применялись вовсе. Для чистильщиков еще не было нужного снаряжения, а для уширения прорыва не было резервов. Отсюда видно, что германцы начали сражение с недостаточными силами и не могли добиваться быстрого и решающего успеха. Для уширения фронта прорыва им приходилось вести новые самостоятельные атаки, по предложению Людендорфа.

Принятый германцами способ атаки сам по себе не мог дать успеха, если бы русские сами не помогали им. Русские окопы были слабы (не было бетона), защитники не имели надежных убежищ (было немного против 6-дюймовых снарядов), орудий было мало, пулеметов недоставало до штата, боевых припасов—ограниченное число. Все эти недочеты, в связи с пассивным способом обороны, облегчали германцам достижение тактического успеха.

Для достижения идеала сопротивления на укрепленной позиции русские должны были иметь хотя бы половину того числа орудий, какое имели германцы. У русских было от одной шестой до одной десятой. Они не могли бороться с батареями противника, и случаи вынужденного молчания для германцев были редкостью. Русским батареям приходилось считаться с недостатком снарядов и иногда отказываться от

огня. Нужны были пулеметы в бетонированных гнездах, нужны были постоянные пополнения, так как от артиллерийского огня потери доходили до 75% в некоторых ротах. Всего этого не было, и этим германцам оказано содействие к их успеху.

Поразительное проявление стойкости и моральных свойств русских стрелков не могло искупить всех недочетов. Непрерывное напряжение втечение 13—14 часов иногда приводило к резкому упадку духа и к безостановочному отходу. Однако, стоило лишь появиться небольшой свежей части, чтобы вновь упавшие силы получили почти прежнее напряжение. Этого постоянного питания частей людьми не было и части таяли и таяли, превращаясь в едва достаточный кадр для восстановления части.

Вот те причины, которые дали германцам их тактический успех.

б) Причины стратегического успеха русских.

Служебные трения между Фалькенгайном и Гинденбургом повели к тому, что на восточном германском фронте одновременно велось два удара. Один—армией Белова севернее Ковно (сражение под Шавлями) и другой—армией Гальвица (Праснышское сражение). Вместо сосредоточения сил для одного удара было разделение сил и на каждом направлении их было недостаточно. Гальвицу удалось создать ударную группу, которая была достаточна для прорыва, но недостаточна для его развития. По этой причине стратегический успех перешел на сторону русских.

Недостаток сил отразился также на плане сражения. Сначала главный удар ведут XVII армейский и XI армейский корпуса против 11 Сибирской дивизии. Продолжение этого удара выполнено, благодаря ошибке Гальвица, только через сутки, и это опоздание затруднило его выполнение. Тогда главный удар передается XIII и XVII армейским корпусам с переменой направления на Шельков. Удар падает на свежие силы русских (1 Сибирской и 30 пехотной дивизий), и приходится как бы начинать прорыв вновь с самого начала. Получается напрасная затрата сил и энергии. Людендорф переоценивает успех, вмешивается в порядок боя— в результате потеря времени и окончательная потеря возможного стратегического успеха.

Одни эти ошибки германского командования не могли дать русским их стратегического успеха. Эти ошибки только облегчили русским его достижение. Меры, принятые Алексеевым для подвоза резервов, и их ввод в бой создавали те условия, которые в дополнение к ошибкам германского командования давали возможность командованию армией при

своей полной пассивности поддерживать шатающийся фронт и своевременно отводить его назад на тыловые позиции. Этими периодическими отходами русские отрывались от германцев, выходили из-под их ударов, получали подкрепления и вновь продолжали такую же борьбу.

Этот постоянный прилив, хотя и с опозданием, привел к тому, что сопротивление фронта оставалось почти постоянным, требуя от германцев нового и нового напряжения сил и значительного расхода боевых припасов. Этот расход даже привел к перебою в снабжении.

Таким образом меры, принятые Алексеевым, были правильны, так как они способствовали достижению некоторого стратегического успеха. Задача 1-й русской армии сводилась к выигрышу времени и задержанию противника для продолжения эвакуации Варшавы. Эвакуация шла без перерыва и даже мешала скорому подвозу подкреплений, однако, германцы не достигли Нарева и принуждены организовать перегруппировку для нового сражения.

Этот успех мог быть больше при применении активной обороны, но командование армией не нашло в себе сил организовать и провести контр-маневр. Причиной этого служит как характер Литвинова и его ближайших помощников, так и недостаток материальных средств. Этот недостаток имел тормозящее значение для оперативного мышления, но сам по себе не мог сковать активность, если бы она была в наличии в штабе 1-й армии. Одновременно с этим Плеве вел сражение под Шавлями, он имел те же материальные недостатки, но действовал активно. На каждый маневр германского командования Плеве отвечал соответствующим контр-маневром и сам старался давить на волю противника. Литвинов воле противника оказывал лишь пассивное сопротивление и склонялся к подчинению ей.

Результат мер Алексеева легко видеть в таблице нарастания сил обороны, считая только фронт ударной германской группы.

День	Германцы	Русские	Примечание
13 июля . .	72 бтл. 792 ор.	44 бтл. 128 ор.	Резервы, не принимавшие участия в бою, не считались, но резервы, облегчавшие отход русским, вошли в подсчет.
15 июля . .	118 бтл. 792 ор.	62 бтл. 188 ор.	
16 июля . .	138 бтл. 1148 ор.	70 бтл. 256 ор.	
17 июля . .	132 бтл. 1064 ор.	100 бтл. 262 ор.	

Эта таблица показывает постепенное нарастание сил обороны, тогда как силы атаки 17 июля уже пошли на убыль. Это нарастание сил и явилось тем фактором, который затормозил стратегический успех германцев и дал его русским. Командование 1-й русской армии механически пользовалось приливом подкреплений и даже при такой пассивной деятельности меры Алексеева оказались вполне удачными. Они были бы более удачны при активности обороны и при организации контр-маневра.

Таким образом причинами стратегического успеха русских надо считать:

а) Недостаток сил для выполнения решающего удара в армии Гальвица, проистекающий из обстановки, заставившей Гинденбурга одновременно вести два удара.

б) Постоянное прибытие подкреплений к 1-й русской армии, как результат распоряжений Алексеева.

Первая причина зависела только от самих германцев, решивших в тот момент гнаться за двумя зайцами сразу, вследствие чего ни под Шавлями, ни под Праснышем им не удалось нанести решающего поражения русским. Вторая причина явилась результатом предусмотрительности и расчета со стороны Алексеева, хотя и поставленного Ставкой в положение принимать сражения при невыгодных условиях обстановки.

в) Управление войсками.

Германскому командованию принадлежал весьма важный фактор для достижения успеха, это—инициатива действий. От него зависели выбор времени и выбор направления для выполнения удара. Командование германским восточным фронтом предоставляет командующему армией полную оперативную свободу для достижения поставленной цели. Гальвиц сам вырабатывает план прорыва русского фронта, в связи с этим планом развертывает ударную группу и заблаговременно дает нужные войскам указания для подготовки, а на направлении главного удара сам следит за ходом всех работ. Когда выяснилось, что работы к сроку не будут закончены, то Гальвиц берет на себя решение—отложить удар на одни сутки.

Разработав окончательно детали первого удара, Гальвиц не назначает одновременного удара по всему фронту, а предоставляет выбор времени для выполнения атаки командирам корпусов, которые могут лучше судить о своевременности начала атаки. Как осторожный вождь, Гальвиц имеет резерв для развития достигнутого успеха, но как только в самом начале в атаке на Градуск получилась неудача, Гальвиц забывает о назначении своего резерва и тотчас

часть его (почти половину) бросает на поддержку XI корпуса. Это показывает, что Гальвиц следил за развитием событий и без всякой просьбы со стороны Плюскова усиливает его. Однако, расходование резерва по частям (резерва армии) является нарушением своего плана. Введя в бой почти половину своего резерва, Гальвиц вечером этого дня не решился пустить остальной резерв в бой для довершения начатого поражения русских (11 Сибирской дивизии). Очевидно, что он первоначально рассчитывал пустить в дело весь свой резерв сразу для достижения полного эффекта в поражении противника. Израсходовав почти половину его в самом начале боя, он к концу боя не решается пустить оставшуюся часть. Так одна ошибка (преждевременное расходование общего резерва) влечет за собою другую ошибку (неиспользование успеха). Если первая ошибка допустима, так как она дала тотчас несомненный успех, то вторая ошибка является недопустимой. „Недорубленный лес опять вырастает", говорил Суворов, и ошибка Гальвица ведет к тому, что русские получили возможность усилиться и оказать почти такое же сильное сопротивление. Это новое сопротивление заставляет Гальвица усомниться в достижении окончательной цели сражения.

Это сомнение побудило его обратиться за советом к Людендорфу. Полученный совет ведет к перемене направления главного удара, войска встречают сопротивление свежих сил русских, начинается заминка в развитии боя, что дает право Людендорфу вмешаться в управление армией. Последствия— потеря времени и стратегический проигрыш сражения. Вопрос о вмешательстве сверху в работу подчиненного являлся всегда нерешенным. Если подчиненный ведет дело правильно, то надо ему предоставлять полную свободу. Вмешательство сверху допустимо только при явных ошибках подчиненного. Вмешательство Людендорфа в 1-й день сражения, когда Гальвиц отложил атаку на утро следующего дня, было бы уместно, так как могло бы исправить сделанную ошибку. Вмешательство Людендорфа в последний день сражения с целью поймать уходящую стратегическую победу надо считать неправильным. Это вмешательство повело только к потере времени и уменьшению результата боя этого дня. Таким образом вмешательство Людендорфа в управление армией является отрицательным примером.

Обращаясь к деятельности командиров германских корпусов, следует обратить внимание на Плюскова и проявление им частной инициативы в 1-й день сражения. Своей ночной атакой он показал, что он хорошо понимал обстановку и своей решимостью как бы подчеркивал сделанную Гальвицем ошибку. Панневиц не последовал его примеру, и корпус Плюскова оказался изолированным и должен был остановиться.

Обращает также внимание атака Ваттером на Подосье. Атака входящего угла позиции противника представляет значительные трудности, и только отход русских позволил германцам форсировать Оржиц у Подосья.

Обращаясь к характеру распоряжений германского командования, легко видеть, что даваемые командирам корпусов задачи изложены в такой форме, что дают им возможность применять свой план действий для выполнения этой задачи. Оперативная мысль командиров корпусов не стесняется мелочными указаниями, и они могут проявить все свое искусство.

Командование 1-й русской армии не было на высоте своего положения. Предварительно им не было составлено предположений для контр-маневра. Когда начала выясняться вероятность атаки на Хоржельском направлении, то также не было намечено плана контр-удара, хотя было известно о направлении к армии IV и XXI корпусов. Командование совершенно не учитывало наличия крепости Новогеоргиевска, дававшего возможность использовать ее в плане контр-маневра. Можно думать, что вся работа армии сводилась к механическому выполнению текущей переписки, донесений и распоряжений. Полная пассивность господствовала во всех действиях. Отсюда—пассивность обороны и шаблонное подпирание слабых участков с тыла. Командиры корпусов Плешков и Шейдеман проявляли больше активности и часто толкали своего командующего армией на принятие решений. Даже такое решение, как отход всей армии, принималось почти случайно, а между тем в этих отходах заключается одна из причин затяжки сражения, т.-е. выигрыша времени, что составляло основную цель борьбы.

Отсутствие определенного плана для сражения вело к тому, что решения появлялись только под влиянием событий или лиц. Неясно и нерешительно отданное распоряжение повело к частичному отходу в конце 1-го дня сражения правого фланга 2 Сибирской дивизии, а настояния Шейдемана усилили этот факт—и решен отход всей армии на тыловую позицию. Самый отход был совершенно правильным решением, но это решение не было хорошо обдумано, и поэтому отход не был связан с перегруппировкой сил, что могло быть после обдуманного заранее решения. Этот отход, как неожиданный для противника, дал выигрыш времени и позволил подтянуть подкрепления. Результат отхода был бы более значительным, если бы он был связан с перегруппировкой для контр-маневра. То же можно сказать и о втором и третьем отходе. Все они являются случайностью, а не последствием плана сражения.

Может быть, позиционная война повлияла на падение активности у Литвинова и в штабе армии, но эта пассивность проглядывала во всех действиях. Войска получали

только пассивные задачи, им разрешались только короткие контр-атаки и запрещались более решительные контр-удары. Штабу армии был известен совет Алексеева—иметь сильные резервы и всегда прибегать к контр-удару. Надо было пять дней больших потерь и физического напряжения войск, пока совет Алексеева был принят, как руководящее правило, но и то только в отношении корпусов, а не армии. Этот совет выполнялся в сражении на р. Нареве, составляющем продолжение сражения под Праснышем, и привел к тому, что германцам понадобилось 17 дней, чтобы стать на Нареве твердой ногой. За это время закончилась эвакуация Варшавы, русские армии успели отойти от р. Вислы и весь маневр, начатый Фалькенгайном, потерял свое значение. Таков был эффект активной обороны, и такой способ надо было применить втечение Праснышского сражения.

Разведка за шесть дней до начала сражения дала сведения о сосредоточении сил германцев. За эти дни штаб армии мог многое сделать,—снять часть сил (дивизию) XXVII корпуса и направить в Маков, так как атака ожидалась на Хоржельском направлении. Вместе с 1 Сибирской дивизией в резерве армии было бы две дивизии или целый корпус, что даже при пассивном способе обороны давало в руки Литвинова ударную группу для короткой контр-атаки.

11 и 12 июля (28 и 29 июня) пристрелка большого числа германских батарей имела характер бомбардировки, и Литвинов перемещает свой резерв (1 Сибирскую дивизию) ближе к фронту в районе I Сибирского корпуса, на который ожидалась главная атака противника. Только настоящая артиллерийская подготовка, начатая германцами с рассветом 13 июля (30 июня), указала действительное направление атаки. Литвинов на этот факт реагирует только к полудню перемещением 14 кавалерийской дивизии в распоряжение Шейдемана. Конница должна сделать свыше 60 *км* и приходит ночью, когда ее поддержка бесполезна, ибо 11 Сибирская дивизия была разгромлена $4^1/_2$ германскими дивизиями. Не имея резервов (не считая 4 Сибирского полка, который в 1-й день сражения гулял по полю по воле Литвинова), штаб армии до последней возможности требует прочного удержания на слабо подготовленных позициях. Литвинов не хочет отступать и категорически требует упорной обороны.

Отход на тыловую позицию не был обдуман и распоряжение об отходе было вырвано обстоятельствами. Отходил вся армия на более короткий фронт, что давало возможность хотя одну дивизию взять в армейский резерв. Этого сделано не было, и весь расчет строился на подвозе 30 пехотной дивизии. Счастливая случайность (дождь) на сутки задерживает атаку германцев и только благодаря этим суткам, расчет на 30 пехотную дивизию мог оправдаться только отчасти.

Мы видели, что армия ничего не дала I Туркестанскому корпусу (обещана головная бригада) и потянула прибывшие части на смену 14 кавалерийской дивизии, которой пришлось дать боевой участок. Эти факты подтверждают отсутствие плана для ведения боя: распоряжения принимаются под влиянием просьб командиров корпусов, отменяются—по новым соображениям, в руководстве нет твердой воли и определенной цели.

В последующие дни наблюдаются те же недочеты в управлении армией. Даже приезд главнокомандующего Алексеева не мог пробудить активности. Ему был доложен план перехода в наступление по прибытии всех подкреплений, но этот план скорее всего был простым отбытием номера, так как был тотчас забыт; по крайней мере, нельзя найти ни одного распоряжения, которое подготовляло бы войска к такому наступлению. Прибывающие подкрепления вводились в бой по частям по мере их прибытия, и вопрос о переходе в наступление больше не поднимается.

Последний день сражения представляет рельефную картину управления армией. Такое важное решение, как отвод целого корпуса на другой берег Нарева, два раза принимается и два раза отменяется; однако, несмотря на отмену, отход выполняется распоряжением штаба I Сибирского корпуса.

Изложенное показывает, что руководство боем в 1-й армии в период Праснышского сражения нельзя назвать образцовым. В начавшемся 19 (6) июля сражении на р. Нареве оборона постепенно стала активной и руководство со стороны Литвинова и его ближайших помощников перестает носить отрицательный характер. Под каким влиянием подавленного состояния находился штаб армии в период Праснышского сражения—выяснить в делах архива не удалось.

г) Потери сторон.

Германцы считают свои потери в Праснышском сражении по корпусам и дают такие цифры: а) XIII корпус—81 офицер и 3.302 солдата; б) XVII армейский корпус—42 офицера, 2.894 солдата и XI корпус—76 офицеров 2.576 солдат, а всего 199 офицеров и 8.772 солдата.[1] В этом числе заключается 1.563 убитых, 6.429 раненых и 720 пропавших без вести. Подсчет пленных взятых русскими в дни сражения дает значительно меньшую цифру—427.

Потери русских выражаются такими данными:[2]

а) полки 11 Сибирской дивизии—105 офицеров, 10.951 солдат;

б) полки 2 Туркестанской стрелковой бригады—37 офицеров, 6.743 солдата;

---

[1] Meyer. Durchbruch am Narew, стр. 69.

[2] Дело № 43018, стр. 27.

в) полки 1 Туркестанской стрелковой бригады—6 офицеров, 740 солдат;

г) полки 1 Сибирской дивизии—74 офицера, 6.524 солдата;

д) полки 2 Сибирской дивизии—66 офицеров, 6.118 солдат;

е) полки 30 пехотной дивизии—80 офицеров, 7.856 солдат;

ж) полки 14 кавалерийской дивизии—23 офицера, 532 солдата.

Общая потеря выражается 361 офицер и 39.434 солдат. Из этого числа убитыми потеряно—около 12%, ранеными свыше 37% и около 50% пропавшими без вести. Число взятых в плен русских германцы считают—около 40 офицеров и свыше 16.000 солдат, что в общем отвечает сведениям частей.

Материальные потери выражаются такими данными: а) 12 орудий, из них два тяжелых; б) 48 пулеметов; в) свыше 30.000 ружей.

Свои потери германцы могли пополнить в 8—15 дней, а русские еще через полтора месяца не восстановили прежнего состояния частей, так как запас подготовленных пополнений и запас материальной части были весьма ограничены.

Обращает внимание слишком большой процент пропавших без вести. Это объясняется как периодическим упадком духа многих русских частей, добровольной сдачей в плен, а также спешными отходами, без обычного к ним приготовления, что не позволяло мелким частям своевременно получить распоряжение об отходе. Много пленных германцы взяли в бою после окружения русских рот и батальонов, а также отставшими при быстрых отходах.

д) Выводы.

Изучение какого-либо военно-исторического события прежде всего удовлетворяет естественную любознательность читателя, но этого еще мало. Вдумчивый читатель сам увидит много полезного для себя, так как автор старался дать оценку каждого более значительного факта. Нам, военным, чрезвычайно важно изучать примеры прошлого с чисто учебной целью. Еще Наполеон сказал, что если хотите знать как давать сражение, изучите 20 сражений. В этом совете великого полководца заложена та идея, что изучение опыта минувшего отчасти заменяет собственный личный опыт. Участники сражений большею частью мало знают о противнике и его стремлениях и иногда мало знают и о своих соседях, особенно далеких. Изучение военно-исторических примеров перед ними раскроет завесу над неизвестным и даст в руки данные для правильной оценки фактов будущего.

Таким образом изучение прошлого не будет бесплодным. Рассмотренное нами Праснышское сражение дает возможность сделать несколько практических выводов.

а) Подтверждается весьма старое правило — на одного втроем ударить разом, чем прежде всего обеспечивается успех. Это правило руководило в ту эпоху, когда дрались дубинами и сохранилось до наших дней. Теоретически это называется иметь превосходные силы на решительном пункте в решительный момент. Это то же самое, что называют принципом частной победы, сосредоточением сил на направлении главного удара. Следуя этому правилу, германцы в точках удара имели тройные силы пехоты и еще большее превосходство в числе орудий. Отсюда у них тактический успех, т. е. достижение главной цели боя на каком-либо участке.

б) Возросшее значение техники и особенно артиллерии резко видно в этом сражении. Германцы могли создавать огневой молот и им разбивать все препятствия, задерживающие успех их пехоты. В последний год Мировой войны этот молот превратился в огневой вал, так как число орудий еще более увеличилось. Огневой вал позволил сократить артиллерийскую подготовку до минимума и даже были попытки атаковать без таковой подготовки. В этом случае огневой вал медленно продвигался вперед, разрушая все, а вслед за ним двигалась пехота и вела борьбу с уцелевшим от этого вала. Иногда вслед за валом шли танки, а за ними пехота. Таким образом артиллерия выросла в главнейший фактор тактического успеха в бою.

в) Современный огонь потребовал таких колоссальных запасов, о которых никто раньше не думал. Первые месяцы Мировой войны показали, что боевых запасов ни у кого нехватило. Более промышленные и догадливые страны тотчас приступили к расширению существующих заводов, к постройке новых, а когда и этого оказалось мало, то стали приспособлять коммерческие заводы к работе на военные нужды. Старая Россия была отсталой в промышленном отношении страной и слишком поздно начала подражать другим. По этой причине почти весь 1915 г. проходит под давлением недостатка патронов, снарядов, орудий, пулеметов и винтовок. Мы видели, что в Праснышском сражении от недостатка патронов страдали многие части. Встречаются указания, что полки к утру боя имели более 300 патронов на винтовку. В течение дня опорожнялись все полковые патронные двуколки и для некоторых полков этого запаса нехватало. Поэтому вопрос об увеличении носимого запаса патронов весьма важен. Без меры носимого запаса увеличивать нельзя и отсюда важность правильного питания патронами втечение боя.

г) Окопы 1-й русской армии были неудовлетворительны, хотя это был 2-й прорыв укрепленной позиции (1-й на Дунайце). Опыт первого прорыва русскими был плохо учтен и только потом появились отсеки, разделявшие фронт на участки. Эти

отсеки представляли окопы, дающие возможность стрелять вправо и влево. Противник, прорвавшийся между такими отсеками, попадал под фланговый огонь с двух сторон и его распространение в глубину сильно тормозилось. Тем временем подходили резервы для контр-удара и иногда выбивали прорвавшегося назад. Это показывает, что надо с самого начала войны учитывать новый опыт и тотчас применять его в продолжающейся борьбе.

д) Из управления боем 1-й русской армии ясно видно, что командованию (штабу) следует всегда иметь в разработанном виде несколько вариантов для контр-маневра на случай наступления противника. Тогда будет возможно быстро составить план начавшегося боя и вести его планомерно. Отсутствие такой планомерности привело к тому, что отходы армии не были связаны с перегруппировкой, а прибывающие подкрепления вводились в бой по частям и имели лишь местное значение, мало отражаясь на общем ходе боя.

е) Это приводит к вопросу о резерве. Перед Мировой войной теория не признавала так называемых стратегических резервов. Опыт показал, что они необходимы и для их перемещения применимы железные дороги. Только благодаря тому, что Алексеев имел такие резервы и направил их для поддержки армии Литвинова, русским удалось получить стратегический успех. Таких резервов Гинденбург не имел и достигнутый тактический успех не мог развить в стратегический.

Помимо материальных данных успех боя основывается на моральных свойствах бойцов. В Красной армии моральная подготовка бойца поставлена на небывалую высоту. Новые лозунги стали близки массам, цели борьбы стали понятны и в будущем мы будем свидетелями таких высоких подвигов, которые превзойдут лучшие подвиги Гражданской войны.

Боевой состав 12-й германской армии к 13 июля (30 июня) 1915 г.

I армейский корпус ген. Эбен.

2 пехотная дивизия ген. Фальк	12 бтл.	3 эск.	72 ор.
37 „ „ „ Голлен	12 „	3 „	72 „
Корпусная артиллерия 4 тяжелых батареи	— „	— „	16 „
Итого	24 бтл.	6 эск.	160 ор.

XIII армейский корпус ген. Ваттер.

4 гвардейская пехотная дивизия ген. Швейниц	12 бтл.	3 эск.	72 ор.
3 пехотная дивизия ген. Штаабс	12 „	3 „	72 „
26 „ „ герц. Вюртемберг	12 „	3 „	72 „
Корпусная артиллерия 4 тяжелых батареи	— „	— „	16 „
Армейская „ 16 „ „	— „	— „	64 „
Итого	36 бтл.	9 эск.	296 ор.

XVII армейский корпус ген. Панневиц.

1 гвардейская резервная дивизия ген. Альбрехт	12 бтл.	3 эск.	72 ор.
35 пехотная дивизия ген. Ган	12 „	3 „	72 „
36 „ „ „ Генециус	12 „	3 „	72 „
Корпусная артиллерия 4 тяжелых батареи	— „	— „	16 „
Армейская „ 20 „ „	— „	— „	80 „
Итого	36 бтл.	9 эск.	312 ор.

XI армейский корпус ген. Плюсков.

38 пехотная дивизия ген. Шультейс	12 бтл.	3 эск.	72 ор
86 „ „ „ Верниц	12 „	3 „	72 „
Корпусная артиллерия 4 тяжелых батареи	— „	— „	16 „
Армейская „ 24 „ „	— „	— „	96 „
Итого	24 бтл.	6 эск.	256 ор.

XVII резервный корпус ген. Сурен.

14 ландверная дивизия ген. Эренфельд	12 бтл.	2 эск.	60 ор.
86 „ „ „ Брейгель	12 „	2 „	60 „
Корпусная артиллерия 1 тяжелая батарея	— „	— „	4 „
Итого	24 бтл.	4 эск.	124 ор.

Сводный корпус ген. Дикгут.

21 ландверная бригада	6 бтл.	2 эск.	36 ор.
Ландверная бригада ген. Гриппенкерля	6 „	2 „	36 „
Отряд Плантера	4 „	— „	18 „
„ Штампфорда	4 „	— „	18 „
Итого	20 бтл.	4 эск.	108 ор.

Армейская конница

Кирасирская бригада	—	8 эк.	6 ор.
Всего в армии	164 бтл.	46 эск.	1.262 ор.

Во время сражения прибыла

50 резервная дивизия ген. Гольца	12 бтл.	3 эск.	72 ор.

Каждая пехотная дивизия имела по 32 пулемета, но имеются наблюдения русской разведки, что пулеметов было больше.

Перед сражением число людей в ротах было увеличено против штатного и, по показаниям пленных, доходило до 250—270 человек.

Считая в среднем на одну дивизию 12.000 бойцов и 120 сабель на один эскадрон и 20 человек на орудие получим, что армия Гальвица в начале сражения не превосходила 177.000 человек.

Приложение 2.

Боевой состав 1-й русской армии.

(Дело № 73818, стр. 93—125).

I Сибирский корпус ген. Плешков, начальник штаба Зиборов.

1 Сибирская дивизия ген. Третьяков . . . . 16 бтл. 19 пул. 36 ор.
(120 офицеров, 13.121 штыков, 1.190 человек команд.).

2 Сибирская дивизия ген. Поспелов . . . . 16 бтл. 30 пул. 33 ор.
(118 офицеров, 12.439 штыков, 760 человек команд.).

Корпусная конница . . . . 6 сот.
(7 Сибирский казачий полк—18 офицеров, 853 сабли).

Корпусная артиллерия:

1 Сибирский мортирный дивизион	12 гауб.
Тяжелый артиллерийский дивизион 6″ гауб.	3
„ „ „ 42‴ пушек	3
„ „ „ 6″ пушек	5
	23 ор.

Инженерные части:
1 Сибирский саперный и 1 Сибирский понт. бтл.

Итого: 32 бтл. 6 сот. 49 пул. 92 ор.

(25.560 штыков, 1.930 команд. боевого назначения).

1 Туркестанский корпус ген. Шейдеман, начальник штаба Цихович.

11 Сибирская дивизия ген. Зорако-Зораковский . . . . 15 бтл. 26 пул. 30 легк. 12 горн. ор.
(230 офицеров, 14.397 штыков).

1 Туркестанская стрелковая бригада ген. Моржицкий . . . . . . 10 бтл. 36 пул. 30 легк. ор. [1]
(198 офицеров, 10.794 штыков, из них 599 без оружия).

2 Туркестанская стрелковая бригада ген. Колпиков . . . . . 10 бтл. 31 пул. 12 ор.
(182 офицера, 10.688 штыков, из них 1.007 без оружия).

Корпусная конница:

Туркестанская казачья бригада ген. Бюнтинг . . . . 8 сот. 8 пул.
(2 Уральский и 5 Оренбургский казачьи полки 32 офицера 982 сабли).

21 Донской казачий полк (24 офицера 589 сабель) . . . . . . 6 сот. [2]

---

[1] К бригадам прикомандированы 11 и 12 Туркестанские полки и к 1 бриг. две батареи 3 Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона. При бригадах формировались третьи батальоны в полках, чем объясняется нахождение безоружных. Эти бтл. принимали участие в сражении.

[2] Этот полк прикомандирован к Туркестанской казачьей бригаде, а сама бригада придана ко 2 Туркестанской стрелковой бригаде и занимала участок позиции.

5 Сибирский казачий полк (17 офицеров, 734 сабли) . . . . . . 6 сот.
9 Кубанская и 19 Донская отдельные сотни (5 офицеров, 212 сабель) . . . . 2 сот.

Корпусная артиллерия:

1 и 2 Сибирские отдельные мортирные батареи . . . . 12 гауб.
Брест-Литовская крепостная артиллерия . . . . 6 тяж. ор.
Ново-Георгиевская крепостная артиллерия . . . . 2 гауб. и 2 тяж. ор.

14 гауб. и 8 тяж. ор.

Инженерные части:

1 Туркестанский саперный бтл. и Туркестан. понтонная рота

Итого . . . 35 бтл., 21 сот., 101 пул., 104 ор.

XXVII армейский корпус ген. Баланин.

2 пехотная дивизия ген. Васильев . 16 бтл., 32 пул., 36 ор.
76 пехотная дивизия ген. Кузмин-Караваев . . . . 16 бтл., 32 пул., 36 ор.
Корпусная конница (1 Амурский казачий полк и 19 и 20 Кубанские отдельные сотни) . 8 сот.
Корпусная артиллерия (28 мортирный дивизион, 1 тяжелая батарея) . . . . 15 ор.

Итого . . 32 бтл., 8 сот., 64 пул., 87 ор.

I кавалерийский корпус ген. Орановский[1].

6 кавалерийск. див. ген. Роопа . . 24 эск., 8 пул., 12 ор.
8 „ „ „ Киселева . 24 „ 8 „ 6 „
14 „ „ „ Петерсона 24 „ 8 „ 12 „

Итого . . 72 эск., 24 пул., 30 ор.

Всего в армии . 99 бтл., 107 эск. и сот., 238 пул., 313 ор.
(94.233 штыков, 12.727 сабель или 106.950 бойцов).

Кроме того, в гарнизоне Ново-Георгиевска находилось: 661 легк., 60 кон. и 372 тяж. оруд. 18, 98 и 99 ополч. бриг. и 22 сот. погран. стражи.

Во время сражения прибыли:

а) 3 Туркестанская стрелковая бригада (9, 10, 20 и 21 Туркестанские полки с батареей)—8 бтл., 6 ор.

б) IV армейский корпус (30 и 40 пехотные дивизии)—32 бтл., 6 сот., 72 ор.

в) XXI армейский корпус (33 и 44 пехотные дивизии)—32 бтл., 6 сот., 72 ор.

---

[1] До этого назначения был нач. штаба Сев.-Зап. фронта.

СХЕМА №1.

Положение сторон к 5 июля (22 июня) 1915 г.

0 4 8 12 16 км.

Условные обозначения:

- ... Германцы,
- ... Русские,
- ... укр. тыловые позиц. русских,
- ... полев жел. дорога,
- ... разруш. „ „
- ... форт,
- ... разгранич. линия.

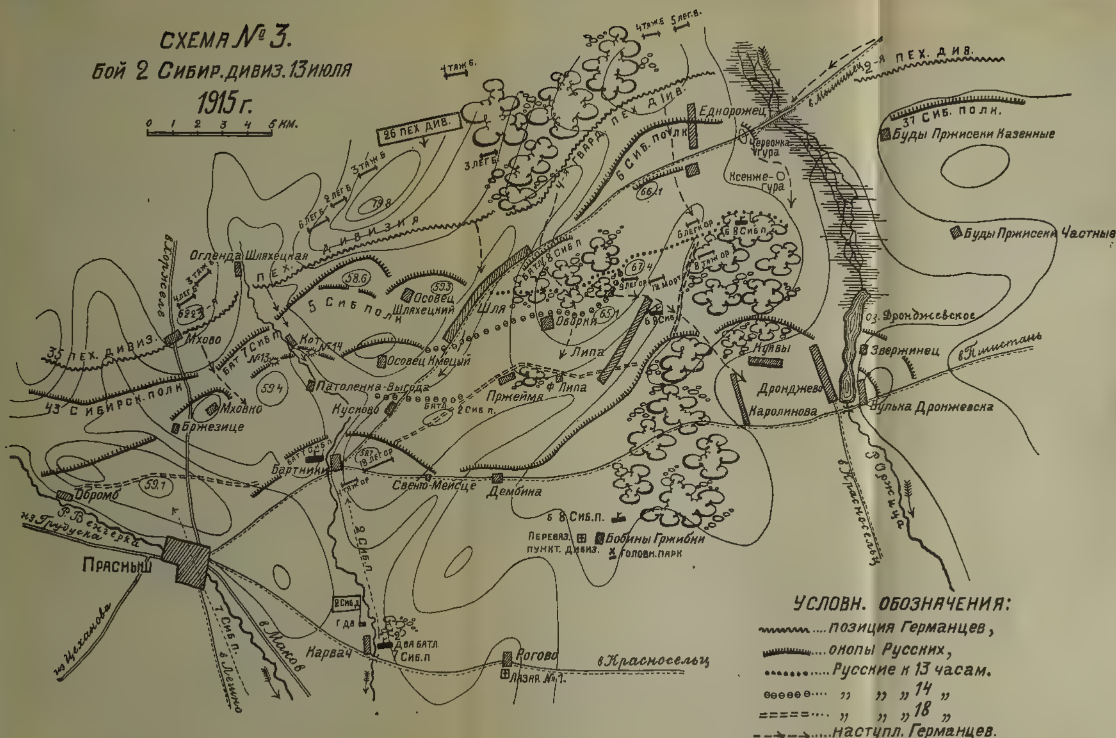

СХЕМА № 3.
Бой 2 Сибир. дивиз. 13 июля
1915 г.
0 1 2 3 4 5 КМ.
26 ПЕХ. ДИВ.
2-Я ПЕХ. ДИВ.
37 СИБ. ПОЛК.
Буды Пржисени Казенные
Буды Пржисени Частные
Еднорожец
Червонка Гура
Ксенже-Гура
6 Сиб. полк
Оглендa
Шляхецкая
5 Сиб полк
Осовец Шляхецкий
Оборки
Липа
35 ПЕХ. ДИВИЗ.
Мхово
43 СИБИРСК. ПОЛК
Мховко
Бжезице
Осовец Кмецый
Патоленна-Выгода
Кусново
Пржейма
ф Липа
оз. Дронджевское
Звержинец
в Пшистань
Нувы
Дронджево
Каролинова
Вулька Дронжевска
Бартники
Свенто-Мейсце
Дембина
Обромб
Р. Венгерка
из Грудуена
Прасныш
из Цеханова
в Маков
Карвач
Рогово
в Красносельц
Лазар. № 1.
Бобины Гржибни
Перевяз. пункт. Дивиз.
Головн. парк
Два батл. 7 Сиб. п
УСЛОВН. ОБОЗНАЧЕНИЯ:
....позиция Германцев,
....окопы Русских,
....Русские к 13 часам.
.... „ „ „ 14 „
.... „ „ „ 18 „
....наступл. Германцев.
Силы сторон: Германцы....36 батл. 96 пул. 24 легк. и 18 тяж. батарей
Русские ....16 „ 30 „ 36 „ 12 морт. и 12 тяж оруд.

СХЕМА № 5.
Участок позиции 11 Сиб. див.

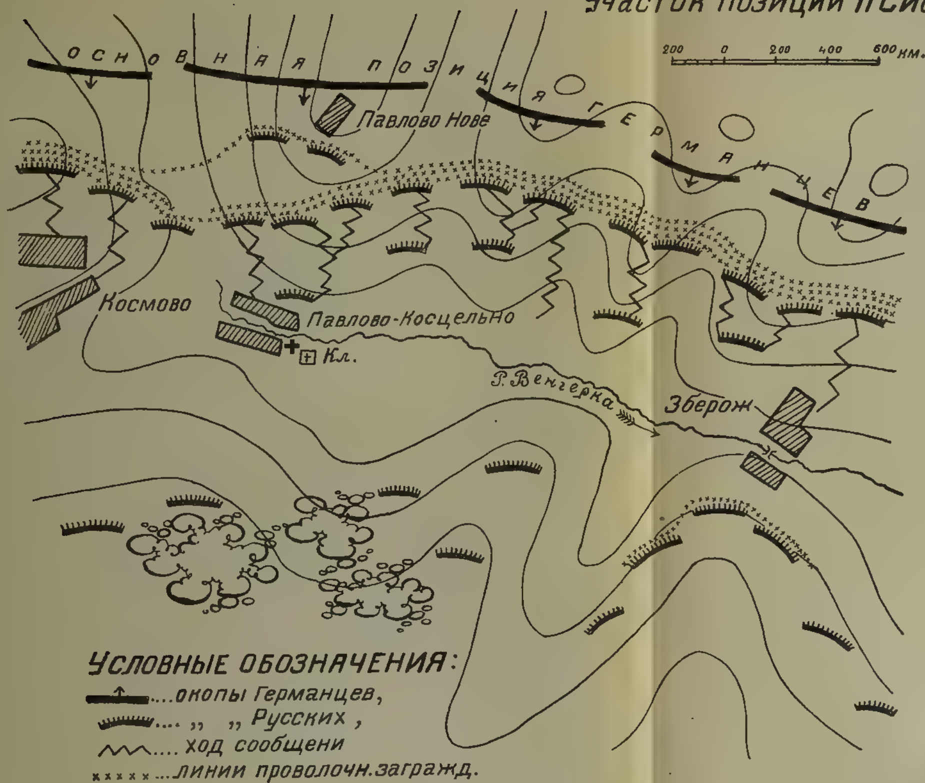

СХЕМА № 6.
Отход 1-го Сибирск. корп. в ночь на 14 июля 1915 г.

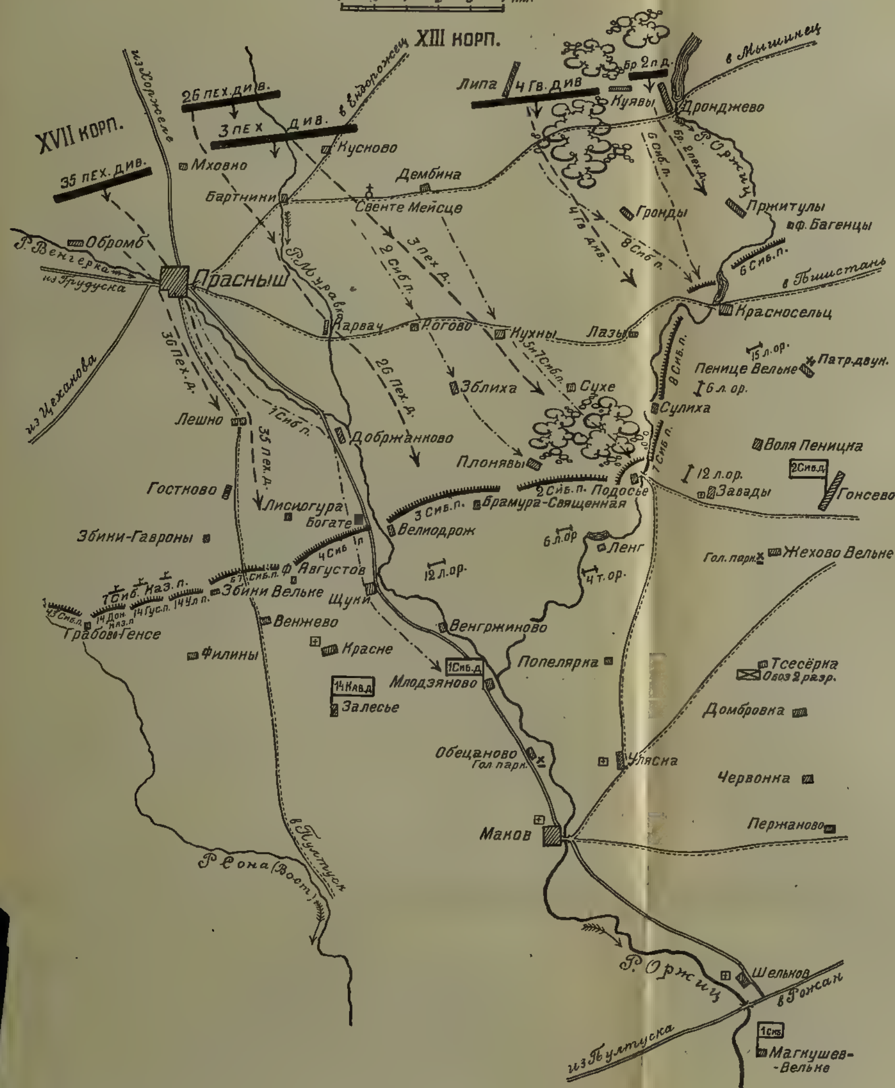

СХЕМА № 8.
Бой 2 Сибир. дивизии
15–16 июля 1915 г.

0 1 2 3 4 км.

в Млшинец
Церпента
бр. 2 пех. див.
Еднорожец
из Прасныша
Буда-Пржисеки-Казенная
Лев. фланг 10 Сиб. д.
Р. Оржиц
Буда-Пржисеки-Частная
в Кадзидло
Бок отр. 10 Сиб. див.
Дронджево
Вулька-Дронджевска
Вулька-Рановска
из Прасныша
Раки
Грабово
в Пшистань
бр. 2 пех. д.
Пржитула
ф Багенцы
Хмелин
Забелье-Вельке
Грабник
4 гвард. див.
6 Сиб. п.
Тылов. позиц. 10 Сиб. д.
в Пшистань
Бернаты
Разгр. лин. 1 и 19 др.
из Прасныша
Лазы
Сельцпенло
Красносельц
Мамино
8 Сиб. п.
3 пех. д.
Сухе
Хойново
Сельц-Колония
Пенце-Вельке
Сулиха
Хелхи
Плонявы
7 Сиб. п.
5 Сиб. п.
Воля-Пеницка
2 Сиб. д.
2 Сиб. п.
Подосье
Замостье
19 Драг. п.
Завады
Гронсево
Славново
Глинское
Ленг
Голонивы
Беджице-Козегловы
Жехово-Татсь
Беджице-Старавесь
Ружь
в Остроленку
Кржишево-Надречна
Кржишево-Борове
Заленжи-Поникевна
2 Сиб. п.
21 Турк. п.
7 и 5 Сиб. п.
Каленчин
Гуты-Малы
9 Турк. п.
Затсишье
8 Сиб. п.
6 Сиб. п.
Гуты-Дужи
Высениры
Тсесерка
Домбровка
Заленжи-Выпихи
Р. Нарев
Р. Рожаница
Шиги
33 пех. див.
из Макова
Рожан

СХЕМА № 9.

Бой 1-ой Сиб. и 30 пех. дивизий 15–16 июля 1915 г.

0 1 2 3 4 5 км.

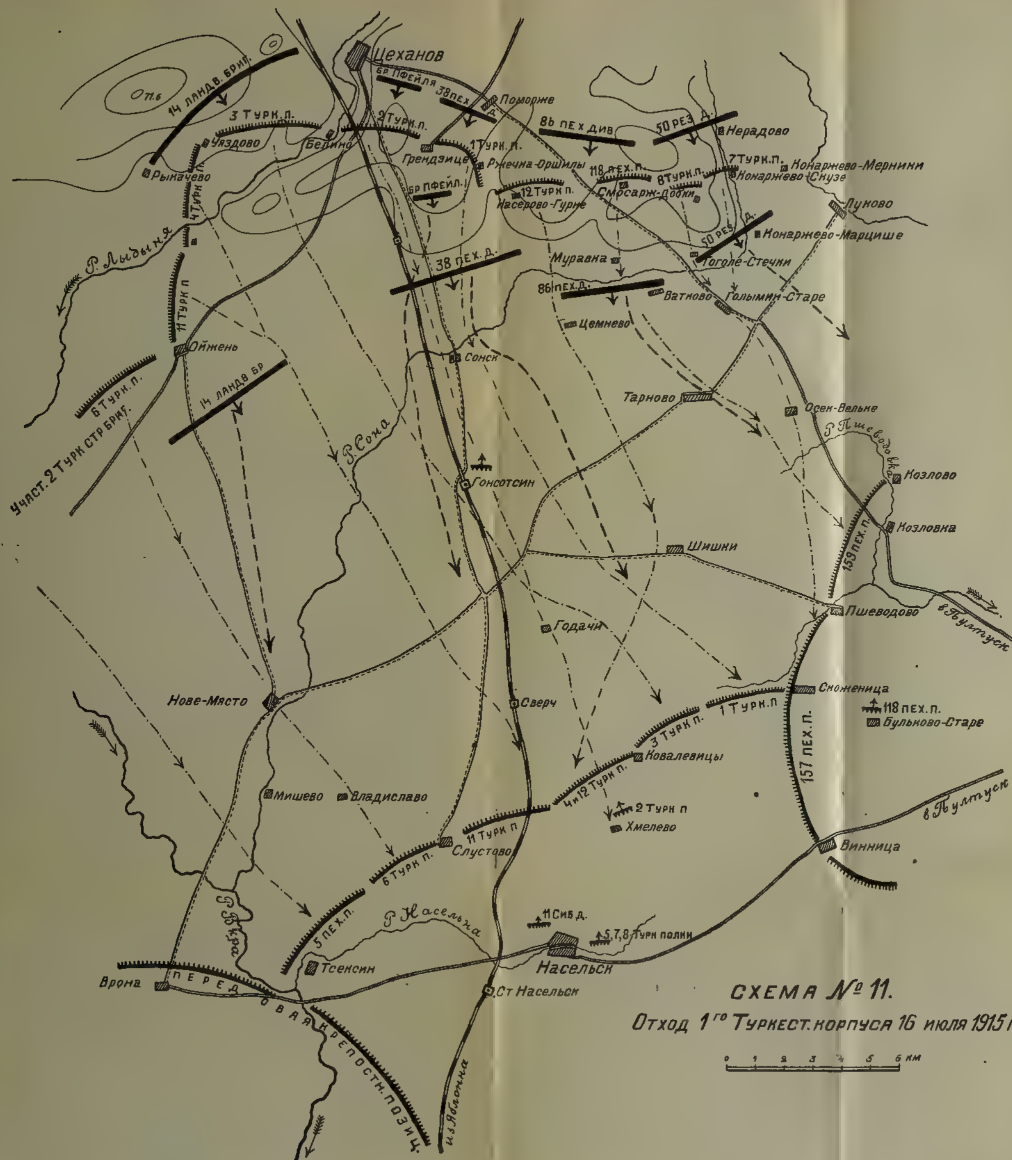

Цеханов
Оп.6
14 ландв. бриг.
3 Турк. п.
Уяздово
Рыкачево
4 Турк. п.
Белино
2 Турк. п.
бр. Пфейля
38 пех. д.
Поморже
Грендзице
1 Турк. п.
Ржечна-Оршилы
бр. Пфейл.
12 Турк. п.
Насерово-Гурне
86 пех див
50 рез. д.
Нерадово
118 пех. п.
8 Турк. п.
Смрсарж-Добки
7 Турк. п.
Конаржево-Мернини
Конаржево-Снузе
Луново
50 рез. д.
Конаржево-Марцише
Тоголе-Стечни
Р. Лыдыня
38 пех. д.
Муравка
86 пех. д.
Ватново
Голымин-Старе
Цемнево
11 Турк. п.
Ойжень
Сонск
6 Турк. п.
14 ландв. бр.
Тарново
Осек-Вельне
Р. Пшеводовка
Участ. 2 Турк. стр. бриг.
Р. Сона
Гонсотсин
Козлово
Козловка
159 пех. п.
Шишки
Пшеводово
в Пултуск
Годачи
Нове-Място
Сверч
Сноженица
118 пех. п.
Бульново-Старе
1 Турк. п.
3 Турк. п.
Ковалевицы
4 и 12 Турк. п.
157 пех. п.
2 Турк. п.
Хмелево
Мишево
Владиславо
11 Турк. п.
Слустово
6 Турк. п.
в Пултуск
Винница
Р. Вкра
5 пех. п.
Р. Насельна
11 Сиб. д.
5, 7, 8 Турк. полки
Тсенсин
Насельск
Врона
Передовая крепостн. позиц.
Ст. Насельск
из Яблонна
0 1 2 3 4 5 6 км
СХЕМА № 11.
Отход 1го Туркест. корпуса 16 июля 1915 г.

СХЕМА № 12.
Бой I-го Сиб. и IV арм. корпусов
17 июля 1915 г.
0 1 2 3 4 5 км.
Рожан
Пултуск
Р. Нарев

1 р. 40 к. 3268

